

90
В 695

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. В. КУЙБИШЕВА

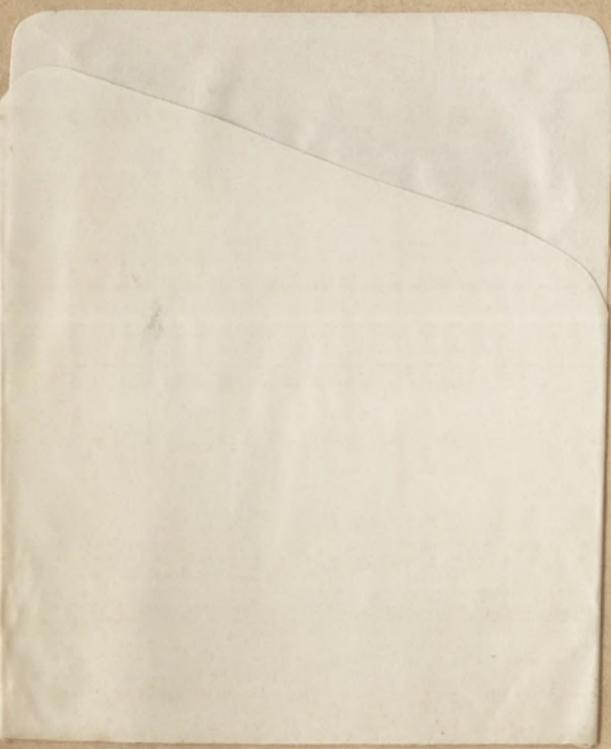
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

Н. В. БЛИНОВ

**ОЧЕРКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
РАБОЧЕГО КЛАССА СИБИРИ**

Издательство Томского университета

Томск — 1974

10
5 695

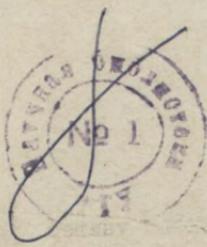
ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.В.КУЙБИШЕВА

Проблемная научно-исследовательская лаборатория
истории, археологии и этнографии

Н. В. БЛИНОВ

ОЧЕРКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СИБИРИ

~~44.1024.11~~
1-173628 к.ф.

Издательство Томского университета

Томск - 1974

00 + 902 + 321.914.1] (C/8)

© Издательство Томского университета, 1974 г.

ВВЕДЕНИЕ

В современной советской историографии вопросы истории пролетариата России стали одним из основных направлений творческой работы исторической мысли. Быстрое и широкое вовлечение исследователей в разработку различных аспектов истории пролетариата¹⁾ — несомненное свидетельство назревшей необходимости ее осмысления на базе современных теоретико-методологических и историко-конкретных знаний.

Анализ и обобщение научно-исследовательской работы по проблеме, выполненной дореволюционной историографией, — необходимая составная часть начатого и предстоящего труда. Обращение к ней неизбежно не только в историографическом, но и в источниковедческом плане, в плане формирования фактологической базы исследований.

Одним из аспектов в решении задачи является историографическая разработка истории рабочего класса окраин России, без которой нельзя представить в целом картину исследовательской работы и нельзя обозреть тот источниковый материал, который служил историкам и был создан в процессе их труда.

В любом случае анализ и обобщение дореволюционной литературы, посвященной в той или иной мере рабочему классу Сибири, имеет свой смысл и как разработка части общей историографии пролетариата России, и как научное обозрение основного комплекса источников, служащих современным исследователям проблемы²⁾.

Дореволюционная Сибирь не имела специальных исторических научно-организационных центров. Не было в ней и высшего исторического образования, и профессиональных историков-ученых. Функции изучения истории края отчасти выполняли местные отделы Русского

1) Об объеме и основных направлениях современной исследовательской работы по проблеме дает представление статья Ю.И.Кирьянова "Современное состояние изучения истории российского пролетариата" (В сб. "Из истории рабочего класса СССР", Киров, 1972).

2) Некоторое отражение дореволюционная историография рабочего класса Сибири получала при анализе историко-социологических взглядов отдельных историков, выполненном В.Г.Мирзоевым и М.Б.Шейнфельдом (В.Г.Мирзоев, Историография Сибири, Демарксистский период. М., 1970; М.Б.Шейнфельд, Историография Сибири (конец XIX — нач. XX вв.), Красноярск, 1973). Отдельные замечания по дореволюционной исторической литературе о сибирских рабочих имеются в статье А.А.Мухина "К истории изучения пролетариата Сибири эпохи капитализма" (Ученые записки Иркут. пед. ин-та, вып. 28, Иркутск, 1967) и в статьях автора предлагаемой работы (Н.В.Блиннов, Рабочие Сибири в конце XIX — нач. XX вв. К истории и проблематике вопроса. "Из истории Сибири", вып. 3 Томск, 1971; его же. Дореволюцион-

географического общества, музей и общественные организации¹⁾; отчасти органы периодической печати и различные правительственные комиссии, преследовавшие узко-специальные цели. Историков центра, за редким исключением, историография Сибири интересовала лишь в плане решения общероссийских проблем или вопросов, тесно связанных с ними (завоевание, крестьянская колонизация, ссылка и т.д.)

На исследование прошлого и настоящего местного рабочего класса влияло не только общее состояние научно-исторической мысли в Сибири, а и общие для российской историографии того времени факторы. Полузапретность темы, подозрительность в отношении работающих над ней, ограничения в допуске к архивным документам, жесткие цензурные регламентации и т.д. отталкивали от нее буржуазных историков и сковывали творческую мысль представителей революционно-демократического направления.

Но вместе с тем в обстановке революционного кризиса в стране история современности, в которой пролетариат играл выдающуюся роль, приобрела особую актуальность. Обращение историков к проблемам современного им рабочего класса было закономерной реакцией на остроту классовой борьбы в стране и одновременно - составной частью этой борьбы.

Как в целом историография Сибири эпохи капитализма, так и историография местного рабочего класса развивались в русле общероссийского исторического познания. Однако отставание Сибири в общероссийском процессе социально-экономического развития и в анализе его научно-исторической мыслью породило одну существенную особенность: большинство исследователей социальной истории Сибири XIX-нач. XX вв. не находили здесь рабочего вопроса, не видели местного пролетариата.

Вследствие этого большая часть историко-фактических сведений, как и концепционно-социологических высказываний с рабочих, сосредоточена не в специальных исследованиях, а в трудах более широкой проблематики, где рабочий чаще всего появлялся как компонент экономической истории края. Специальные работы, посвященные сибирским пролетариям, - это в значительной мере экскурсы в прошлое

ная историография о положении рабочих в Сибири. "Из истории Сибири", вып. 6 Томск, 1972).

1) В 1908 г. в Петербурге возникло "Общество изучения Сибири и улучшения ее быта", отделения которого позже появились в крупных сибирских городах. В 1911-1916 гг. организовались Архивные ученые комиссии в Иркутске, Томске, Красноярске. Подотделы Русского Географического общества в начале 900-х гг. были в Иркутске, Чите, Красноярске, Томске и Омске.

при постановке злободневных вопросов современности или публикации краеведческого характера. Проблемные исторические и статистико-экономические исследования уступают им по представительству. Особое место занимает обширная по объему группа официальных и полуофициальных статистических изданий: отчеты и доклады различных комиссий и их отдельных участников; обзоры экономического состояния отдельных районов Сибири или отраслей ее хозяйства; данные текущей ведомственной статистики и итоговые сводки ведомственных обследований.

В дореволюционной историографии рабочего класса Сибири можно выделить следующие четыре направления: дворянско-октябристское¹⁾, либерально-буржуазное, мелкобуржуазное и марксистское.

Такое подразделение наиболее полно отражает классово-политические взгляды авторов и учреждений, оставивших труды о рабочих Сибири. Однако в действительности четкость его проявлялась далеко не всегда. Среди авторов, выступавших в роли историков, публицистов, экономистов, было немало представителей довольно эластичных идеологических позиций. Выделялись своей методологической и концепционной определенностью марксисты, тогда как грани между монархистами и кадетами, с одной стороны, между областниками и эсерами, с другой, нередко были трудноуловимыми.

И дело было не только в том, что история рабочих в Сибири была тогда современностью, в которой наиболее гибкие политики монархизма и буржуазного либерализма не бескорыстно считали задачей извлекать свои симпатии рабочему классу. В Сибири по вопросам социальной истории и современности чаще всего высказывались правительственные чиновники, местные администраторы, политические ссыльные, официальное положение которых накладывало свой отпечаток на характер работы, а тем более выводы авторов. Нельзя сбрасывать со счета влияние областничества, пропагандировавшего долгое время идею демократического союза всех активных сил в Сибири.

Наконец, царская цензура выступала отнюдь не техническим корректором, когда встречалась с марксистским анализом социально-экономических проблем Сибири или с негативными оценками правительственной политики.

1) Если бы не нарушался общий критерий подразделения, дворянско-октябристское направление вполне можно было бы назвать "правительственным", т.к. представители его обычно выражали государственно-бюрократическую точку зрения на социально-экономическую историю Сибири, которая не всегда совпадала с историческими взглядами правого крыла российской буржуазии.

Как в дореволюционной историографии пролетариата России в целом, так и в литературе о сибирском рабочем преобладали сочинения авторов либерально-буржуазного направления. За ними, по количественному соотношению, следует поставить демократическую историографию. Менее представительна и более публицистична марксистская историческая мысль в Сибири. Дворянско-октябристское направление не оставило серьезных научных исследований о сибирских рабочих. Но представители его дали основной статистико-экономический материал о местной промышленности; численности рабочих, миграции рабочей силы, а отчасти и о рабочем движении, обработка и трактовка которого выдержана в духе монархической историографии.

Дореволюционная историография рабочего класса Сибири имеет свою историю. В ней различаются два периода: до и после революции 1905-1907 гг. Подтолкнув либерализм к контрреволюционности в политике, революция обусловила радикальные смещения во взглядах либералов на рабочий класс, на его историю. В конечном итоге эти смещения были частным проявлением общего кризиса буржуазной исторической мысли в России. Ускорившийся после революции процесс разложения в мелкобуржуазной историографии усилил субъективно-идеалистические тенденции в подходе к проблеме исторической закономерности. Часть историков он подтолкнул к преувеличению психологического фактора в социальных движениях, а других - к отрицанию самостоятельной исторической миссии трудящихся масс.

Одним из последствий революции 1905-1907 гг. было резкое усиление враждебности к марксизму со стороны либеральной историографии; переход в наступление на материализм. В итоге стало изменяться соотношение научно-исторической мысли в стране: пройдя через полосу критики справа и слева материализм постепенно укрепляет свои позиции в науке, привлекая к марксистам сторонников из лагеря демократической научной интеллигенции.

Революция 1905-1907 гг. стала рубежом для всех названных направлений в историографии рабочего класса Сибири потому, что она обналичила классово-партийные позиции представителей этих направлений, чем ускорила выяснение взаимоотношений между ними, выработку более четких идейно-теоретических позиций и конкретно-исторических взглядов.

На смену сдержанности в отношениях марксистов и областников после 1905 г. пришли нападки последних на местные организации РСДРП, на выступления рабочих в 1905-1907 гг., на марксистскую концепцию социально-экономической истории Сибири с конца XIX в. Областничест-

во чем дальше, тем больше во взглядах на рабочих отходит от либерально-народнического демократизма к буржуазному либерализму. Одновременно в легальной печати увеличивается число марксистских работ, посвященных условиям наемного труда на восточной окраине, рабочему движению в 1905 г. и позже, профсоюзам и т.д. К сибирскому читателю находит дорогу марксистская критика классовых позиций буржуазных историков и публицистов. Сибирская демократическая печать чем дальше, тем больше становится благоразумно-кадетской и в такой мере отказывается от прежней поддержки рабочих, от признания их заслуг в общественном движении Сибири.

Но одновременно с этим послереволюционная историография рабочего класса Сибири не дает оснований абсолютизировать воздействие на нее событий 1905-1907 гг.: большая часть буржуазных и мелкобуржуазных авторов осталась верной прежним общим концепциям, совершенствуя лишь их уязвимые места. Если в начале XX в. темпы социально-экономического развития Сибири резко возросли, что нашло почти немедленное отражение в ее политической жизни, то научно-историческое осмысление как самих этих факторов, так и их вероятных последствий, по причинам вполне понятным значительно отставало. Это, в частности, отразила и историография местного рабочего класса.

ДВОРЯНСКО-ОКТЯБРИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Реакционная дворянско-монархическая историография, рассматривавшая самодержавие как надклассовую политическую организацию, постоянно подчеркивала равную заинтересованность государства в предпринимателе и рабочем. Для исторической литературы этого направления вплоть до начала XX в. был характерен взгляд на рабочего как на крестьянина или недавнего крестьянина, еще не выработавшего черт особого социального типа. Считалось, что в промышленности господствуют патриархальные отношения между хозяином и рабочим, а проявления рабочего движения рассматривались как следствие недостаточного правового вмешательства государства в дела фабрикантов.

Некоторые "ненормальности" в положении рабочих признавались в дворянско-октябристской литературе. Однако, говоря словами автора нескольких книг по рабочему вопросу В.П.Литвинова-Фалинского, связи рабочего с землей и разбросанность промышленности "должны в значительной степени задерживать сознание рабочими некоторых ненормальностей в их положении". А пока "у нас не может быть речи о борьбе между фабрикантами и рабочими в западно-европейском смысле" ¹⁾.

Очевидно поэтому дворянско-монархическая историография вплоть до начала XX в. специально не занималась изучением вопросов формирования, положения и борьбы рабочего класса. Чаще всего эти вопросы находили отражение в ведомственных исследованиях промышленности, транспорта и торговли. Чиновники Министерства финансов, а позднее — промышленности и торговли, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, служащие местных административно-хозяйственных учреждений, выступавшие авторами или составителями работ, далеко не всегда полностью разделяли взгляды дворянско-октябристской концепции, особенно после 1905 г. Но в их трудах, как правило, выводы подчинялись интересам самодержавного правительства. Это направление исторической мысли в равной мере можно называть официальным, правительственным. Поэтому и все направление точнее назвать дворянско-монархическим и дворянско-октябристским для начала XX в.

1905 год разрушил официальную концепцию. Больше нельзя было представлять рабочий вопрос как сферу частных отношений хозяина и работника и нельзя было уклониться от признания несостоятельными прежних взглядов на рабочий класс России. Уже в 1906 г. Министерство промышленности и торговли заявило, что "в настоящее время считаются неудовлетворительными и нуждающимися в реформах те самые

1) В.П.Литвинов-Фалинский. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900, стр.ХУШ.

отношения, которые не казались таковыми в прежнее время¹⁾. Не изменяя сущности социальных отношений, правительство меняло формы своей политики относительно рабочих, раздувая в ней патернализм и реформаторство. Официальная историография, сохраняя прежние классовые позиции, заимствует терминологию и эмоции либерально-буржуазной литературы.

Теперь идеалистическая в своей основе теория о решающей роли государства в формировании социально-экономической жизни пополняется поправкой на влывательность общественного сознания: "Положение рабочих улучшается, но еще быстрее в общественном сознании вызревают идеи гуманизма и справедливости по отношению к низшим классам. Люди крайних настроений и безответственные граждански используют эти идеи для возбуждения невежественной массы рабочих. Изменить принципиально положение рабочих нельзя, но улучшение его должно быть заботой правительства"²⁾. Слияние демагогии с неспособностью научного анализа социально-экономических процессов составило главное содержание этой литературы.

Те же мотивы пронизывают дворянско-октябристскую историографию сибирских рабочих. Авторами работ были, за редким исключением, официальные лица и их исследования выполнялись не столько в научных интересах, сколько являлись служебными поручениями. Таково большинство изданий Комиссии Комитета Сибирской железной дороги, Комиссии для собрания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности, Главного переселенческого управления, Комитета по заселению Дальнего Востока и других. Несомненно, основная масса работ этого типа должна быть отнесена к источниковой литературе и рассмотрена в соответствующем разделе, поскольку в них научный анализ собранных фактов сведен до минимума или отсутствует совершенно.

Меньшую же часть изданий, содержащих авторские попытки научно систематизировать собранный материал и, пользуясь определенными теоретико-историческими воззрениями, раскрыть содержание изучаемой ситуации, вполне можно принять за историографический источник³⁾.

1) Материалы по пересмотру рабочего законодательства. Объяснительная записка. Изд. МШПТ, 1906, стр. I.

2) В. П. Литвинов-Фалинский. Наше экономическое положение и задачи будущего. СПб., 1908; А. К. Быков. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909; М. Д. Янковский. Наше законодательство о золотопромышленности. М., 1913.

3) Среди них: Н. Д. Путинцев. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1897; Ф. М. Гарниц-Гарницкий. Из поездки по Восточной Сибири. Доклад на общем собрании Вольного экономического общества. СПб., 1894; Мещерин. Возможность развития существующих и основания новых заводов в Сибири в связи с постройкой Сибирской железной

Совершенно аналогично подразделение работ, выполненных представителями местной администрации¹⁾, тогда как трудов профессиональных историков и публицистов, принадлежащих к дворянско-октябристской научной мысли, известно значительно меньше²⁾.

Даже в тех случаях, когда авторы не были исполнителями заказов соответствующих ведомств и учреждений, их занимали преимущественно вопросы прошлого и настоящего промышленности, транспорта, экономического освоения малонаселенных мест. Рабочий попадал в поле зрения чаще всего как составная часть трудно разрешаемых в Сибири хозяйственных проблем. Принятым среди официальных исследователей было утверждение, что в Сибири есть золотые промыслы, куда стекаются местные и российские крестьяне, поселенцы, бродяги, но нет промышленности. Даже в 1915 г. М. Писарев считал, что в сибирской промышленности "работает не более 10 тыс. человек"³⁾

Нехватка рабочих в Сибири, особенно квалифицированных, по мнению большинства авторов, обусловила такое положение, когда не рабочий зависит от промышленника, а наоборот - предприниматель часто во власти своих рабочих (Емельянов, Дунай-Горкавич, Мелентьев).

дороги. Труды Комиссии Комитета Сибирской железной дороги. Вып. XII. СПб., 1893; М. Ф. Горбачев. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа, т. III. СПб., 1905; И. Ф. Садовников. Систематический указатель по карте золотопромышленности Олекминского горного округа. СПб., 1909; А. А. Панов. Движение рабочих на заработки в 1911 году. СПб., 1911.

1) М. Герасимов. Очерк Нерчинского горного округа. СПб., 1896; А. А. Дунай-Горкавич. Тобольский север. СПб., 1904; Д. М. Головачев. Поселки по линии Забайкальской железной дороги. Чита, 1908; К. Н. Тульчинский. Восточно-Сибирская горная область в 1907 году. Томск, 1909; Забайкальская железная дорога. 1900-1910 гг. Сб. статей. Иркутск, 1910; П. Клоков. Промышленность и торговля Томской губернии. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910; А. Мелентьев. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японской войны. 1900-1907. Ашгабад, 1910; М. Н. Орлов и П. В. Карпинский. Очерк развития деятельности Сибирской железной дороги с 1900 по 1910 гг. Томск, 1912.

2) Н. Емельянов. Очерки современного положения горного промысла в Восточной Сибири. "Вестник золотопромышленности", 1892, № 4; его же. Золотопромышленность и рабочий вопрос в Сибири. "Русский вестник", 1899, т. 264, кн. XI; его же. Золотопромышленность и промысловый налог. "Русский вестник", 1900, т. 266 кн. IV;

В. Ю. Григорьев. Перемена в условиях экономической жизни населения Сибири. Красноярск, 1904; М. Н. Писарев. Сибирь. Историко-географический очерк. М.-П., 1915.

3) Указ. работа, стр. 162.

Ревнитель интересов золотопромышленности Н.Емельянов полнее других изложил эту версию. Чтобы привлечь рабочего в тайгу, промышленник выдает ему большой задаток. Является рабочий "в самом жалком, обтрепанном виде", а владелец его одевает. Автор признает, что труд на прииске тяжел. "Зато на содержание приисковый рабочий пожаловаться ни в каком случае не может". Он питается лучше, чем какой-либо другой рабочий в России, а заработок его довольно высок. "При таких условиях рабочий мог бы спокойно оставаться на приисках и работать, но, — признает Емельянов, — он часто бежит! Почему? И тут автор вынужден признать, что "при самом упорном, самом добросовестном труде он может получить по окончании договорного срока только какие-нибудь гроши"¹⁾. Задаток, стоимость одежды и питания сводят заработок рабочего почти к нулю. Он бежит, а "промышленник несет ущерб". Нужно "законодательное упорядочение отношений", т.е. нужно рабочего более крепко привязать к золотопромышленнику — таков вывод всех работ Емельянова. Верный духу старой крепостной России он — за юридическое закрепление рабочего за владельцем.

За такие же государственные коррективы к капиталистическому предпринимательству выступал другой исследователь труда наемных рабочих в Сибири — А.А.Дунин-Горкавич. На значительном фактическом материале он раскрывает неудовлетворительные условия жизни и труда рабочих Обь-Иртышских рыбных промыслов²⁾. В этом автор объективнее своего коллеги. Тем неожиданнее его общий вывод: "Участившиеся за последнее время побегі рабочих в конец подорвут рыбные промыслы... Все это поставяет в необходимость принять какие-либо меры к ограждению рыбопромышленников от недобросовестного отношения рабочих..."³⁾.

Столь откровенная апологетика капитализма, проводимая в интересах реакционно-монархического государства, после 1905 г. сменяется признанием того, что государство самым дешевым для себя и мучительным для рабочих способом строило и эксплуатирует сибирские железные дороги⁴⁾, что органы горного надзора в Сибири не гарантируют рабочего от злоупотребления промышленников⁵⁾, что правительство сыграло не последнюю роль в упадке горнозаводской и стесненной обрабатывающей промышленности в Сибири⁶⁾ и т.д. Однако критика в адрес правительства, особенно усилившаяся накануне и в годы

1) "Русский вестник", 1899, т.264, кн.ХІ, стр.410-412.

2) А.А.Дунин-Горкавич. Указ. работа, стр.211-232.

3) Там же, стр.232.

4) Д.М.Головачев. Указ. работа, стр.79-83.

5) К.Н.Тульчинский. Указ. работа, стр.153-169.

6) П.Клюков. Указ. работа, стр.199-200.

мировой войны, не меняла сущности идеологических и исторических взглядов представителей правительственно-официальной историографии в Сибири. Особенно это видно из оценок революционной борьбы рабочих.

Считая пропаганду социал-демократических идей в Сибири делом политических смысловых, бывший заместитель начальника Забайкальской железной дороги А. Мелентьев пытался такой же случайностью изобразить рабочее движение в Забайкалье в 1905-1907 гг. Его книга, насыщенная фактами по истории эксплуатации дороги, - образец правительственной тенденциозности при характеристике революционных выступлений рабочих. Уверая читателя в том, что никаких корней и последовательных сторонников революции среди рабочих не было, он писал: "Ничтожество этой революции было видно и в самом городе Иркутске. Заправилками этой революции было десятка два человек, если не меньше, остальные же участники были ни более ни менее как статисты..."¹⁾

Правда, такое объяснение истоков и существа событий поставило автора в затруднительное положение при характеристике действия железнодорожных комитетов, бывших властью на многих участках дороги, но он нашел обычный для черносотенцев выход: ничего не делая, получать ладованье готовы были все, и поэтому "все служащие, за ничтожным исключением, присоединялись к революционному движению и содействовали образованию комитетов и захвату власти на дороге"²⁾.

Таким образом, если в России после 1905 г. даже правительство считало необходимым реформировать "те самые отношения" между трудом и капиталом, то его идеологи в Сибири по-прежнему все сводили к привнесенным случайностям. Получалась концепция, не лишенная внешней логичности: неразвитая промышленность не привела к выделению из местного населения массы профессиональных рабочих ни к концу XIX, ни в начале XX в. В сибирском населении нет классовых антагонизмов и нет почвы для социал-демократических идей. Революцию здесь "делала" пришлые люди (осыльные и приезжие рабочие), использовавшие порочные инстинкты толпы и Манифест 17 октября, направив его для сплочения против власти всех неустойчивых и политически неразвитых элементов местного населения.

В дворянско-октябристской историографии вопрос о рабочих обычно ставился в связи с исследованием золотопромышленности, состояния сибирских железных дорог, возможностей быстрого заселения Дальнего Востока и т.д. Именно в этом плане авторов интересовал местный рынок рабочей силы. Одни пользовались при этом описаниями общего характера (Дунин-Горкавич, Григорьев), другие собирали и

1) А. Мелентьев. Указ. работа, стр. 144.

2) Там же, стр. 222-223.

обрабатывали статистические данные (частного и ведомственного происхождения) о миграции рабочих в Сибирь и внутри ее, о заработной плате, о правовых отношениях в сфере наемного труда и т.д. (Путинцев, Садовников, Панов, Головачев, Емельянов). Собранные ими материалы не утратили до сих пор научной ценности.

Вместе с тем фактологическая база исследований представителей правительственно-официального направления обуславливалась тематической узостью и случайностью в определении территориально-хронологических рамок. Методика исследований позволяла лишь суммировать факты, лежащие на поверхности социально-экономической жизни. Поэтому основные наблюдения и выводы авторов, даже в тех случаях, когда они не были продиктованы тенденциозностью, были подвергнуты критике еще буржуазной историографией.

Заметим, что несостоятельность аналитических суждений официальной историографии в конечном счете объяснялась не отсутствием профессиональной исторической подготовки у авторов. Многие из них были достаточно эрудированными в вопросах, по которым выступали. Причины крылись в ненаучной методологии и методике исследований.

Утверждение об отсутствии промышленности и рабочего класса не было результатом смутных представлений авторов о Сибири. Они располагали официальной статистикой промышленных заведений, по которой уже в начале 900-х гг. фиксировались тысячи таких заведений и десятки тысяч рабочих за Уралом. У них же мы находим, начиная с 1897 г., итоги регистрации ежегодного прохождения тысяч рабочих и крестьян в Сибирь на заработки. Причины крылись в несостоятельности методологических взглядов дворянско-октябристской историографии на экономическую историю пореформенной России. В частности, под промышленностью ее понималась фабрично-заводская обработка и переработка минерального и сельскохозяйственного сырья, но не более. Добывающая промышленность, строительство, транспорт и т.д. под эти понятия не подходили, как и низшие формы обрабатывающей капиталистической промышленности. Соответственно во всех этих проявлениях экономика не замечалась рабочие. Поскольку в Сибири основная масса рабочих в конце XIX - нач. XX в. была занята именно в добывающей промышленности, в строительстве и на транспорте, постольку она не была признана за рабочих дворянско-октябристскими историками.

По той же причине ими не была отмечена закономерность втягивания Сибири в сферу влияния российского капитализма, как и частные

последствия этого факта. Авторы работ, статистики не пытались подразделить сибирскую промышленность на кустарную и фабрично-заводскую, не пытались отделить российских и сибирских крестьян-отходников, рабочих из центра, Поволжья, Урала от рабочих кадров, уже закрепившихся в местной промышленности, на транспорте, строительстве и торговле. Осталась незамеченной и вызванная капиталистическим хозяйством дифференциация местного населения. Для большинства исследователей рабочим в Сибири являлся проходящий и уходящий российский отходник.

Предложения - выводы о необходимости административно-правового закрепления рабочего за капиталистом, как и попытки представлять рабочее движение проясками приезжих агитаторов, в равной мере - свидетельства субъективно-идеалистического представления об историческом процессе и реакционно-монархической классовой позиции авторов.

ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В России конца XIX - нач. XX в. в исторической науке, как и в общественном движении, либерально-буржуазная мысль ни философско-теоретически, ни политически еще не сложилась в однородный монолит. В прошлом у нее было слишком мало времени для такой консолидации. В начале XX в. серьезным ударом по ее теоретико-методологическим основам явилась революция 1905-1907 гг. В итоге, если к началу XX в. либеральная научно-историческая мысль четко не определила свои расхождения с материалистами, то после 1905 г. она, быстро скатившись к контрреволюции в оценках современности, вплоть до 1917 г. не выработала единых принципов в теории исторического познания. Искания профессиональной либерально-буржуазной исторической мысли проявились в широком диапазоне: от экономического материализма до субъективного идеализма, от позитивизма до отказа истории как науке в познании прошлого и настоящего.

Общее состояние буржуазной историографии отразилось ярчайшим образом на разработке его центральных для того времени проблем отечественной истории - вопросов развития капиталистической промышленности, рабочего класса, анализа социально-экономических причин революции. Крупные буржуазные ученые оставили эти вопросы без внимания. Бессилие решить их на научной основе и одновременно бо-язнь социального прогнозирования остановили одних авторов на узко-фактологических констатациях, а других привели к конструированию схем, полностью подчиненных кадетской партийной доктрине.

Широко пропагандировавшийся идеологами либерализма буржуазный демократизм не менее широко использовался его последователями в исторической науке при изучении проблем социально-экономической истории окраин России, при освещении их в публицистике. В частности, буржуазная историография Сибири все вопросы истории местного рабочего класса, все проблемы его современного положения рассматривала с позиций общности социальных интересов всего сибирского населения. Сибирский демократизм провозглашался ключом к пониманию прошлого и орудием реконструкции настоящего. О его классово-й сущности авторы по разным причинам предпочитали не говорить.

Проблемы рабочего класса Сибири и связанный с ним комплекс вопросов социально-экономической истории края не были центральными ни в местной исторической литературе, ни в исследованиях сибирской истории, вышедших за пределами окраины. Тем не менее, в количественном отношении работы либерально-буржуазного направления, в которых присутствует в том или ином аспекте сибирский

рабочий, явно превалировали над изданиями других направлений исторической мысли. Объяснение этому мы находим в интересе либерально-буржуазной, преимущественно областнической по своей идейно-политической оболочке, историографии к проблемам экономической истории Сибири. Этот интерес не был бескорыстен: экономическая история должна была дать материал для обоснования политических лозунгов сибирских либералов.

Выдвинутый еще ранним областничеством тезис "Сибирь - колония России" стал основой концепции экономической истории края, и аргументы для ее разработки и модернизации пополняли литературу о местной хозяйственной жизни вплоть до 1917 года¹⁾. Взгляд на Сибирь как на экономическую колонию России разделяла и кадетская историография²⁾. Однако в оценках социально-экономической истории Сибири и ее современного состояния областники и кадеты наряду с общими чертами имели и свою индивидуальность.

Те и другие рассматривали промышленность Сибири вплоть до первой мировой войны как зачаточную, а социальный состав населения - отличающимся от европейской России. Но исходной позицией областников было утверждение о самобытности Сибири, о неподвластности ее общероссийским процессам. Даже в 1908 г. лидер областничества Г.Н.Потанин писал: "Общественный быт Сибири еще не сложился в определенные формы; он находится еще в периоде брожения; какую кристаллическую форму примет ее быт - об этом можно только гадать"³⁾. "Никаким капитализмом, - категорически заявлял другой представитель областничества, - сколько-нибудь заслуживающим этого имени, здесь (в Сибири - Н.Б.) и не пахнет"⁴⁾. Кадеты же полагали, что экономическая жизнь Сибири - продукт и порождение "соответствующих факторов хозяйственной жизни Европейской России"⁵⁾.

1) Г.Н.Потанин. Нужды Сибири. В сб. "Сибирь, ее современное состояние, ее нужды". СПб., 1908; Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. Томск, 1911; К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири. Томск, 1916.

2) М.Н.Соболев. Задачи экономической политики в Сибири. В сб. "На сибирские темы". СПб., 1905; А.А.Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905; М.И.Боголепов. Финансовые отношения Сибири и Европейской России. СПб., 1906; П.Головачев. Экономическая география Сибири. М., 1914; П.И.Ляшенко. Экономическое развитие Сибири до мировой войны. Энциклопедический словарь. Издание библиографич. ин-та Гранат т.38, изд.7.

3) Сибирь, ее современное состояние..., стр.290.

4) П.Головачев. Реальные интересы Сибири и крайне левые партии. "Сибирские вопросы", 1907, № 15, стр.5. Головачева в равной мере можно считать и кадетом. Журнал "Сибирские вопросы", который он редактировал, был партийной трибуной сибирских кадетов.

5) П.Ляшенко. Указ. работа, стр. 468.

А преобладание добывающей промышленности над обрабатывающей - временное явление, объяснимое промышленной молодостью Сибири¹⁾.

Давление политической доктрины областников на их оценки социально-экономического состояния Сибири обусловило резко выраженную тенденциозность и в понимании процесса формирования рабочего класса. Рабочий в Сибири не результат местных социальных процессов, а пришлый элемент. Его получила окраина вместе с железной дорогой и переселенческим движением²⁾.

В исторических исследованиях кадетов приток наемных рабочих в Сибирь с конца XIX в. признавался существенным фактором в развитии местного хозяйства, но наряду с этим выделялись и собственно сибирские источники наемной рабочей силы. Изменения в том и другом процессе также получили отражение в некоторых работах либералов³⁾. В этом смысле историки-кадеты и другие буржуазные авторы, не разделявшие областнической доктрины, оказались ближе к пониманию общей тенденции социально-экономического развития Сибири, чем идеологи местной буржуазии - областники.

Однако те и другие даже после революции 1905-1907 гг. были далеки от признания в Сибири тех же социальных конфликтов, которые привели Россию к революции. Рабочий вопрос в Сибири ими рассматривался лишь как недостаток кадровых и квалифицированных рабочих для местного хозяйства⁴⁾. В качестве социально-политической проблемы его в местной жизни, по уверениям авторов, не существовало. На первый план идеологи либеральной буржуазии выдвигали другие задачи: областной автономии Сибири, земства, свободной торговли через устья сибирских рек и т.д.

Отказывая рабочим как выделившейся социальной прослойке в местном населении буржуазные историки и политики считали беспочвенным и рабочее движение, и представительство рабочих в лице социал-демократических организаций. Раздраженный революционными выступлениями рабочих со своими классовыми требованиями П. Головачев в 1907 г.

1) М. Соболев. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири. В сб. "Сибирь, ее современное состояние...", стр. 141.

2) См. названные работы Потанина, Головачева, а также: А. М. Мелких. Из экономической жизни Западной Сибири. М., 1912; В. Анучин. Сибирское областничество. "Сибирский студент", 1915, № 1-2.

3) Е. Н. Коренев. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1903; Д. Мерхалев. Рабочие ленских золотопромышленных приисков (районы выхода, возрастной состав и грамотность). Сравнительно-статистический очерк по данным 1912 г. "Известия ВСОРГО", т. 44, Иркутск, 1912; В. В. Громан. Обзор строительной деятельности в России. СПб., 1912.

4) См. названные работы М. Соболева, П. Ляденко, А. Мелких, П. Головачева.

1-173 628
44 1907 г.

в большой статье "Реальные интересы Сибири и крайние левые партии"¹⁾ довольно подробно изложил взгляды сибирских либералов на рабочее движение.

В Сибири, писал он, как в стране исключительно крестьянской, нет "деления общества на классы" и "все различие между людьми определяется лишь большей или меньшей степенью экономического обеспечения"²⁾, а поэтому здесь "принципы социал-демократической программы висят в воздухе, не имеют почвы", а рабочее движение разумно лишь как борьба за "такие местные реформы, осуществление которых совершенно не зависит от формы правления"³⁾. Местное самоуправление и улучшенное судопроизводство, за которые должны бороться рабочие вместе со всем населением Сибири, возможны и в рамках самодержавной монархии.

Так, объявив программу рабочей партии "какой-то политической метафизикой" и отказав рабочим даже в праве отстаивать свои классовые интересы, сибирские либералы в лице Головачева заняли в отношении к рабочим более правую позицию, чем их российские коллеги.

Позже добавилась лишь четкость в пропаганде сибирскими либералами их социальной платформы, но не изменилась ее сущность. В 1915 году один из лидеров областничества В.Анучин уже не уверял, что рабочее движение в Сибири не имеет своей классовой базы, а социал-демократия здесь беспочвенна. Он, далеко обходя принципиальные различия между областниками и марксистами, упрекал последних лишь в узости их программы для Сибири (нет муниципального, инородческого вопросов и др.) и противопоставлял им областническую платформу как наиболее принимаемую всеми слоями сибирского населения. Поэтому, писал Анучин, "областничество имеет своих приверженцев решительно во всех политических партиях, как крайних левых, так и крайних правых"⁴⁾. И далее, глубоко упрятав буржуазную классовую сущность областничества, автор уверял читателей, что именно оно находит "отклики в глубинах народных масс, творит положительную работу, расчищает пути к общечеловеческим идеалам"⁵⁾.

Сибирские областники и кадеты в равной мере концепцию социальной неразвитости Сибири поставили на службу своим классово-политическим целям. В значительной степени она и разрабатывалась для обоснования буржуазного руководства местным общественным дви-

1) "Сибирские вопросы", 1907, № 15, 16.

2) "Сибирские вопросы", 1907, № 16, стр. 4.

3) Там же, № 15, стр. 4-5.

4) В.Анучин. Сибирское областничество. "Сибирский студент", 1915, № 1-2, стр. 71-72. Статья написана против марксистской критики областников.

5) Там же, стр. 84.

лением, для подчинения рабочего движения контрреволюционной сибирской буржуазии.

В советской историографии первую попытку проанализировать отношения сибирских областников и кадетов к рабочим в специальных статьях предприняли М.Г. Сеснина и И.Г. Мосина¹⁾. Тезисный характер статей оказал влияние на их содержание, но они несомненно представляют научный интерес.

М.Г. Сеснина, ограничив источниковую базу своей работы литературным наследием Потанина и Ядринцева 60-80-х гг., обратила внимание на буржуазно-реформаторскую по своей сущности позицию лидеров областничества относительно рабочих. Автор отмечает, что "сочувствие областников тяжелому положению трудящихся масс не простигалось далее желанья помочь им мероприятиями существующего государства и "просвещенного общества". В итоге М.Г. Сеснина делает вывод о совпадении "рабочей программы областников с программой русских либералов"²⁾.

Действительно, во взглядах областников 60-80-х годов можно обнаружить черты буржуазного реформаторства и на этом основании говорить о их близости с русским либерализмом. Но вряд ли такой вывод возможен без нарушения принципа историзма в исследовании. Буржуазный реформизм в России как идеология и программа либерализма по рабочему вопросу сложился в период и после революции 1905-1907 гг., явившись своеобразным синтезом русского либерально-народнического и западно-европейского буржуазного реформизма.

Можно допустить, что областники были пионерами в разработке либеральной программы по рабочему вопросу, но тогда неясно: на каком историческом материале они это сделали, если в Сибири в 60-80 гг. XIX в. социальные отношения буржуазного типа были развиты значительно слабее, чем в Европейской России?

М.Г. Сеснина правильно заметила, что в трудах Потанина и Ядринцева того времени рабочий вопрос ставился не в плане общественного устройства реально существующего класса, а как проблема будущего. Вслед за народниками и теми же средствами они мыслили предотвратить пролетаризацию населения, обнаруживая то же непонимание законов исторического процесса. Во второй половине XIX в. област-

1) Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма (Материалы к Всесоюзной научной сессии 19-22 октября 1972 г.). Секции "Изучение истории пролетариата" и "Источниковедение". Львов, 1972, стр. 82-91 и 141-147.

2) М.Г. Сеснина. Рабочий вопрос в программе сибирских областников. "Пролетариат России и его положение":..., стр. 82 и 91.

ники не создали своей программы разрешения рабочего вопроса, а пользовались заимствованиями преимущественно из либерального народничества и лассальянства. Идеи Н. Ядринцева, разделяемые тогда Г. Потаниным, о рабочих артелях, производственных ассоциациях, экономической помощи и правовой защите рабочих государством ¹⁾ пришли из народнической программы и литературы.

В рабочем вопросе областники определенно проделали путь от мелкобуржуазного демократизма до буржуазного либерализма.

Работа И. Г. Мосиной по постановке вопроса ²⁾ могла быть продолжением исследования Сесвиной, поскольку с начала XX в. областничество явно выступает идеологом местной буржуазии, а в рабочем вопросе принципиально не расходится со взглядами сибирских отделов кадетской партии. Однако этого не произошло. Автором избран другой аспект. Задача статьи — оценить практические действия кадетов в рабочем вопросе, минуя буржуазную историческую литературу и партийные документы кадетских организаций.

Выявленные Мосиной факты из практики сибирских кадетов иллюстрируют их классовую политику, но их оказалось недостаточно для выяснения содержания и места рабочего вопроса в программе либералов, для выяснения общности и различия в этом пункте кадетов и областников и, наконец, для определения общей линии поведения сибирской буржуазии в рабочем вопросе. При расширении источниковой основы работы автору вряд ли удастся сохранить и ее отправной тезис: утверждение о том, что сибирские кадеты полностью принимали рабочую программу своей партии ³⁾.

Начатое исследование буржуазной публицистики, с целью раскрытия особенностей позиции сибирской буржуазии в рабочем вопросе привлечает внимание как часть необходимой работы при изучении либерально-буржуазной литературы по истории рабочего класса.

В разработке конкретно-фактологической истории рабочих Сибири либерально-буржуазная историография составила существенное дополнение к трудам дворянско-октябристского направления.

В обобщающих работах М. Соболева, П. Головачева, А. Кауфмана, П. Ляденко были предприняты попытки характеризовать экономическую историю и современность Сибири, определить направление ее хозяйственной эволюции. Опираясь на официальную статистику и труды сво-

1) Н. М. Ядринцев. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири. "Отечественные записки", 1876, т. 229 № 12; его же. Сибирь как колония, изд. 1882 г.

2) И. Г. Мосина. Рабочий вопрос в политике сибирской буржуазии (1905—1917 гг.). "Пролетариат России и его положение...".

3) Там же, стр. 142—143.

их предшественников, авторы стремились (в хронологически разных рамках) начертить динамическую линию развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, крестьянской колонизации и т.д.. Для решения задачи ими привлекались данные о численности рабочих, источниках их появления в Сибири, о их заработной плате и вообще о факторах, влиявших на состояние местного рынка наемного труда.

В работах, посвященных отдельным проблемам, отраслям и районам хозяйственной жизни края, буржуазные историки дали немалый материал о технико-экономическом состоянии промышленности, транспорта, кустарных промыслов и т.д. ¹⁾

Сведения о размещении промышленных заведений, их технической оснащнности и организации труда, о квалификации технического персонала, о влиянии переселенцев на местный рынок наемного труда и о внеземледельческих занятиях сельского населения в некоторых районах Сибири, содержащиеся в названных работах и представляющие местное хозяйство в основном с конца 80-х гг. и до начала первой мировой войны, в состоянии оказать помощь и современному исследователю, также как и некоторые наблюдения либеральных автсров о локальных тенденциях в промышленности и о факторах, влиявших на нее в отдельные периоды.

Вместе с тем на методикку анализа и систему обобщений историков экономики Сибири оказали решающее воздействие их методология, общая концепция истории Сибири и большие пробелы в источниковой базе исследований.

Казалось бы, принятие с конца XIX в. в исследованиях либеральных историков отправные посылы "Сибирь - экономическая колония" и "Сибирь - самобытный крестьянский край" должны были направить творческую работу в сторону изучения общего и особенного в экономике Сибири и России, выяснения соотношения того и другого. Но

1) Малиев. О золотых промыслах в Олекминском горном округе. Сборник медицинского департамента за 1881 г.; И.И.Попов. Судьбы капитализма в Сибири. "Восточное обозрение", 1896, 3, 6, 8 и 10 ноября; Л.Львов. Очерк эксплуатации Сибирской железной дороги. Томск, 1904; А.Д.Фризер. Статистико-экономический очерк Королевских золотых промыслов. СПб., 1906; И.И.Еголепов. Бюрократия и сибирские нужды. "Сибирские вопросы", 1906, в 5; Горнозаводская промышленность Сибири. "Сибирская жизнь", 1907, 9 июня; Каменно-угольные копи Михельсона. Там же, 1908, 6 марта, 13 августа и 16 ноября; М.Соболев (редактор). Кустарные промыслы Томской губернии. Томск, 1909; Н.Н.Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; И.П.Бересневич. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопрмышленности Томского горного округа. тт. 1-3. СПб., 1912; С.В.Бородаевский. Коопе-

этого не произошло¹⁾. Политические мотивы сделали отправные тезисы аксиомами раньше, чем было глубоко изучено их социально-экономическое содержание. В XIX в. ставши догмами, они оказывали давление на позиции и выводы исследователей сибирской экономики.

А с другой стороны, авторы историко-экономических работ, руководствуясь идеалистическими взглядами на исторический процесс, не могли вскрыть закономерности и общности тенденций капиталистического развития в центре и на окраине²⁾. Влияние метрополии они прослеживали главным образом в сфере торговли, через крестьянскую колонизацию и отчасти - через движение банковского капитала.

Опираясь на губернскую статистику, представители либерально-буржуазной историографии отмечали с начала XIX в. рост горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, резкое увеличение товарности сельского хозяйства и выравнивание цен на рабочие туки в Сибири и России³⁾. Но эти сдвиги рассматривались не как результат внутрисибирских процессов. Даже влияние железной дороги рассматривалось всеми авторами лишь как усиление торговой зависимости от России. Изменение в структуре промышленности, как и подразделение ее на фабрично-заводскую и мануфактурную, не получили отражения в литературе. Тенденция преуменьшения экономической развитости Сибири сохранялась вплоть до 1917 г.

Для доказательства промышленной неразвитости Сибири применялись подчас либерально-буржуазными исследователями совершенно

рация, земство и кустарная промышленность. СПб., 1912; В.В.Солда-тов. Внеземледельческие домашние промыслы сельского населения и сельское рыболовство в Забайкальской области (по данным анкеты 1910 года). Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. П, т. У, Хабаровск, 1912; В.И.Смельченко. Соляная промышленность Западной Сибири. СПб., 1913; А.И.Комаров. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913; Д.А.Стрельников. Технический персонал в горно-промышленных предприятиях Сибири. Томск, 1914; К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири. Томск, 1916 и др.

1) В работах Соболева, Головачева, Боголепова, Козьмина и др. есть отдельные сопоставления цифр, отражающих размеры предприятий в России и Сибири, густоту транспортной сети, различия в кредитной системе и т.д., но эти сопоставления призваны были лишь иллюстрировать противопоставление Сибири и России.

2) Исключением являются лишь названные выше очерк Лященко, книга Кауфмана и некоторые наблюдения Соболева в статье "Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири".

3) См. указанные работы Головачева, Боголепова, Соболева, Мелких и "К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири".

ненаучные методы. Например, Соболев следующим образом характеризовал обрабатывающую промышленность: "Господствующий тип промышленных заведений - мелкий, почти ремесленный. В среднем на одно предприятие приходится в Сибири 2,5 рабочих и 2146 руб. ценности производства. Между тем по всей России среднее число рабочих на промышленное предприятие равняется 62, а средняя ценность производства 79000 руб."¹⁾ Профессор статистики вряд ли не знал, что он сравнивал несравнимое: по Сибири брал всю массу заведений, а по России - лишь фабрики и заводы (предприятия, подчиненные фабричной инспекции) и на основе несопоставимых исходных данных выводил средние величины.

Отмеченной тенденции либералы подчиняли и методику исследования, и выводы по кустарной промышленности Сибири. В работах Соболева и Козьмина понятие кустарной промышленности распространялось лишь на крестьянские неземледельческие занятия. Основным отличием кустаря от прочих крестьян выдвигалось участие его продукции в рыночной торговле. В итоге Соболев пришел к выводу, что крестьянские промыслы глушит российская промышленность²⁾, Козьмин - "Кустарной промышленности в губернии (Иркутской - Н.Б.) не существует"³⁾. Вопрос о кустарной промышленности как следствии разложения натурального хозяйства и питательной среде товарного производства также не был поставлен либерально-буржуазной историографией.

Отказывая в существовании в Сибири крупной промышленности, представляя основную массу предприятий во всех отраслях хозяйства мелкими и "почти ремесленными" и по существу отсекая местные источники питания капиталистического хозяйства, либеральные историки снимали вопрос о пролетариате в составе сибирского населения. В связи с этим же вопрос о численности наемных рабочих не представлял для них интереса. На эту тему ими не было написано ни одной специальной работы.

Единственная попытка в либеральной исследовательской литературе определить общее количество рабочих в Сибири была предпринята в книге А.В.Погожева⁴⁾, опиравшегося на материалы переписи 1897г., анкетного опроса 1902 г. и на статистику Горного департамента.

1) М.Соболев. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири, стр.155-156.

2) М.Соболев. Кустарная промышленность Томской губернии, стр.3.

3) Н.Н.Козьмин. Указ. работа, стр.101.

4) А.В.Погожев. Учет численности и состава рабочих России. Материалы по статистике труда. Спб., 1906.

Однако из-за изъянов статистики и методологически неверного (подсчет наряду с рабочими ремесленников) подхода Погожеву эта попытка не удалась.¹⁾

Также специально не занималась буржуазная историография вопросом происхождения сибирских рабочих. Однако некоторыми авторами попутно были собраны интересные материалы и высказаны научно-аргументированные наблюдения. В названных работах Коренева, Гро-мана, Мерхалева в общей сложности для значительного отрезка времени (1889-1912 гг.) было определено для некоторых приисков и городов Сибири соотношение местных и российских источников пополнения рабочих в золотодобывающей и строительной промышленности. Тогда же Г.Бархатов обратил внимание на сравнительно стабильный среди переселенцев поток крестьян и рабочих, идущих в Сибирь не на поселение, а временно, с целью заработка²⁾. Буржуазная периодическая печать довольно часто публиковала материалы о пришедших из России рабочих и условиях их закрепления в Сибири³⁾. Частично были выяснены губернии России и Сибири, дававшие наибольший процент выходцев (Коренев, Мерхалев).

Взятые сами по себе эти факты говорили о втягивании Сибири в российский рынок наемного труда, о социальной дифференциации под влиянием капитализма местного населения и о росте среди него рабочей прослойки. Однако такие выводы не были сделаны. Также не заинтересовал буржуазных авторов вопрос о социальной принадлежности пришедших на заработки и о стаже работы в Сибири, т.е. вопрос о том, с кем имели дело исследователи - с рабочими или крестьянами - оставался открытым.

Не были выяснены буржуазными авторами и мотивы миграции рабочей силы в Сибирь и внутри Сибири⁴⁾, а без этого нельзя было сде-

1) На 1902 г. им указано фабричных, горнозаводских и ремесленных рабочих в Сибири 70 тыс. и здесь же (стр.35) порознь лишь горнозаводских и фабричных - 72 тыс.чел. Отсутствуют данные о строительных, транспортных рабочих, занятых в торговле и т.д. По переписи 1897г. Погожев называет 403117 рабочих и прислуги в Сибири (стр.7).

2) Г.Бархатов. Сравнительные данные переселенческого движения 1907 г. с предыдущими годами. "Вопросы колонизации", 1908, № 2, стр.393-394.

3) "Вопросы колонизации", 1912, № 10, стр.308-313; Безработица. "Сибирская жизнь", 1914, 8 августа и др.

4) Об этом в буржуазной литературе находим лишь отдельные реплики. Так, Коренев заметил, что российские пришли потому, что "дома нечего есть", а сибирские выходцы же пришли - заработать для поправки хозяйства (навл. работа, стр.38). А.Кольчев писал, что "наплыв" из России рабочих на прииски объясняется не повышенной заработной платой, а тем, что нет работы на месте жительства, и пришли готовы выполнять любую ("Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область". СПб., 1904, стр.1).

лать вывода о состоянии местного рынка наемного труда, о его особенностях сравнительно с российским.

Либерально-буржуазная историография оставила ряд работ, посвященных положению рабочих в Сибири¹⁾. Правда, ее внимание привлекал преимущественно рабочий золотых приисков - традиционная для сибирской литературы фигура бездомного пария, вызывавшая не столько сочувствие, сколько беспокойство местного общества.

Часть буржуазной интеллигенции выступала в защиту рабочего, видя в пролетаризации населения угрозу созданному ими идеалу - социально-однородному обществу. Именно в этом пункте буржуазная публицистика в Сибири заимствовала некоторые черты либерального народничества. Вместе с тем большинство авторов платило сочувствием рабочему не без корысти: нужны были средства его вовлечения в буржуазную политику. Совершенно не случайно даже в наиболее серьезных исследованиях положения рабочих в Сибири либералы адресуют претензии правительству, но не предпринимателям. Бюрократия - основной виновник бед рабочего.

Историков и публицистов интересовал широкий круг вопросов: от мест выхода и условий найма до бюджета рабочих и их нравственных черт. Врач Крутовский в течение нескольких лет вел наблюдения и опрос рабочих золотых приисков, потерявших трудоспособность, результатом чего явилась его книга о влиянии условий труда и быта на здоровье рабочих. Корнев в качестве врача, а затем со специальными целями, исследовал в 1894-1900 гг. жизнь рабочих Витимско-Олекминской золотоносной системы. Его книга-диссертация, представ-

1) Некоторые стороны положения рабочих рассматривали в своих трудах Майев, Любимов, Фризер, Бересневич, Громан, Солдатов. Из названных работ специально этому вопросу отдали предпочтение Корнев, Мерхалев, Кольчев. Последний кроме указанной книги опубликовал еще несколько работ. (Врачебная помощь на приисках Томской губернии, "Промышленность и здоровье", 1902, № 6; Диле и продовольствие рабочих на золотых промыслах Томской горной области. Там же, № 8; Коренной вопрос приисковой жизни (К реформе виноторговли на приисках Восточной Сибири). "Русская мысль", 1903, № XII; Вопросы просвещения на приисках Сибири. "Русское богатство", 1904, № I; Два очерка. Что такое приказчик и как обеспечить старость приказчиков, Томск, 1905).

Для историографии представляют интерес и следующие работы: В.М. Крутовский. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое состояние рабочих. Красноярск, 1892; А. Михайлович. Промышленная жизнь на Севере (Положение рабочих на рыбных промыслах в бассейне Оби и Иртыша). "Сибирский вестник", 1896, 17 и 20 января; К. Яренский. Положение рабочих на приисках Томской горной области. "Сибирский сборник", Иркутск, 1902; Женщины на службе Сибирской железной дороги. "Железнодорожное дело", 1908, № 46; А.Д. Фризер. Такса урочной и полевой платы рабочим на золотых приисках. СПб., 1909; Положение рабочих

ленная на соискание ученой степени доктора медицины. Кольчев, известный в Сибири в начале XX в. публицист, опубликовал значительное количество работ о договорных отношениях рабочих и владельцев заведений, об условиях труда на приисках, о врачебной помощи рабочим, их образовании, духовных запросах и т.д. Его источники - литературные и личные наблюдения.

По материалам анкетного обследования рабочих рыбных промыслов Оби и Енисея в 1895 и 1910 гг. написаны работы Михайловича и Исаченко - служащих статистических комитетов. Авторы интересовали питание, жилье, продолжительность рабочего дня, заработная плата, медицинское обслуживание и т.д. Бересневич на основании собственных обследований попытался в 1911 гг. высчитать бюджет сибирского горнорабочего. Динамику заработной платы рабочего Лензото за 1895-1912 гг. с описанием быта представил в своей книге горный инженер Кваша, используя документы Правления этого акционерного общества. По материалам специального анкетного опроса рабочих, ушедших с приисков после Ленского расстрела в 1912 г., служащий Иркутского "Бюро регистрации рабочих, едущих на Дальний Восток" Мерхалев пытался составить социальную характеристику сибирских рабочих.

В буржуазной литературе конца XIX - нач. XX вв. нашли отражение также вопросы труда и жизни строителей, железнодорожников, ремесленников и т.д. Вопросы рабочего законодательства и организации исполнения законов о труде в Сибири, а наряду с ними и претензии к местной администрации составляли почти непременно разделы монографических и статейных публикаций.

Формулируя для читателя свою задачу как желание "обратить внимание нашего кос ного общества и правящих сфер на ненормальное положение массы людей"¹⁾, исследователи положения рабочих в Сибири собрали значительный материал и сделали ряд ценных по своему научному содержанию обобщений. Так, Крутовский пришел к выводу,

на приисках Сибири. "Вестник финансов, промышленности и торговли", 1909, № 27; В.Л.Исаченко. Положение рабочих на промыслах Енисея. Красноярск, 1911; Г.И.Кваша. Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках "Ленского золотопромышленного товарищества". СПб., 1912; Положение рабочих на Кругобайкальской железной дороге. "Железнодорожное дело", 1912, № 36; Копи Анжерские и Михельсона (Положение рабочих). "Сибирская жизнь", 1914, 15 апреля; И. Дроздов. Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905-1906 гг. СПб., 1914.

1) А.Кольчев. Рабочие на приисках Сибири, стр.У.

что на быстрое и раннее одряхление приисковых рабочих влияет кроме условий труда "обстановка их жизни, пища, одежда, жилища"¹⁾. Колычев, Коренев, Исаченко верно заметили связь задатков с предложением рабочей силы, а среди факторов, влиявших на уровень заработной платы, обнаружили и такой, как неурожай в европейской России.

Вообще по уровню номинальной заработной платы и его колебаниям с начала 90-х гг. и до 1912 г. в Сибири были сделаны серьезные подсчеты Кореневым, Исаченко, Громаном, Бересневичем, говорящие о попытках авторов разобраться в причинах миграционного потока рабочих в Сибирь²⁾. Они же пришли к выводу о том, что на мелких предприятиях оплата труда значительно ниже, чем в крупных заведениях. Однако причину этого они видели лишь в финансовых возможностях владельцев.

Подробную характеристику в либеральной литературе получило питание рабочих на приисках и рыбных промыслах, их жилищные условия, медицинское обслуживание и "питейный" вопрос. Обвиняя правительство и его местную администрацию во всех ненормальностях жизни рабочих, большинство авторов не искажало ее негативных сторон. Особенно яркое и доказательное описание эксплуатации приискового рабочего в крупных Ленских золотопромышленных компаниях в конце XIX в. оставил Е.Н. Коренев³⁾.

По его наблюдениям, понятие продолжительности рабочего дня не существовало в 90-е годы. Был урок, невыполнение которого растягивало рабочий день, а перевыполнение вознаграждалось двойной порцией водки. Исследователь отмечал, что уже за май-июнь рабочие выматывались, а к концу сезона становились "неузнаваемы" - обесценивались. "Полных выработок летом совсем нет...", писал он. Но для отдыха давалось лишь два дня в лето. Поэтому "карцер всегда с обитателями"⁴⁾.

У Коренева как мы находим опровержение некоторых данных официальной статистики. Например, сравнивая статистику травм за 1897-1899 гг., имеющуюся в ежегодных отчетах окружного горного инженера, с цифрами больничной регистрации, он указывает огромное рас-

1) В.М. Крутовский. Указ. работа, стр. IV.

2) Выводы авторов при этом были очень различными.

3) Им было обследовано и опрошено по специальной карточке свыше 23 тыс. рабочих.

4) Е.Н. Коренев. Указ. работа, стр. 137-138, 165.

хождение: 93 и 2513 случаев¹⁾. По договору компании бесплатно предоставляли рабочим жилье, а на практике из обследованных автором 285 казарм ни одна не удовлетворяла санитарным требованиям²⁾.

Интересна позиция Коренева в вопросе о постоянных рабочих на приисках. Он не только вслед за Крутовским и Яренским отмечает, что среди рабочих встречаются люди, проработавшие в тайге по 10 лет и более, но и дает точные подсчеты, по которым 18% опрошенных им рабочих (а это свыше 4 тысяч) проработало свыше 2 лет на приисках, около 2 тысяч - свыше 3-х лет³⁾. Однако давление сложившегося в литературе мнения настолько сильно, что его вывод солидарен с другими: наличие постоянных приисковых рабочих "много отнюдь не подтверждается цифровыми данными"⁴⁾.

Представляя собой лучшее исследование в либерально-буржуазной историографии рабочего класса Сибири, книга Коренева вместе с тем полнее других раскрывает и недостатки этой историографии. Метафизичность методологии лишила его исследование исторического динамизма. Историзм ему чужд. Автор суммирует число рабочих на приисках за 10 лет и, исходя из полученной цифры, определяет количество пришлых, местных, ссыльно-поселенцев, семейных и т.д. Тот же метод при подсчете зарплаты, больных, числа больниц, школ и т.д. Возникает статичная картина труда и жизни рабочих. Но ни изменения в положении рабочих за 90-е годы, ни изменения в их составе, в условиях жизни из нее понять невозможно. Нет ни содержания, ни направления процессов социально-экономической жизни приисковых рабочих.

Непонятые Кореневым тенденции в изменении состава приисковых рабочих Восточной Сибири позже нашли отражение в работе Д. Мерхалева. Правда, и здесь автор руководствовался той же методикой: интересуясь социальным составом ленских рабочих, он не придавал значения стажу их работы, изучал лишь происхождение и профессию. Оказалось, что в 1912 г.

"хлебопашцев" среди них было лишь около 40%. Причем у 60% из этой массы не было даже лошади. Обобщение данных о происхождении, профессии и грамотности привело Мерхалева к выводу: "ленские рабочие по своей культурности вовсе не были той безграмотной, ничего не понимающей толпой, как это почему-то думало о них русское общество"⁵⁾. Но этот вывод не был принят буржуазной историографией.

По указанным причинам значительный критический материал оставила либерально-буржуазная литература и периодика о юридических отно-

1) Там же, стр. 244.

2) Там же, стр. 69-74

3) Там же, стр. 169.

4) Там же, стр. 168.

5) Д. Мерхалев. Указ. работа, стр. 194-195.

шениях предпринимателя и рабочего в Сибири, об органах административно-полицейского надзора за этими отношениями. Авторы отмечали, что введение с конца 80-х гг. письменных договоров при найме рабочего принципиально ничего не меняло, т.к. в них фиксировалось лишь "все то, что должен выполнить рабочий по отношению к нанимателю"¹⁾. Учрежденная в 1894 г. в Сибири горная инспекция из-за малочисленности штата "при самом усредненном несении служб" упускала 14 нарушений из 20²⁾, а принятыми обязательными постановлениями горнозаводские Присутствия "только дискредитируют себя", поскольку золотопромышленникам "не приходится даже задумываться как их обойти"³⁾. Обращение рабочего в суд практически исключено, потому что рабочий не знает своих прав, судебная камера находится подчас за сотни верст и настолько завалена делами, что нужно ждать годами судебного разбирательства⁴⁾.

В литературе постоянно подвергалась критике система горно-полицейской стражи, содержавшейся на средства промышленников, действия центральных правительственных учреждений по организации надзора за промышленностью и т.д.

Вместе с тем освещение экономико-правовых взаимоотношений рабочего и промышленника в либеральной литературе отличалось наибольшей публицистичностью в сравнении с другими вопросами положения наемных рабочих. Авторы, как правило, избегали конкретных имен и фактов, избегали темы о прибылях предпринимателей и норме эксплуатации. Вообще, слово "эксплуатация" не было принято либеральной литературой. Речь шла о "бескультурии наших промышленников"⁵⁾, не понимающих своей выгоды в рациональной организации труда⁶⁾, а главным образом - о неспособности правительственной бюрократии юридически и фактически регламентировать эту организацию. Апологетика буржуазии при описании положения сибирских рабочих в трудах либералов очень редко выходила наружу⁷⁾.

Однако, заявляя о недостаточности царских законов о рабочих в Сибири и системы их исполнения, авторы исследований и публицистических статей в присущей либералам манере развивали лишь идеи правовых реформ. Латание существующего выдавалось за радикальные меры для улучшения положения рабочих.

1) В.Д.Исаченко. Указ. работа, стр.58.

2) А.Колычев. Рабочие на приисках Сибири, стр.55-56.

3) Там же, стр.163.

4) Д.Л.Вейсман. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909, стр.6-7.

5) "Сибирская жизнь", 1914, 18 апреля.

6) В.Н.Корнев. Указ. работа, стр.138.

7) Как раз к таким работам относятся книги Я.Д.Фризера - вла-

Впрочем, наиболее откровенные представители либерально-буржуазной историографии считали сами предложения об изменении положения рабочих пустым занятием. Это обнажалось отчетливо при переходе их к анализу причин рабочего движения. Так, Г.И.Кваша писал, что классовая борьба рабочих непосредственно не связана с их материальным и правовым положением. "Нет никаких оснований, - утверждал он, - ожидать сокращения рабочих стачек в более или менее близком будущем, если даже, допустим, что положение рабочих существенно улучшится. Борьба между трудом и капиталом будет проявляться, быть может, в других формах, но не прекратится до тех пор, пока существуют современные экономические отношения"¹⁾.

Это положение экономического материализма Кваша пополнял собственной теорией: в основе недовольства рабочих лежит извечная для человека апелляция к справедливости, но "вопросы экономики - вопросы порядка не этического", и капитал, оставаясь капиталом, с этикой считаться не может.

Отношения труда и капитала есть естественные, отношения купли-продажи. В них нет социальной политики, как и в стачках рабочих нет "ни одного атома политики"²⁾.

Подменяв классовые отношения в сфере капиталистического производства рыночно-бытовыми и очистив их таким образом от политического содержания, автор не делал вытекавших отсюда широких выводов о невмешательстве правительства и общества в дела предпринимателей, а преследовал сравнительно с этим скромную цель: доказать, что Ленское золотопромышленное товарищество не может нести какой-либо ответственности за положение рабочих, стачку и их расстрел³⁾. За либеральной фразеологической оболочкой скрывалось реакционное содержание.

Исходя из общей концепции социально-политического развития Сибири, либерально-буржуазная историография не интересовалась фактической историей рабочего движения в крае. За исключением нескольких статей полумемуарного характера в периодической печати, хроникальных заметок о стачках, рабочих профсоюзах, кассах взаимопомо-

дельца Королонских приисков и горного инженера Г.И.Кваша.

1) Г.И.Кваша. Указ. работа, стр.У.

2) Там же.

3) Для доказательства этого Кваша не только теоретизировал, основное содержание своей книги он посвятил анализу динамики заработной платы ленских рабочих с 1894 г. по 1912 г. и условий их труда. Соблюдая объективность во второстепенных вопросах, он пытался убедить, что рабочий Лензото зарабатывал значительно больше петербургского квалифицированного рабочего, что на медицинское обслуживание здесь расходовалось в 3-4 раза больше, чем на фабриках Рос-

щи и других чисто информационных материалов, помещенных там же¹⁾; в либеральной литературе нет следов борьбы пролетариата в Сибири.

Основная часть опубликованных в прессе материалов отражала выступления рабочих в 1905-1907 гг. и последующие репрессивные меры правительства. Анализировать то и другое либеральная периодическая печать обычно избегала. В откликах на Ленские события сибирские либералы заняли обычную для них позицию обвинения во всем правительственной бюрократии²⁾.

При анализе взглядов кадетско-областнической публицистики на рабочее движение в 1905-1906 гг. обращает на себя внимание последовательное стремление авторов убедить читателя в том, что выступления рабочих и действия социал-демократов были двумя разными, не сливавшимися друг с другом, потоками в революционном движении³⁾. Причем, рабочий поток не был самостоятельным, а действовал почти до конца 1905 г. в составе "революционной массы", к которой либералы причисляли и себя⁴⁾.

"Верилось и казалось, что все может пройти "по хорошему", без жертв, без крови, ... без потрясений, с хорошими результатами для всех"⁵⁾. Но социал-демократы подтолкнули рабочих "на крайности", заявляя, что "для завоевания настоящей свободы... необходимо вооруженное восстание"⁶⁾. Переход к насильственным действиям оттолкнул от революции "революционную массу". "Левые максималы", к которым сибирские либералы относили социал-демократов и эсеров, оказались повинны и в правительственных репрессиях в Сибири⁷⁾.

сия, что жилищные условия рабочих непрерывно улучшались и т.д. (Указ. работа, стр. 34, 43, 61 и др.).

Книга Кваши была одной из попыток отвести возмущение от Ленского после расстрела рабочих в 1912 г.

1) Забастовка на Забайкальской железной дороге. "Забайкалье", 1905 г.; 26 октября; Красноярские события. "Голос Сибири", 1906, 24 февраля; Зима, Сибирской железной дороге. "Сибирская мысль", 1906, 22 октября; Октябрьские дни в Томске. Томск, 1905. (Сборник публикаций из газет и воспоминаний); Архив освободительного движения 1905-1906 гг. Сибирь с районом Манчжурских армий. Октябрь 1905-январь 1906 гг. СПб., 1907. (Сборник статей из центральной и сибирской периодики); П.К.-в. Красноярск в конце 1906г. (Наброски по воспоминаниям). "Благовест" 1907, №6; В.Водогузов. По повелу ленских событий. "Современник", 1912, апрель; Очерки сибирской жизни (О стачке ленских рабочих). "Сибирские вопросы", 1912, № 13 и др.

2) В.Водогузов. Указ. работа, стр. 351-352; "Очерки сибирской жизни", стр. 65-67.

3) П.Головачев. Реальные интересы Сибири и крайние левые партии. "Сибирские вопросы", 1907, № 15, стр. 1-7; Архив освободительного движения..., стр. 143-157; "Голос Сибири", 1906, 24 февраля ("От редакции").

4) "Сибирская речь", 1906, 7 октября.

5) П.К.-в. Красноярск в конце 1905 г., стр. 32.

6) Там же, стр. 13.

7) (П.В.Вологодский). Из хроники общественной жизни Сибири.

Разгром сибирской печати. "Сибирские вопросы", 1906, № 2.

Уклоняясь от анализа классовой борьбы рабочих в Сибири и от оценки ее исторической роли, заявляя о беспочвенности местных социал-демократических организаций, кадетско-областническая историография демонстрировала непонимание направления социально-политического развития Сибири. Сохранение с конца XIX в. и вплоть до мировой войны принципиально одних и тех же взглядов на актуальные проблемы общественной жизни Сибири — свидетельство не только консерватизма мысли либерально-буржуазной историографии, но и реакционности ее классово-политических позиций.

Если в вопросах развития промышленности, сельского хозяйства и торговли некоторые представители либеральной исторической мысли (Лященко, Соболев, Кауфман) не только отмечали развитие производительных сил края, но и предсказывали ему большое будущее, то в вопросах социально-экономических и политических доктринерство и реакционность идеологов сибирского либерализма (Потанин, Головачев, Алучин) оказались непреодолимым препятствием в научном осмыслении истории и современности.

Попытки некоторых авторов объяснять явления общественной жизни и связи между ними с позиций материализма, не сложившись у них в систему взглядов, подчинялись в конечном итоге методологии государственной исторической школы или заканчивались обращением к подновленным идеям позитивистской социологии. Выдвижение в методе познания на первый план личных качеств историка как активного субъекта истории сближало кадетско-областническую историографию с народнической.

Не подвергнув исследованию уровень развития капитализма в Сибири и происходившие в нем процессы, либерально-буржуазная историография оказалась не в состоянии определить размеры применения наемного труда в сибирском хозяйстве и изменения в его использовании от 1861 к 1917 году. В связи с этим не мог быть решен вопрос об общих чертах и особенностях формирования и положения рабочего класса в Сибири. Констатируя факты экономического угнетения рабочих и их правовой беззащитности, либеральные историки охотно винили в этом царизм, его политику в Сибири, но избегали критики местной буржуазии и ее методов эксплуатации рабочего. Утверждения о социальной однородности сибирского населения, принятые в областнической литературе, легли в основу тезиса об особой бесклассовой сибирской демократии.

Поэтому классовая борьба пролетариата истолковывалась как явление, привнесенное в Сибирь, но не порожденное процессами местной общественной жизни. Поэтому же социал-демократия объявлялась бес-

почвенным в Сибири течением, пришедшим вместе со ссыльными. В итоге явилась научно несостоятельная концепция. То, что областники пришли к ней, развивая свои теории самобытности Сибири, а кадеты шли от признания отсталости окраины в российском историческом процессе, сказывалось при анализе и оценках конкретных вопросов и тенденций местной истории, но не мешало сближению в конечных выводах.

Несостоятельность общей концепции истории рабочего класса Сибири, к которой пришла вследствие своей методологии и буржуазной апологетики либеральная историография, не дает оснований для ее односторонне-негативной оценки. Крутовский, Коренев, Колычев, Исаченко, Бересневич, Мерхалев и другие представители буржуазно-исторической мысли внесли существенный вклад в создание и разработку фактологической базы истории рабочих в Сибири, в разработку материального и правового положения местных рабочих в конце XIX-начале XX вв.

Оппозиция царизму двигала стремлением либералов дать критическую оценку законам о рабочих и показать их применение в сибирской промышленности. Считая правительство главным виновником ненормальных отношений между рабочим и нанимателем, авторы с наименьшей добросовестностью искали обвинительный материал против него в материально-бытовом положении рабочих. Тот же мотив был в основе изучения миграции рабочих в Сибирь, их устройства на новом месте. В итоге появились серьезные исследования о правовом и экономическом положении отдельных отрядов горнорабочих, строителей, железнодорожников, часть рабочих рыбных промыслов и т.д., в которых не только фактологическая база, но и выводы авторов не утратили своего научного значения.

Вместе с тем либеральными историками не было создано ни одного обобщающего труда о рабочих Сибири. Авторы остались на уровне работ чрезвычайно узких по хронологическим, территориальным и проблемным рамкам, что безусловно препятствовало аналитическим наблюдениям и выводам. Кроме уровня знаний, степени разработки общей проблемы препятствием к созданию таких трудов явились общесторические и методологические представления сибирских областников и кадетов.

МЕЛКОБУРЖУАЗНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Мелкобуржуазное направление Русской исторической мысли уже с конца XIX в. отличалось значительной эклектичностью в методологии и неустойчивостью, подчас противоречивостью в общественно-политических суждениях.

Те же черты обнаруживаются в такой частной проблеме, как мелкобуржуазная историография рабочего класса Сибири.

Прежде всего это направление исторической мысли еще менее однородно по идейно-теоретическим воззрениям авторов, чем два предыдущих. Первые суждения о сибирских рабочих были высказаны в 60-70 гг. представителями революционной демократии — Н. Флеровским и А. П. Шаповым¹⁾. Позже с народнически-демократических позиций проблема сибирских рабочих освещалась лидером раннего областничества Н. М. Ядринцевым и известным историком В. И. Семевским²⁾. С начала XX в. основными представителями мелкобуржуазной исторической мысли стали социалисты-революционеры и меньшевики, которые также не отличались единством научно-исторических воззрений³⁾.

Определенная цельность представителей демократизма 60-70-х гг. позже разрушается заимствованием либеральных идей у представителей государственно-исторической школы. С начала 900-х гг., особенно после первой русской революции, колебания между буржуазным либерализмом и демократией отчетливо проявились как в творческом методе мелкобуржуазных историков рабочего класса, так и в их идейно-политических позициях.

Отрицание марксизма, а затем и борьба с ним, явились объективной основой заимствований из буржуазной методологии и народнической социологии. То и другое исключало последовательно научное понимание классовой сущности буржуазного общества, понимание места и роли в нем рабочего класса. В историческом познании и в трактовке проблем современности представители мелкобуржуазной историографии, будь то последователи народнических теорий или

1) Н. Флеровский (Берви). Положение рабочего класса в России. (Напис. в 1869 г.). Избранные экономические произведения, т. I. М., 1958; А. П. Шапов. Что такое рабочий народ в Сибири. (Впервые опубли. в газ. "Сибирь", 1875, 7 и 14 сентября). Собрание соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937.

2) Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882. (Изд. 2-е: СПб., 1892); В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, тт. 1-2. СПб., 1898.

3) С. Н. Прокопович. К рабочему вопросу в России. СПб., 1905; И. И. Серебренников. Красные дни в Иркутске. "Сибирские вопросы", 1907, № 20-23; его же. Дни свободы на Севере. Там же, 1908, № 8; Н. А. Рожков. Общее значение кооперации, в особенности для Сибири.

западно-европейского ревизионизма, не смогла правильно оценить значение субъективного фактора в историческом процессе. В итоге как у меньшевистских, так и эсеровских авторов вопросы классового сознания и классовой организации рабочих решались на ошибочной основе.

Конечно, теоретические взгляды и конкретные выводы мелкобуржуазных историков не были тождественны с буржуазными. На этапе буржуазно-демократической революции первым отличало от вторых преобладание последовательного демократизма в суждениях и общей позиции. И это обстоятельство отчетливо проявилось в их исследованиях истории рабочего класса, в отношении к социально-политическим проблемам современности.

Мелкобуржуазная историческая литература о сибирских рабочих обязана своим появлением преимущественно политическим причинам. А.Г.Шаповым был поставлен вопрос о необходимости изучения состава и положения "рабочего народа" в Сибири. Бытописателями рабочих выступали в сибирской и российской периодической печати С.Чудновский, Д.Клеменц, Н.Арефьев, А.Варежников¹⁾. Положение рабочих исследовали И.А.Гурвич, А.П.Буланов, Н.Зобнин, С.Швецов, И.Майский²⁾. Вопросы рабочего движения и классово-политической борьбы в Сибири получили освещение в работах серьезных меньшевиков Ф.Романова, Н.А.Рожкова, А.Ванновского³⁾ и других.

"Сибирская мысль", 1911, 26 июня; его же. Исторический эскиз. "Сибирский студент", 1915, № 1-2; Е.Колосов. Сибирское областничество и русский марксизм. "Сибирские записки", 1916, № 4.

1) С.Чудновский. Сибирские рабочие. "Устаи", 1882, № 12; Д.Клеменц. Положение рабочих в золотопромышленности Сибири. "Восточное обозрение", 1892, 15 марта и 5 июля; Н.Арефьев. Рабочие на Сибирской железной дороге. "Северный вестник", 1895, №№ 10-11; А.Варежников. В золотых россыпях. "Современник", 1912, № 8.

2) И.А.Гурвич. Экономические вопросы Сибири. "Сибирская газета", 1884, 26 августа; А.П.Буланов. Государственная защита приисков рабочих в Сибири. "Юридический вестник", 1887, № II; Н.Зобнин. Положение рабочих. "Алтай". Историко-статистический сборник... Томск, 1890; С.П.Швецов. Промысловые артели Тобольской губернии. "Юридический вестник". 1890, №№ 1-4 и 1891, №№ 3-4; его же. Положение труда на частных заводах Алтайского округа. "Сборник правовых и общественных знаний", вып. III. 1897; И.Майский. Рабочий вопрос на рыбных промыслах Тобольской губернии. "Сибирские вопросы", 1908, №№ 19-20, 21-22. Все авторы - серьезные народники, кроме И.Майского - меньшевика.

3) Ф.Романов. Красноярская республика. "Сибирские вопросы", 1907, № 2; Н.А.Рожков. Названные работы, а также "Областничество и его сибирские защитники" ("Сибирская новь", 1913, № 85) и многие статьи в газетах "Голос Сибири" (Иркутск, 1909), "Молодая Сибирь" и "Новая Сибирь", (Иркутск, 1912), "Сибирское обозрение", "Сибирское слово" (Чита, 1915) и др.; А.Ванновский. Развитие стачечной революции 1905 г. Хабаровск, 1917.

Значительное количество статей, очерков, хроникальных заметок о рабочих Сибири, помещенных ссыльными в газетах "Сибирь", "Восточное обозрение", "Сибирский вестник", "Сибирская жизнь", "Степной край", "Народная летопись" и других, по содержанию и идеологической окраске также должно быть отнесено к мелкобуржуазной демократической литературе. Публикации помещались, как правило, без подписей или под псевдонимами, и их авторы до сих пор в подавляющем большинстве случаев не установлены.

Часть политических ссыльных, видя в своих литературных занятиях единственное средство служить своему делу в условиях Сибири, стремились придать своим исследованиям обличительный характер и заботились не столько о точности фактов, сколько о их политической направленности. Кроме того, характер работ ссыльных определялся и иными обстоятельствами: им слишком затруднен был доступ к документальным источникам, слишком ограничены возможности собственных наблюдений. Тем не менее работы Буланова, Зобнина, Арефьева, Швецова выполнены на высоком научном уровне.

Наиболее крупный вклад в разработку истории сибирских рабочих второй половины XIX в. внес В.И.Семевский - один из первых в России исследователей, обратившихся к истории народных масс. Обобщающий труд Семевского - "Рабочие на Сибирских золотых промыслах", по проблематике вобравший в себя все ранее написанное историком о сибирских рабочих¹⁾ - результат изысканий в 32-х архивах, обработки официальных опубликованных документов и результат личных впечатлений от знакомства с присисками Западной и Восточной Сибири.

Взгляды мелкобуржуазных демократов на социально-экономическую историю Сибири эпохи капитализма, на место и роль в ней рабочего класса, на содержание классово-политической борьбы в начале XX в. были далеко не однородны. Общим, пожалуй, было лишь признание Сибири сельскохозяйственной колонией России и слабости ее промышленного развития. В этом с областником Ядринцевым сходились народники Турвич, Клеменец, Швецов, а позже и меньшевик Рожков и эсер Колосов²⁾.

1) В.И.Семевский. К вопросу о пищевом пайке присисковых рабочих. "Вестник золотопромышленности", 1894, № У; Законодательное регулирование положения рабочих на золотых присисках. "Русская мысль", 1894, кн.У; На сибирских золотых промыслах. "Вестник Европы", 1895, кн.5-6; Из истории законодательства о присисковых рабочих. "Сибирский сборник", 1897, кн.ІV; Из истории обязательного горного труда. "Русское богатство", 1897, кн.І.

2) См. названные выше работы.

При всей противоречивости социально-политических и исторических взглядов Н.М.Ядринцева он оставался представителем демократической мысли, характерной для раннего областничества. На наш взгляд, нет основания связывать его имя с либерально-буржуазным

Однако в оценке характера и направления экономического развития Сибири такого единодушия не было. Ядринцев, отмечая распространенность в сибирской деревне уже в 70-80 гг. кулака-мироода и его воздействие на хозяйство крестьян, отмечая развитие крестьянских промыслов, которые он называл "огромной мужичьей фабрикой", приближением "к заводской промышленности,¹⁾ тем не менее считал, что пути развития сибирского хозяйства еще не определены. Верный принципам демократизма автор - за укрепление форм народного производства; его сочувствие полностью на стороне эксплуатируемых, но его поиски перспективы для такого хозяйства опирались лишь на субъективные построения.

Но если Ядринцев писал о внедрении капиталистических форм в хозяйство и социальную жизнь и не мог не отметить роста этой тенденции, то И.И. Попов в статье "Судьбы капитализма в Сибири (Ответ Л.Б.Кр-ну)"²⁾ с гораздо большим оптимизмом смотрел на будущее мелкого производителя и рабочего в Сибири. Позитивистски трактуя вопрос о мотивах движения истории, понимая под капитализмом лишь его высокоразвитые формы, Попов утверждал, что в Сибири происходит сокращение горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, сокращение количества рабочих³⁾.

В сибирской деревне, - писал автор, - "мы не встречаемся с безземельными крестьянами и почти не знаем батрачества". (Батрак - это новосел или ссыльно-поселенец, "еще не приспособившийся к условиям")⁴⁾. В Сибири "создается община", но не прививается фабрика. В Сибири нет рабочего, нет пролетариата.

Полемическая заостренность статьи (она была написана в ответ на выступление в той же газете марксиста Л.Б.Красина) лишь усилила четкость позиции Попова. "Мы..., - заключал он, - и в современной экономической жизни Сибири не нашли указанных им (Л.Б.Красиним - Н.Б.) условий для естественного развития капитализма"⁵⁾. В той же

областничеством, каким оно стало в начале XXв. Можно найти возражения В.Г.Мирзоеву в том, что в 90-е гг. областничество сохраняло неизменными свои прежние идеалы, но выделене им демократического этапа в истории областничества (60-90 гг.) - шаг несомненно заслуживающий поддержки. И наоборот: вряд ли правомерно считать взгляды И.А.Гурвича 80-х гг. полностью марксистскими.

1) Н.М.Ядринцев. Сибирь как колония, изд.2, стр.445.

2) Ссылный народоволец. С начала 90-х гг. эволюционировал к либеральному народничеству. В 1896-1902 гг. - редактор иркутской газеты "Восточное обозрение". Статья опубликована в названной газете 6, 8, 10 ноября 1896г.

3) "Восточное обозрение", 6 и 8 ноября 1896г.

4) Там же, 10 ноября.

5) "Восточное обозрение", 10 ноября 1896г.

газете в статье "Предвзятый пессимизм" автора поддержал другой народник - И. Майнов¹⁾, а чуть позже В. Ф. Костурин выступил в тобольском "Сибирском листке" с новыми доказательствами некапиталистического развития Сибири²⁾.

Находя к началу 90-х гг. до 80 тыс. рабочих в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности Сибири, Попов и его сторонники не смущались этим фактом. "Громадное большинство этих рабочих, - писал тот же автор, - работают на фабриках и рудниках sporadически, не прерывая связи с землей". Но этот факт был расценен не как признак роста капитализма, а наоборот - как признак его деградации в Сибири и возможности для нее выбора "своего" пути.

Та же (по своему духу либерально-народническая) концепция неопределенности пути экономического развития Сибири поддерживалась мелкобуржуазными историками и публицистами в начале XX в.

Так, автор многих работ по экономической и политической истории Сибири И. И. Серебренников³⁾ в 1907 г. писал: "... если Сибирь действительно пойдет по пути капиталистического развития, мы сможем наблюдать зарождение новой системы хозяйства"⁴⁾. По сути дела ту же позицию разделял в 1911-1915 гг. Н. Рожков, когда провозглашал кооперацию крестьян и рабочих в Сибири главным средством их экономической и общественной организации⁵⁾. Незрелостью капитализма и социальной однородностью населения обосновывал беспочвенность марксизма в Сибири Е. Колосов в 1916 г.⁶⁾

Однако эти суждения и оценки не представляли в полном объеме взглядов мелкобуржуазных демократов на проблему капитализма в Сибири. Еще в 1884 г. И. Гурвич писал о процессах в сибирской деревне, свойственных капитализму⁷⁾. Книга Семевского своим содержанием

1) Там же, 24 ноября 1896г. Опираясь на тезис о том, что нет следов законов развития истории, Майнов называл капитализм в Сибири "чужаком-пришельцем", а коль для него нет здесь рабочих, то он рано или поздно уйдет.

2) "Морской путь и дешевый хлеб". Статья печаталась в II номере - с 6 марта по 29 мая 1897 г.

3) И. Серебренников, судя по методологии исследований и по политическим симпатиям, принадлежал к революционно-демократическому лагерю до и в период революции 1905-1907 гг. Его солидарность в одном случае с эсерами, а в другом - с социал-демократами, не позволяет более точно определить его партийность. После 1907г. он явно перемещается вправо, к кадетам.

4) И. Серебренников. Промышленность Сибири в цифрах (По поводу книги А. В. Порожева "Учет численности и состава рабочих в России". СПб., 1905). "Сибирские вопросы", 1907, № 35; его же. Промысли Иркутской губернии. Иркутск, 1914, стр. 3-7.

5) Н. А. Рожков. Общее значение кооперации, в особенности для Сибири. "Сибирская мысль", 1911, 26 июня; Исторический эскиз. "Сибирский студент", 1915, № 1-2; стр. 87.

6) Е. Колосов. Сибирское областничество и русский марксизм. "Сибирские записки", 1916, № 4, стр. 37.

7) "Сибирская газета", 1884, 26 августа.

вскрывала типично капиталистический характер организации золото-промышленности и эксплуатации рабочего, хотя выводов об этом автор и не делал. Их вскоре сделал Ф. Романов, анализируя интересы сибирских промышленников на Всероссийском съезде¹⁾. Тот же Серебрянников должен был признать наличие в нач. XX в. значительного числа капиталистически организованных крупных предприятий в обрабатывающей промышленности Сибири²⁾. Рожков, исследуя экономическую историю Макаровской волости Киренского уезда Иркутской губернии, не только сделал вывод о господстве здесь торгового капитализма к середине XIX в., но и считал его пригодным для всей Сибири³⁾.

Легальная газета эсеров "Сибирский вестник" в 1905 г. в статье за подписью В. Мукосеева солидаризировалась с марксистским анализом экономической истории Сибири и признавала, что здесь также "пролетариат образует собой ядро революционного народа, возле которого происходит концентрация всех революционных сил"⁴⁾.

Таким образом, решение вопроса о характере и направлении социально-экономического развития Сибири в эпоху капитализма мелкобуржуазной историографией отличалось непоследовательностью и противоречивостью. В какой-то мере сами факты капиталистического развития Сибири, доводя на исследователей, заставляли их считаться с действительностью. Но несостоятельность методологии, в которой отрицались общие закономерности исторического процесса и отрицалась тенденция определяющего влияния России на экономическую жизнь Сибири; солидарность многих авторов с либерально-националистической концепцией противопоставления капитализму народного производства, привели общественно-историческую мысль мелкобуржуазных демократов к принятию желаемого за действительное.

В немалой мере этому способствовало общее с областниками понимание генезиса и проявления капитализма. Большинство авторов судило о развитии капитализма лишь по состоянию обрабатывающей промышленности, не трогая всего комплекса хозяйственной и социальной истории Сибири, не анализируя под этим углом зрения ни горнодобывающей промышленности, ни транспорта, ни торговли, ни основных процессов в сельском хозяйстве.

1) Ф. Романов. Сибирь на Всероссийском съезде золотопромышленников. "Сибирские вопросы", 1907, № 5-6.

2) "Сибирские вопросы". 1907, № 35, стр. 24-25.

3) Н. А. Рожков. К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века. "Известия ВСОРО", Иркутск, 1915, т. 44, стр. 82.

4) В. Мукосеев. В поле зрения (Революционные перспективы). "Сибирский вестник", 1905, 23 декабря.

Даже накануне 1917 г. в мелкобуржуазной историографии преобладала близкая к областникам точка зрения: в Сибири еще не решен вопрос о капиталистической или народной организации хозяйства. В соответствии с этим выглядела суждения мелкобуржуазных авторов и о рабочем классе в Сибири.

Если обратиться к их истокам, то явно обнаруживается связь с русской демократической литературой 60-70 гг., с понятиями пролетария и рабочего того времени. Так, Н. Флеровский для 60-х гг. считал рабочими в Сибири бродяг, сильно-поселенцев, неимущих крестьян, т.е. тех, кто эпизодически или регулярно работал по найму. А. П. Шапов в середине 70-х гг. писал, что в Сибири "более 95% населения составляет рабочий народ", называя рабочим всякого, кто живет своим трудом. Пролетарии же у него те, кто не только лишен средств к существованию, но и не способен к труду²⁾. Понятия "рабочий" и "народ" у Шапова тождественны. Колонизацию Сибири он называл "великим рабочим движением"³⁾.

Позже тенденция расширительного понимания термина "рабочий" сохраняется в мелкобуржуазной историографии Сибири. Однако содержание его значительно конкретизируется: Ядринцев, Арефьев, Зобнин, Швецов, Майский и др. считали рабочими всех, кто хоть на какое-то время нанимался на физическую работу. При этом в своих трудах они нередко уточняли: о профессиональных рабочих идет речь или о крестьянах, сильно-поселенцах и т.д.⁴⁾ Тем не менее существование в Сибири рабочего класса современного промышленному капитализму не было признано мелкобуржуазной историографией вплоть до 1917 г.

Возможно, это произошло в 90-е гг. не без влияния меньшевистской литературы, проводившей знак равенства между рабочим классом и пролетариатом. Под пролетариатом же народническо-эсеровская историография понимала потомственного фабричного рабочего. Не находя его в сколько-нибудь массовом выражении она отказывала в существовании и рабочему классу в Сибири⁵⁾. Признавался существующим рабочий, но не рабочий класс и не пролетариат.

1) Н. Берви-Флеровский. Избранные экономические произв., т. I, стр. 44-45.

2) А. П. Шапов. Собр. соч. Дополн. том, стр. 315 и 321-322.

3) Там же, стр. 316.

4) См.: Н. М. Ядринцев. Указ. работа, стр. 374; С. П. Швецов. Положение труда на частных заводах Алтайского округа, стр. 243; И. Майский. Указ. работа, стр. 32.

5) Следует оговориться, что партийная литература сибирских эсеров пользовалась термином "пролетариат" в заметках о сибирских рабочих. См.: "Голос революции". Изд. Красноярского комитета партии, с. -р. 1906, ноябрь, № 3; Чему учат последние события. "Знамя труда", 1912, № 43 (О ленских событиях - Н. Б.).

Последнее не только сближало их с либерально-областнической историографией в вопросах социальной истории края, но и толкало на общие позиции в оценках классовой борьбы и ее перспектив в Сибири.

В работах, посвященных революции 1905-1907 гг. в Сибири, авторы подчеркивали "общенародный" характер движения, всеобщую солидарность "революционных масс", называя их двигателем событий¹⁾. Но при этом они не только избегали классового анализа движения, а и, пожалуй, сознательно прикидали заслуги в борьбе рабочего класса, ставя его выступления в зависимость от общенародного настроения.

В полном созвучии с такой интерпретацией революционного прошлого, поддерживая фактически областническую линию "демократического фронта", закончил в 1915 г. свой обзор истории Сибири Н. Рожков. "Все устроится, - писал он, - все будет достигнуто, все сделано, если мы будем помнить и осуществлять в жизни великий демократический принцип "в единении сила"²⁾.

К этому принципу (эсеровскому по своему происхождению и формулировке) Рожков пришел вслед за лидерами мелкобуржуазной политики в Сибири. Но его нельзя упрекнуть в простом заимствовании: это был вывод из его концепции социально-политической истории края, по которой антагонизмы буржуазного общества в Сибири еще не созрели, социально однородная "масса населения тянется к свету и самостоятельности сообща, по-мирски", а областническая интеллигенция (демократичная: "даже в своих заблуждениях") будила и будит эту массу³⁾.

В 1916 г. при обсуждении доклада В.Е. Воложанина в "Обществе изучения Сибири" Рожков выступил не только в защиту областничества, но и призвал марксистов к сотрудничеству с областниками. "Забудем разногласия, - провозгласил он, - и пойдем рука об руку к великой цели!"⁴⁾. Его уверения в том, что областники представ-

1) И. Серебрянников. "Красные" дни в Иркутске. "Сибирские вопросы", 1907, № 29, стр. 8. См. также: Сибиряк-Скиталец. Октябрьские дни в Барнауле. "Сибирские вопросы", 1906, № 1; Томич. Письма из провинции. Первый делегатский съезд рабочих и служащих Сибирской железной дороги. "Образование", 1906, № 6.

2) Н.А. Рожков. Исторический эскиз, стр. 88.

3) Там же, стр. 87.

4) "Сибирская жизнь", 1916, 13 февраля. Отчет о прениях по докладу Воложанина. Н. Чужак, бывший с Н.А. Рожковым в сибирской ссылке, отмечал, что с 1916 г. Рожков убеждал печатно и устно в единстве интересов областников и социал-демократов, призывал

ляют демократию в Сибири (в том числе и пролетарскую), что они умалчивают о классовых противоречиях буржуазного общества в интересах сплочения демократических сил, полностью совпали с позицией Е. Колосова¹⁾ и отражали эволюцию мелкобуржуазной исторической мысли в Сибири в годы войны.²

По мере проявления капитализма в Сибири как системы, преобразующей местную хозяйственную жизнь, в мелкобуржуазной историографии все более привлекаются доказательства, способные защитить и укрепить явно ошибочные взгляды. Особенно эта неблагодарная работа развернулась накануне и в годы мировой войны. Утверждения о том, что капиталистические отношения привнесены российскими предпринимателями, железной дорогой, царской бюрократией, что они не имеют глубоких корней в народной жизни, сблизили как никогда ранее мелкобуржуазных историков и публицистов с областнической концепцией истории Сибири начала XX в. В соответствии с этими утверждениями и сибирский рабочий упорно не признавался за сибирского: вопрос о пролетаризации местного населения как неизбежном следствии капиталистической эволюции подменялся обычно вопросом перемещения в Сибирь (волею правительства) элементов социального разложения в Европейской России.

Конечно, эта схема-концепция разделялась далеко не всеми авторами, как и прочие оценки различных черт современности. Но она отразила, пожалуй, основную тенденцию в мелкобуржуазной историко-политической мысли Сибири к 1917 г.

Большая часть работ мелкобуржуазных авторов посвящена рабочим Сибири во второй половине XIX в. Исследователи были часто наблюдателями событий и фактов, вошедших в их труды. Этим в значительной мере объясняется эмоциональность и публицистичность, присущая их работам. В этом же крылись причины их главных затруднений: они анализировали процессы и явления или далеко не завершившиеся, или только зарождавшиеся.

С момента Первой русской революции и до 1917 г. в мелкобуржуазной историографии рабочего класса Сибири исторический аспект вытесняется партийно-политическим. Одновременно происходит как бы передача рабочего вопроса из специально-исторической литературы в либеральную и демократическую периодическую печать, в чем, несомненно, отразилось идейное сближение авторов с либералами.

к союзу с сибирскими либералами. См.: Н. Чужак. Рожков в ссылке. "Каторга и ссылка", 1927, № 3 (32), стр. 181.

1) Е. Колосов. Сибирское областничество и русский марксизм. "Сибирские записки", 1916, № 4.

Как уже отмечалось, историческая литература мелкобуржуазных демократов рассматривала сибирских рабочих как крестьян-отходников, ссыльно-поселенцев, батраков и т.д. В ней не было специальных исследований о происхождении, социальном и профессиональном составе рабочих. Не было попыток определить их общую численность и изменения в ней в пореформенный период. Как в XIX в., так и позже авторы проявили наиболее устойчивый интерес к положению рабочих, к вопросам их материально-бытовой жизни. Считаю общественной функцией своих исследований разоблачение социальной несправедливости, народники и их последователи в Сибири именно в положении рабочих находили материал для ее выполнения.

Попутно некоторые авторы (преимущественно в работах локального характера) высказывали свои взгляды на происхождение, численность, облик тех рабочих, о которых они писали¹⁾. Но эти взгляды не были осознанным стремлением изучить процесс формирования рабочего класса или его отдельные проявления.

Первым инициатором научного изучения положения сибирских рабочих выступил в 1875 г. А. Б. Шапов. В центр намеченной им программы исследований он поставил вопрос о соответствии питания расходу энергии рабочих. Отвечая на обвинения официальной и буржуазной печати рабочего в безнравственности и пьянстве, Шапов требовал быть справедливыми: рабочий обделен духовной жизнью, его заработок несоизмерим затратам физической силы, у него нет надежды на лучшее. В его пьянстве виноваты те, на кого он работает²⁾.

В связи с публикацией статьи Шапова в газете "Сибирь" Главное управление по делам печати обратило внимание генерал-губернатора Восточной Сибири на "неудовлетворительность цензурного рассмотрения" материалов газеты. В описании положения рабочих и в ссылке на "Капитал" Маркса Управление увидело "повторение известной социально-демократической проповеди о невыносимом положении рабочего класса, о незаконном присвоении его труда капиталистами и помещиками"³⁾.

Демократизм Шапова и знакомство с "Капиталом" Маркса позволили ему уловить основной антагонизм нарождавшегося в Сибири

1) Н. А. Рубакин. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912; П. А. Голубев. Частная золотопромышленность. Алтай. Историко-статистический сборник... Томск, 1890; С. П. Швецов. Промысловые артели Тобольской губернии; Т. Ефимов (Иуда Мытарь). В защиту приказчиков. Омск, 1907; И. Майский. Указ. работа; А. Верещников. Указ. работа.

2) А. Б. Шапов. Указ. работа, стр. 322-323.

3) Там же, стр. 361.

буржуазного общества. Но это была скорее интуитивная догадка, чем научное понимание предмета. Отождествление им положения рабочего, крестьянина, служащего и деклассированных элементов общества, характерное тогда для народнической литературы, говорит об идеалистическом понимании социальных процессов при капитализме.

Положение сибирских рабочих во второй половине XIX в. наиболее внимательно было изучено В.И.Семевским. Его вклад в историографию Сибири получил наиболее развернутую оценку в работах В.Г.Мирзоева и М.Б.Шейнфельда¹⁾. Там же исследованы взгляды Семевского на рабочих сибирских золотых приисков. Правда, В.Г.Мирзоева более привлекла история написания двухтомного сочинения, а М.Б.Шейнфельда — социологическая концепция автора, которую он и рассмотрел с глубокой основательностью. В связи с этим отпадает необходимость всестороннего анализа столь крупного специального исследования В.И.Семевского.

В своих статьях и монографии Семевский выступает одновременно и историком, и бытописателем-современником. Эта позиция дала ему несомненные преимущества перед другими авторами, дала возможность тут же вслед за сбором архивных материалов проверять их качество сопоставлением с жизнью, а во многих случаях — восполнить пробелы в источниках личными наблюдениями.

Историка интересовали не столько условия и характер труда, сколько условия быта рабочих. Но и по первому ряду вопросов он дал массу новых сведений, не утративших своей ценности. Он определил размеры фактической продолжительности рабочего дня для 60-80 гг., соотношение его с уроками; им рассмотрен ряд договоров предпринимателей с рабочими и их влияние на фактические условия труда; для разного времени автор выяснил размеры заработной платы.

По работам Семевского можно судить о нормах и стоимости питания рабочих в 40-90-е гг., о жилищных условиях, медицинском обслуживании, о юридических и фактических правах нанятых золотопромышленниками. Стремясь повсюду быть точным документалистом, автор не находил изменений к лучшему в положении рабочих от 40 до 80-х гг. XIX в. По его убеждению, введение машин явилось лишь следующим этапом в снижении заработной платы и увеличении рабочего дня. Вскрывая хищническое отношение к труду на приисках, Семевский неоднократно подчеркивал, как скоро из людей молодых и сильных рабочие

1) В.Г.Мирзоев. Историография Сибири. М., 1970; М.Б.Шейнфельд. Историография Сибири (конец XIX — нач. XX вв.). Красноярск, 1973. Кроме того общая оценка книги Семевского была дана С.В.Бахрушиным "Основные течения сибирской историографии с XIX в. "Северная Азия", 1925, в 1-2).

превращаются в инвалидов, неспособных вообще к физическому труду.

Пытался Семевский нарисовать и социально-психологический облик приискового рабочего, отмечая проявления коллективизма и взаимопомощи в рабочей среде, а, с другой стороны, - повсеместное противопоставление рабочими себя хозяевам и их служащим. Рабочее движение у него - неизбежное и оправданное явление. Он первый сделал подсчет выступлений рабочих золотых приисков с 1870 по 1895 г.

Но, как бы не показалось неожиданным, Семевский вряд ли видел классовые различия между приисковыми рабочими и крестьянами, вряд ли считал рабочих новой социальной категорией. Поэтому и в рабочем движении он не заметил ничего нового в сравнении с крестьянским.

Как представитель демократических традиций народнической историографии 70-х гг. Семевский повсюду в своих трудах выступал на стороне рабочих. И вместе с тем, являясь последователем П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского, преувеличивая вслед за ними роль идей в общественном развитии, в частности роль просвещенного сознания (в том числе сознание правящих верхов), а одновременно и раздвигая взгляды историков государственной школы на государство как орган, способный регулировать общественную жизнь, Семевский склонялся к либерализму, вступал в явное противоречие с демократизмом.

Так, всеми своими трудами о сибирских рабочих он убедительно доказывал, что закон на приисках - это воля хозяина, но в выводах - неожиданная с точки зрения логики фактов идеализация законодательных мер. "Более правильная постановка промышленного труда, - писал автор, - без сомнения одна из главных задач нашего времени; во всем ее объеме она может быть решена лишь законодательным путем."¹⁾ И далее следовало присущее российским мелкобуржуазным и буржуазным либералам предложение: хорошо бы, если организацию помощи рабочим "взяло в свои руки правительство"²⁾.

Факты убеждали автора в несостоятельности надежд на гуманных администраторов и промышленников. Однако Семевский при малейшей возможности идеализировал тех, которые хоть чем-то были лучше других для рабочих (генерал Синельников, золотопромышленники И.М.Сибиряков, А.А.Саввинных), явно преувеличивая возможные последствия их деятельности³⁾.

Историку не удалось разобраться и в закономерностях развития капиталистического производства. Техническую сторону промышленного

1) В.И.Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. II, стр. 817.

2) Там же, стр. 818.

3) Там же, стр. 12-26, 195, 817-822 и др.

переворота он характеризовал на основе ошибочных критериев, явно недооценивая роль машинного производства. Социальная же сторона промышленного переворота в добыче золота совершенно не нашла отражения в его работе. Поэтому же у него не оказалось объективных критериев для суждений о социальном развитии рабочих. В основе его периодизации истории рабочих—юридические документы (Устав о золотопромышленности), но не закономерности развития самой отрасли промышленности.

В методике исследования Семевский избегал обобщений статистических материалов и собственных наблюдений. Огромный материал он представил в распоряжение читателя в виде совокупности отдельных примеров, расположенных в хронологической последовательности. Эти примеры широко иллюстрируют картину быта рабочих во всех основных его проявлениях. Но в каждом случае фактов недостаточно для того, чтобы проанализировать как и в какую сторону изменилась за полстолетие заработная плата рабочих, продолжительность рабочего времени, реальная стоимость одежды и продуктов питания, медицинское обслуживание и т.д. Историк не смог ни вскрыть динамики процессов, ни выделить какие-либо постоянно влиявшие на положение рабочих факторы.

Сам автор очень скромно оценивал результаты своего труда. "Наше историческое исследование быта рабочих сибирских золотых промыслов, — писал он, — послужит со временем лишь одним из пособий для создания вполне научной истории промышленного труда в России" ¹⁾. И это, пожалуй, наиболее точная оценка места его труда в истории разработки вопроса: написать научную историю основного тогда отряда сибирских рабочих во II половине XIX в. он предоставил своим преемникам, оставив им огромный фактический материал и тем облегчив их работу.

После В.И.Семевского в демократической историографии рабочего класса Сибири не появилось столь значительных трудов. Исследования Швецова, Романова, Майского, Варезникова и других, написанные подчас посредством более совершенной методологии и оказавшие в свое время влияние на разработку проблемы ²⁾, отличались очень узкими локально-хронологическими рамками, обобщали наблюдения за небольшим кругом рабочих.

1) Там же, т. I, стр. XXVП.

2) Так, Швецов занимался выяснением бюджета алтайских рабочих; Майский поставил вопрос о норме эксплуатации рабочих на рыбных промыслах; Романов заметил в чем и почему положение золотничника хуже положения "хозяйского" рабочего и т.д.

В характеристике положения рабочего в Сибири у историков и публицистов вплоть до начала XX в. рефреном проходит мысль о сходстве форм эксплуатации с недавним крепостничеством. У Флеровского она выражена через отождествление положения рабочего с положением ссыльного, беглого и крестьянина-бедняка. Дюманди прямо писал, что атмосфера на приисках "сильно напоминает существовавшее в России крепостное право". "Нередко на приисках можно видеть казаков и служащих, отправляющихся на поиски в тайгу, с веревками у седел, иногда с собаками, что напоминает поиски беглых негров во времена американского рабства"¹⁾. Голубев, исследуя контракты алтайских золотопромышленников с рабочими, заметил, что если хозяин оговаривает право полного распоряжения рабочим (безоговорочное повиновение, использование на любой работе, в любом месте, право передачи рабочего другому владельцу и т.п.), то о правах рабочего в контракте не упоминается²⁾. На совершенно аналогичный характер договоров подрячников с рабочими-строителями сибирской магистрали указывал несколько позже Н.Арефьев.³⁾ Совершенно бесправными рабами торгового капитала называл сибирских приказчиков в своей книге Т.Ефимов⁴⁾. Майский оценивал отношения рабочего и промышленника на рыбных промыслах как кабальные, докапиталистические⁵⁾.

Только исследователи положения железнодорожных рабочих отмечали элементы юридических гарантий для некоторых категорий служащих на сибирских железных дорогах⁶⁾.

Оценка сущности форм эксплуатации рабочего в Сибири как докапиталистических, принятая представителями мелкобуржуазной историографии в 60-80 гг. и поддерживаемая ими вплоть до конца 900-х гг., не была литературным выражением возмущенных чувств авторов. Она была логическим звеном их общей концепции экономической истории Сибири и широко аргументировалась.

В работах С.Чудновского, А.Буланова, Н.Арефьева, С.Швецова, Т.Ефимова, И.Майского, Ф.Конева⁷⁾ и др. был мобилизован большой фак-

1) Дюманди. Енисейская золотопромышленность. Социальные отношения в тайге. "Сибирская газета", 1886, 28 декабря.

2) П.А.Голубев. Частная золотопромышленность. "Алтай", стр.422.

3) Н.Арефьев. Указ. работа. "Северный вестник", 1895, № 10, стр. 7-8.

4) Т.Ефимов (Иуда Мятарь). Указ. работа, стр.5.

5) И.Майский. Указ. работа, "Сибирские вопросы", 1908, № 19-20, стр.33.

6) И.П.Михайловский. К вопросу о санитарно-экономическом состоянии, заболеваемости и смертности линейных агентов на Сибирской железной дороге. Томск, 1906.

7) С.Чудновский. Сибирские рабочие. "Устон", 1882, № 12;

тический материал, позволяющий (несмотря на узость тематических и хронологических рамок исследований) судить о правовом, экономическом, бытовом и социальном положении рабочих в отдельных отраслях труда и в различных местах Сибири в конце XIX - нач. XX в. Самоотверженное формирование источников по рассматриваемой проблеме, их разработка с позиций революционно-демократической или радикально-оппозиционной правительству идеологии и пропаганда полученных результатов в периодической печати составили наиболее сильные стороны мелкобуржуазной историографии сравнительно с официальной и либеральной. Сибирский и пришлый хищник-предприниматель, как и их покровитель - самодержавное государство, аттестовались в равной мере угнетателями рабочего.

Вместе с тем в числе причин безудержной эксплуатации рабочих в Сибири большинство авторов (Диоманди, Д. Клеменц, С. Швецов, И. Майский, Т. Ефимов и др.) называло патриархальные отношения между рабочим и хозяином, социальную неразвитость, разобщенность и покорность рабочих. Даже после 1905 г. Ефимов, Майский, Конев считали рабочих золотых приисков, рыбных промыслов, приказчиков неспособными к мозаичите.

Оценивал формы наемного труда и эксплуатации преимущественно как докапиталистические и раннекапиталистические, а самого сибирского рабочего - в массе крестьянином-отходником, мелкобуржуазная историография в нач. XX в. оказалась в противоречивом положении при попытках найти средства защиты рабочего, определить перспективу взаимоотношений между трудом и капиталом в Сибири.

Резкая критика реформаторских идей, развиваемых в 900-е годы монархическими и либеральными историками, не привела мелкобуржуазных авторов к выработке самостоятельной точки зрения на классовую борьбу рабочих. Признав сибирских рабочих неспособными к сознательным выступлениям, мелкобуржуазные демократы оказались апеллирующими (вместе с либералами) к "государственному вмешательству" в отношении предпринимателей и рабочих.

Так, в 1908 г. меньшевик И. Майский в статье о рабочих рыбных промыслов, отметив, что "современная правительственная политика по рабочему вопросу менее всего может возбуждать какие-либо оптимистические ожидания", еще с меньшим оптимизмом оценивал возможность организации промысловых рабочих. В итоге вывод: кроме государственного вмешательства "нет никакой возможности улучшить положение промысловых рабочих"¹⁾. Работа Ефимова - прямое обращение

А. Буланов. Государственная защита приисковых рабочих в Сибири. "Юридический вестник", 1887, № II; Ф. Конев. Несчастные случаи с рабочими Витимского и Олекминского горных округов в 1909-1911 гг.

1) "Сибирские вопросы", 1908, № 21-22, стр. 23 и 30.

от имени сибирских приказчиков к Государственной думе.

Несмотря на Ленские события, еще раз подтвердившие невозможность решить рабочий вопрос официально-правительственными средствами, в брошюре Конева конструктивной частью были предложения реформировать органы горного надзора.

В соответствии со своей общей концепцией социально-экономической истории Сибири мелкобуржуазные ученые и публицисты не увидели местного рабочего-пролетария, способного отстаивать свои классовые интересы, а вследствие этого вынуждены были связывать будущее местных труженников с реформами государства.

Мелкобуржуазную историографию нельзя упрекнуть в том, что она не замечала и не давала исторической оценки проявлениям рабочего движения в Сибири. Вслед за В.И.Семевским, Швецов, Арефьев, Серебренников, Романов, Майский, а также авторы многих публикаций в демократической периодике Сибири конца XIX - нач. XX вв., не только собирали и при возможности публиковали сведения о побегах рабочих, стачках с администрацией и владельцами, о волнениях и стачках, но и пытались в ряде случаев рассматривать их как условие и средство социального развития местного пролетариата.

Было отмечено увеличивающееся противопоставление рабочими себя владельцам и служащим, появление вожаков среди рабочих, проявление потребности к организации и т.д. Однако, располагая крайне отрывочной информацией о выступлениях рабочих и верные своей методике исследования, авторы сосредоточивали внимание на содержании эпизодов, а не на содержании и направлении процесса рабочего движения в целом. В итоге преимущественно извлекались лишь новые аргументы в поддержку тезиса о несформированности рабочего класса, об отсутствии в рабочей массе солидарности и пролетарской идеологии.

Сложившийся в 1905 году взгляд на местных рабочих не изменился и позже. В частности, он обусловил оценку в мелкобуржуазной историографии места и роли рабочих в событиях 1905-1907 гг.

Народнически-эсеровская и меньшевистская литература, посвященная Первой русской революции в Сибири, не выделяла действия рабочих среди массы участников событий. Лидерами борьбы были революционеры, но не классы. "Само общество проснулось и потребовало ответа на многие волновавшие его вопросы", - писал Ф.Романов¹⁾. Движущей силой революции в Сибири при неразвитости социальных антагонизмов были все, - уточнял И.Серебренников: "рабочие и хантары, чиновники и начальники правительственных учреждений, солдаты и ге-

1) Ф.Романов. Красноярская республика. "Сибирские вопросы", 1907, № 2, стр. 63.

нералы (Холшевников и Румшевич), священники и адвокаты... " 1).
Базой сплочения всех сил демократии, по мнению Романова, Серебренникова, Сибиряка-Скитальца и других, был лозунг Учредительного собрания. Манифест 17 октября сделал "законным" участие совершенно разных людей в движении и тем самым расширил его ряды. Революционное движение оказало влияние и на рабочих - они активизировались и выступили со своими экономическими и бытовыми требованиями²⁾.

Трудно судить: оказала ли на отмеченное понимание движущих сил революции влияние развернутая царизмом и буржуазией травля революционеров за "кровопролитие" в 1905-1906 гг. Несомненно, что выступать в легальной печати того времени без учета этих обстоятельств было невозможно. И вместе с тем изложенный разными авторами анализ роли сибирских рабочих и комитетов РСДРП в революции нет оснований считать тактическим маневром мелкобуржуазной публицистики, поскольку отправные посылки и основные выводы авторов вполне укладывались в рамки эсеро-меньшевистской концепции роли пролетариата и его партии в революции.

Названная концепция получила наиболее полное отражение в упомянутых уже работах Романова и Серебренникова. В них авторы, выступая исследователями недавнего прошлого, стремились дать полную картину революционных событий в Красноярске, Иркутске, на Забайкальской железной дороге, в Западной Сибири, а также изложить историю почтово-телеграфной стачки во всей Сибири³⁾. Ими был привлечен и использован значительный для того времени документальный и фактический материал.

В рассмотренных выше исходных позициях авторов не случайно делался акцент на "мирном" характере революции в Сибири. По их мнению, целью (и центром практической деятельности) революционных и оппозиционных организаций в Красноярске, Иркутске и других местах Сибири было выбрать всеобщие (взамен существовавших цензовых) городские думы, которые могли бы стать как органами подготовки Учредительного собрания, так и органами местного революционного самоуправления. Подготовка таких выборов была подчинена работе Красноярского комитета РСДРП, Объединенного Совета солдатских и

1) И. Серебренников. "Красные дни в Иркутске. "Сибирские вопросы", 1907, № 28, стр. 8.

2) Тоич. Письмо из провинции. Первый делегатский съезд рабочих и служащих Сибирской железной дороги. "Образование", 1906, № 6, отд. II, стр. 29. "В связи с военным движением возникло в Иркутске..., - писал Серебренников, - движение среди железнодорожных служащих и рабочих". ("Сибирские вопросы", 1907, № 23, стр. 10.).

3) Большая часть этой работы была проделана И. И. Серебренниковым. Кроме названного большого исследования о революционных событиях в Иркутске и на Забайкальской дороге им были написаны статьи

рабочих депутатов, Совета депутатов рабочих и служащих в Иркутске. Именно на этой почве стал возможен в Красноярске блок социал-демократов с кадетами и областниками, а в Иркутске — сближение социал-демократов с социалистами-революционерами.

Мирное развитие революции было прервано насильственными действиями правительства, нарушившего царский Манифест 17 октября. Таков взгляд на общий ход событий.

В статьях Романова, Серебrenникова и других авторов ¹⁾ вопросы участия рабочих в революции не были центром внимания. Но ни им, ни комитетам РСДРП мелкобуржуазные историки не отказывали в "долевой" участии, а в некоторых случаях признавали их руководящую роль. Так, Серебrenников называл комитеты РСДРП в Красноярске и Чите "единственными господами положения и руководителями движения" ²⁾, тогда как в Иркутске, по его мнению, это положение местный комитет делил с эсерами. Иркутские железнодорожники были наиболее решительной силой как в Объединенном стачечном комитете, так и при обсуждении вопроса о захвате Забайкальской железной дороги. Они первые организовали профсоюз, который "играл видную роль в революционном движении" ³⁾. Однако первопричиной активности рабочих, как уже отмечалось, Серебrenников считал стачку Иркутского гарнизона.

В работе Ф. Романова нашла место лишь одна реплика о поведении красноярских рабочих в революции: блокированные войсками в здании мастерских колебавшихся солдат рабочие "угovarивали не сдаваться" ⁴⁾. А. Ванновский считал, что стачки рабочих, особенно в октябре 1905 г., явились толчком для расширения революционного движения. Пролетариат вошел в лагерь борцов с самодержавием ⁵⁾.

В 1910-1916 гг. не было предпринято специальных исследований рабочего движения в Сибири, что отражало, очевидно, отношение мелкобуржуазной историографии к истории классовой борьбы на востоке страны. В частности, так позволяют думать отклики мелкобуржуазной печати на Ленскую стачку 1912 г. ⁶⁾ и материалы полемики с марксистами-большевиками. В них по-прежнему звучало сомнение в возможности самостоятельного рабочего движения в Сибири.

"Дни свободы на Севере" ("Сибирские вопросы", 1906, № 8), "Почтово-телеграфная забастовка в Сибири в 1905 г." ("Сибирские вопросы", 1910, № 48-49 и 50-52) и др.

1) Глузов. К декабрьским событиям. "Отклики современности", 1906, № 2; Сибиряк-Скиталец. Лесные бунты на Алтае. "Сибирские вопросы", 1907, № 2.

2) "Сибирские вопросы", 1907, № 28, стр. 6.

3) Там же, стр. 11.

4) Там же, № 2, стр. 61.

5) А. Ванновский. Указ. работа, стр. 18-21.

6) А. Петричев. Хроника внутренней жизни (о Ленском расстреле).

Накануне и в годы мировой войны мелкобуржуазная историография все большее склоняется к признанию реформы сверху как наиболее приемлемого средства общественного прогресса. Параллельно такому признанию усмиряется критика марксизма (главным образом через обвинение в узости и односторонности) и пропаганда лозунга объединения всех демократических сил Сибири. Через принятие его мелкобуржуазная демократия все более консолидируется с областниками и кадетами. Субъективно рассматривая демократическое реформирование Сибири как путь к расширению артельно-кооперативного начала в местном хозяйстве, могущего стать барьером на пути пролетаризации населения, объективно буржуазные реформаторы ратовали за наиболее свободное развитие капитализма в Сибири, за наиболее современные формы его общественной организации. Противоречивость их позиции была неизбежным следствием субъективно-идеалистических социологических и исторических воззрений.

Мелкобуржуазная историография вместо широкого исследования социально-экономических процессов в пореформенном сибирском хозяйстве пыталась применить к нему народническую социологическую схему, по которой отсталость и неразвитость окраин трактовалась как главное условие некапиталистической народно-хозяйственной организации. Та же субъективно-идеалистическая схема помешала мелкобуржуазным историкам научно проанализировать и оценить развертывавшийся на их глазах процесс быстрого капиталистического освоения Сибири. Оценивая его как явление, приведенное извне, авторы поддерживали иллюзию о возможности ограничения экономических и социальных последствий капитализма.

Тезис о господстве в Сибири до конца XIX в. докапиталистических форм хозяйства (Новов, Майнов, Костурин) и о слабости развития капиталистической промышленности в начале XX-го был положен мелкобуржуазными авторами в основу убеждения о слабом классовом антагонизме в Сибирском обществе и, в частности, об отсутствии массы рабочих местного происхождения. Поскольку рабочий в Сибири рассматривался ими большей частью как временный пришелец из России или как местный крестьянин-отходник, постольку регистрация авторами значительного числа наемных рабочих в Сибири, занятых в разных местах и отраслях хозяйства Сибири, не служила исследователям аргументом о росте пролетариата. А роль авторы не интересовались специально вопросами промышленного переворота в Сибири, соотношением фабричной и дофабричной промышленности, наличием и характером свя-

«Русское богатство», 1912, № 5; Чему учат последние события. «Знамя труда», 1912, № 49.

зей рабочего с деревней, ставем его работы на фабрике, то они и не могли доказательно судить о составе рабочих, о их социальных чертах.

Последнее помешало мелкобуржуазной литературе правильно оценить действия рабочих в революции 1905-1907 гг. и определить перспективы их классовой борьбы. Сибирский рабочий оказался в конечном итоге лицом только страдающим и неспособным к организованной сознательной самозащите.

Заметим, что наряду с несостоятельной общей концепцией мелкобуржуазная историография сделала немало серьезных в научном смысле наблюдений и оставила значительный по объему фактографический материал, широко используемый в последующей разработке проблемы. Большой и разносторонний материал был накоплен мелкобуржуазными историками, публицистами, статистиками, этнографами о положении сибирских рабочих. И если нельзя согласиться с выводами о господстве докапиталистических форм эксплуатации сибирского рабочего в конце XIX - нач. XX в., то сама характеристика этих форм и замечания о их распространенности, живучести в ряде отраслей местного капиталистического хозяйства, свидетельствующие об уровне развития производственных отношений в них, - несомненно заслуга мелкобуржуазной историографии.

Нет оснований принимать выводы об активном участии в революции 1905-1907 гг. представителей всех слоев сибирского населения, как и о стремлении революционеров действовать только на основе "законности" (т.е. Манифеста 17 октября). Но документальное описание наиболее значительных событий революции, в том числе и фактов о попытках революционеров использовать городские думы для развертывания самодеятельности масс, о сложных взаимоотношениях внутри революционного потока - выходит за рамки чисто историографического интереса.

Мелкобуржуазная историография фактически не заметила слоя промышленного пролетариата среди местных наемных рабочих, и это повлекло за собой цепь последующих ошибок в понимании социальных сдвигов в Сибири. Однако представители ее дали убедительную характеристику широкому слою сибирских рабочих как во второй половине XIX; так и в начале XX в., в основном верно определив его черты, состав и связи с другими слоями населения.

Можно отметить и другого характера заслуги значительной части мелкобуржуазных демократов. Проблемы истории рабочего класса были тогда проблемами современности и в оценке ее авторы темпераментно защищали интересы трудящихся масс. Выступления в периодической пе-

части, публицистике и научной литературе, направленные по своему духу и фактическому содержанию против самодержавия и буржуазии (а они исчисляются сотнями только в Сибирской периодике), выполняли исторически прогрессивную функцию.

МАРКСИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Материалистические тенденции в подходе к социально-экономической истории Сибири проявлялись еще в мелкобуржуазной историографии (Шапов, Гурвич, Диоманди, Зобнин). Но они были подчинены субъективно-социологическим (позитивистским в своей основе) концепциям исторического процесса, с которыми выступали некоторые последователи народничества. Субъективные условия для утверждения среди местной демократической идеологии марксизма, а вслед за тем и для использования материалистической теории в качестве инструмента исторического мышления, появились в Сибири лишь в самом конце XIX в., когда капитализм совершил уже заметные преобразования в экономической и социальной жизни окраины.

Марксистская политическая ссылка явилась как раз тем субъективным фактором в переходе местной общественной мысли к материализму и диалектике, который на базе сдвигов в российской политической жизни ускорил постановку на научную основу вопросов о главном направлении местной социально-экономической истории.

Вопросы характера и направления экономической эволюции местного хозяйства, социального состава населения, классового содержания сибирского демократизма, формирования классов буржуазного общества были той основой, на которой пробовала свои силы и утверждалась в Сибири марксистская историческая мысль.

Немаловажное значение для утверждения и перспектив развития марксистской историографии рабочего класса Сибири сыграл тот факт, что в ее разработку внесли определенный вклад В.И. Ленин и его соратники и единомышленники — Л.Б. Красин, В.Ф. Ленгник, А.А. Беляков, В.И. Соколов, В.А. Ватин-Быстрянский, А.Г. Шлихтер и др.

При изучении социально-экономической истории Сибири перед марксистской исторической мыслью в конце XIX и начале XX в. стояли те же задачи, что и в России в целом: выяснение характера и направления основных процессов развития, разработка практических задач рабочего класса и его организаций. Естественно, что и в Сибири решение этих задач могло осуществляться лишь в борьбе с либерально-буржуазными и народническими теоретическими и историческими воззрениями, через разоблачение их научной несостоятельности и политической опасности для пролетариата. Этим и объясняется характер работ марксистов, их проблематика и ее прямая зависимость от современности.

В.И. Ленин, считая окраины России (в том числе и Сибирь) в об-

ественно-политическом смысле составными частями единого целого (централизованного государства), называл их с точки зрения экономических процессов "как бы колониями русского капитализма", подчеркивая тем самым различный уровень развития хозяйства в разных местах страны и громадную возможность развития капитализма "не только вглубь, но ивширь" ¹⁾. Тогда же он на основе источников и личных наблюдений пришел к выводу, что русский капитализм уже проник в Сибирь, нивелирует ее особенности, перемещает население. На фактах Енисейской губернии он отметил тождественность российским процессам в сибирской деревне, а также усиление расслоения за счет потока крестьян-переселенцев ²⁾. Если переселенец, с одной стороны, пополнял армию наемного труда в Сибири, то, с другой — он помогал выращивать здесь сельскую буржуазию.

Ускорением в капиталистическом преобразовании Сибири В.И. Ленин считал строительство Транссибирской магистрали. По его словам, дорога "открывала Сибирь" для капитализма (и не только русского). Здесь же он отметил безмерную капиталистическую эксплуатацию в Сибири рабочих-строителей ³⁾.

Далее он не раз констатировал общность в России и Сибири не только экономических, но социально-революционных процессов (распространение рабочих листов и социал-демократических идей, то же движение классов в 1905 г., создание тех же зачатков революционной власти в годы революции, то же движение рабочих в 1912 г. и т.д.) ⁴⁾. Т.е. Ленин уже в конце 90-х гг. определенно считал Сибирь втянутой в систему русского капитализма и с этой точки зрения рассматривал все последующие сдвиги в ее социально-экономической истории.

Процесс формирования местного сибирского пролетариата, как и его участие в классовой борьбе, укладывались у него в рамки общей закономерности социально-политического развития России в эпоху капитализма.

Вместе с тем раскрытие этой закономерности обусловило подчеркивание Лениным того факта, что процесс экономического освоения окраин значительно отстает от их политического присоединения, что он не был закончен и к концу XIX в. ⁵⁾.

1) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 86. (Еще к вопросу о теории реализации, 1899).

2) Там же, т. 3, стр. II 6, 175, 594-595. (Развитие капитализма в России, 1899).

3) Там же, т. 5, стр. 82-83. (Уроки кризиса, 1900).

4) Там же, т. 4, стр. 188; т. 10, стр. 82; т. 17, стр. 375; т. 21, стр. 247.

5) Там же, т. 3, стр. 594.

Отсюда неизбежность длительного сосуществования докапиталистических и капиталистических форм в хозяйстве и социально-политической жизни окраин ¹⁾. В отличие от областников, считавших колониальное положение Сибири главной причиной ее экономической неразвитости, Ленин в основе этого явления видел естественно-историческое отставание окраины от промышленных центров.

В сибирской литературе впервые марксистский метод исторического познания для анализа содержания и направления социально-экономического развития Сибири был применен Л. Б. Красиным в ответ на либерально-народническое истолкование самобытности Сибири. В большой статье "Судьбы капитализма в Сибири" ²⁾, обобщенно охватывавшей все стороны местного хозяйства, автор проявил блестящее владение методом марксистского исследования.

В методике исследования своих оппонентов Красин отметил преобладание субъективных симпатий над научным осмыслением реально существующих фактов. Там, где они видели формы "народного производства" (артели золотничников, кустарей, крестьянские промыслы и т. д.), стоявшие на пути капитализма и превращения работника в пролетария, он обратил внимание на основу взаимоотношений этого "производства" с окружающей системой хозяйства. Факты купли-продажи, найма и зависимости от нанимателя, расширения рынка швейного труда вывели на первый план ³⁾.

Красин не возражал против того, что фабрично-заводская промышленность развита в Сибири слабо, но он обращал внимание на ее капиталистическую организацию и на тенденцию роста, особенно в связи со строительством железной дороги через Сибирь. Анализ всех сколько-нибудь влиятельных отраслей местной промышленности привел его к выводу, что капитализм "уже и теперь сделался атмосферой, в которой совершается все движение сибирской промышленности" ⁴⁾.

1) Ленин имел в виду в данном случае Кавказ, Средний Азия и Сибирь.

2) Л. Б. Красин. Судьбы капитализма в Сибири. "Восточное обозрение" 13, 16, 18 октября 1896 г.

3) В частности, артели золотничников на приисках либерально-народническая литература рассматривала как независимых работников, как кооперацию труда свободных людей. Красин показал, что золотничники полностью зависят от владельцев приисков, но эксплуатируются больше, чем обычные рабочие, т. к. хозяин не отвечает за несчастные случаи, не обеспечивает их инвентарем, жильем и т. д.

4) "Восточное обозрение", 16 октября 1896 г.

В сибирском земледелии, по наблюдениям Красина, капитализм к концу XIX в. не оказывал "заметного влияния на форму производства", но оно уже успело "сделаться товарным": 40% хлеба производится для продажи, и процесс этот получает ускорение ¹⁾.

Социальные процессы, сопутствующие развитию капитализма, не получили у автора развернутого отражения. Но, говоря о 40 тысячах рабочих в золотопромышленности, о неизбежном притоке рабочих рук из России, как только будет построена дорога, и о разорении кустарей и ремесленников, он не только указывал на наличие армии наемного труда, а и определил источники ее пополнения. "Товарное производство и капитализм торжествуют в Сибири по всей линии, - писал в заключение Красин, - и в ближайшем будущем нет никаких реальных сил, которые могли бы задержать это торжество" ²⁾.

Как метод исследования ³⁾, так и вывод Красина были прямой противоположностью приемам и выводам народников и областников.

Далее со специальными работами, в которых та же проблема была в центре внимания и подкреплялась исследованием отдельных вопросов экономической и социальной истории Сибири, выступили А.А.Беляков, М.К.Ветошкин, В.А.Ватин-Быстрицкий, Я.М.Свердлов, В.Н.Сokolov, А.Г.Шлихтер ⁴⁾. Все они, как и Красин, не были профессиональными историками ⁵⁾, а были деятелями революционного движения, попавшими в Сибирь (кроме Ветошкина) по воле правительства. Положение ссыльных не благоприятствовало ни изучению проблем местной общественной жизни, ни публикации собранных наблюдений. Тематика исследований и публицистических статей историков-марксистов (местных и ссыльных в равной мере) определялась мерой доступности материалов и стремлением быть полезными для освободительной борьбы пролетариата.

1) Там же, 16 октября 1896 г.

2) Там же.

3) Метод обобщенного анализа характерных явлений и тенденций для вскрытия основных закономерностей исторического процесса.

4) А.А.Беляков. Статьи в Омской газете "Степной край" за 1897 г. ("Омск 12 февраля", "Омск 14 марта" и др.); М.К.Ветошкин. Местные нужды и Сибирская парламентская группа. "Современный мир", 1912, в 7; В.А.Ватин (Быстрицкий). Материалы для истории золотопромышленности Сибири. "Сибирский архив", 1916, в 5; Я.М.Свердлов. Очерки Туруханского края. Рыбный промысел в 1914 г. "Отклики Сибири", 13 февраля 1915 г.; то же. Очерки Туруханского края. Пушной промысел. Там же, 4 марта 1915 г.; В.Н.Сokolov. Забайкальское хозяйство и рынок. Чита, 1917; А.Г.Шлихтер. Кустарные промыслы в Енисейской губернии (по данным статистической анкеты). Красноярск, 1915.

5) Лишь В.А.Ватин учился на историческом факультете Петербургского университета, но учеба была прервана арестом.

В отличие от народников и областников, общее направление и содержание социально-экономического развития Сибири в начале XX в. для марксистов не казалось проблематичным. Его единодушно считали капиталистическим. Сложнее решался вопрос об уровне развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, о тех социальных сдвигах, которые он произвел, о степени сформированности пролетариата в Сибири. Здесь единство метода исторического познания не исключало различия в подходе к проблеме и оригинальности выводов у тех или иных авторов.

В.Н.Соколов даже в 1915 г. полагал, что развитие промышленного капитализма в Сибири - вопрос будущего, поскольку она отстает в своем общем развитии от Европейской России примерно на 20 лет. По его мнению в начале XX в., как и ранее, экономическое лицо Сибири определял торговый капитал, тогда как промышленный лишь делал первые шаги. В соответствии с этим Соколов делал вывод о "полном почти отсутствии класса наемных рабочих в Сибири" ¹⁾.

Близки к выводу В.Н.Соколова о роли и месте торгового капитала в экономике Сибири XX в. были взгляды В.А.Ватина-Быстриянского и А.Г.Шихтера ²⁾. О том, что Сибирь в это время переживала период первоначального накопления, высказывался еще один представитель революционного марксизма - Д.Зайцев ³⁾.

Такая оценка уровня развития капитализма в Сибири в начале 900-х гг. не была мнением отдельных лиц. Сошлемся еще на ряд фактов. М.К.Ветожки в канун первой мировой войны по-прежнему считал замедленное развитие социальных процессов в Сибири характерной чертой, в основе которой лежит "крайне слабое развитие в крае промышленной жизни". Эта "неразвитость" "ведет к необеспеченности работой" как пришлых, так и местных рабочих. Пролетариат в сибирской деревне автор считал зачаточной и объяснял той же причиной: забросив землю крестьянин "рискует превратиться не в пролетария, а в паупера", т.к. работы ему найти негде. Промышленный пролетариат в Сибири - малочисленный, развивается крайне медленно и представлен главным образом рабочими железнодорожных депо и мастерских ⁴⁾.

1) Мих.Садко (В.Н.Соколов). Чужими руками. "Наше дело", 1915, № 2, стр.6. Правда, позже он изменил свою точку зрения и писал лишь о слабости рабочего класса в Сибири (см. его воспоминания "Партилет № 0046340" ч.3. М., 1935, стр.334).

2) М.Б.Шейнфельд, В.Н.Соколов (Из истории марксистского направления в историографии Сибири начала XX в.). Из истории Сибири. Вып.4. Красноярск, 1971, стр.88.

3) Д.Зайцев. Революция и контрреволюция в Сибири. Невский сборник. Вып.1, СПб., 1906, стр.184.

4) М.К.Ветожки. Сибирское областничество. "Современный мир"

Результатом аналогичного представления о социальных последствиях капитализма в Сибири к 1912 г. могут служить некоторые выводы и отобранные факты в книге, изданной П.Н. Баташевым по следам Ленского расстрела. Автор отмечал, что большинство (57,2%) ленских рабочих было уроженцами российских губерний, что $\frac{3}{4}$ всей массы работало на приисках не свыше 3 рабочих сезонов¹⁾. Поэтому, очевидно, он воздерживался квалифицировать рабочую массу как пролетариат. Стачку он называл "детисем наиболее обойденной части рабочих, вместе с тем наименее культурной и сознательной. Их сознательность появилась лишь после 4 апреля".

Поэтому и поход 4 апреля к администрации Лензото он рассматривал не как проявление классовой солидарности (стремление освободить арестованных накануне членов стачкома), а как результат "доверия властям", стремление "вступить с ними в непосредственные сношения"²⁾.

Следствием неразвитой социально-политической жизни Сибири считали живучесть и влияние областничества после революции 1905-1907 гг. многие серьезные марксисты. Но предыдущими и этими высказываниями не исчерпывались даже до 1905 г. точки зрения революционных марксистов на местные социальные процессы и, в частности, на рабочий класс.

Ф.Ф. Ленгник, изучавший положение приисковых рабочих в Енисейской губернии с точки зрения государственных законов о найме и фактических взаимоотношений нанимателя и рабочего, пришел к выводу о преобладании общих черт в эксплуатации наемных рабочих в Сибири и России. Разницу он видел в гораздо большей норме эксплуатации местного пролетария³⁾. П.Н. Лепешинский отмечал складывание в местном рабочем тех же нравственно-психических черт, того же облика, что и у российских фабричных.

Так, в ответ на утверждение народнической и областнической литературы об особом типе (крестьянском) приискового рабочего он писал: "Тайга - та же фабрика, и как последняя накладывает особый отпечаток на группу рабочих производителей..., так и золотые промыслы

1913, № 3, отдел II, стр. 127; это же, Профессиональные и политические организации в Забайкальской области. "Сибирские вопросы", 1907, № 15, 16, 17. Без необходимого исследования промышленности и сельского хозяйства Сибири автор оказался на позициях очень близких мелкобуржуазным публицистам.

1) Правда о Ленских событиях. Изд. П.Н. Баташева. М., 1913, стр. 16.

2) Там же, стр. 76 и 79.

3) Н.Г.-ь (Ф.Ф. Ленгник). Положение рабочих на золотых промыслах. "Сибирская жизнь", 25 дек. 1898 г.; 5 января, 6 февраля, 13 и 16 марта 1899 г.

стягивает с места наиболее подвижные элементы деревни, ассимилируют их и обособляют в своеобразную социальную группу" ¹⁾.

Факты складывания железнодорожного пролетариата в Омске за счет приезжих рабочих из России и перенесение ими черт российского рабочего движения в Сибирь неоднократно констатировали на страницах газеты "Стенной край" А.А.Беляков, Ф.Гусев, В.Ванновский (1896-1902 гг.). Несколько позже это обстоятельство в числе важнейших в процессе формирования пролетариата в Сибири отмечал Д.Зайцев.

У него Сибирь с конца XIX в. вступила в полосу "ускоренной капиталистической эволюции", быстрого роста рядов рабочего класса. "Наплыв" на железную дорогу рабочих из России, в сочетании с действиями политических ссыльных, благоприятствовал "быстрому росту социал-демократического движения в Сибири" ²⁾. В его очерке революционного движения в Сибири в 1905 г. действиям рабочих давалась очень высокая оценка.

М.Ветошкин в своих дореволюционных работах о событиях 1905-1907 гг. в Сибири ³⁾ вступал по сути дела в противоречие со своими оценками социально-экономического развития края, сделанными в 1912-1913 гг. Повествуя о повсеместной наступательности и организованности рабочих в 1905 г., о слиянии авангарда с социал-демократическим движением, проявляя уверенность, что рабочие при желании "легко могли взять в свои руки всю власть" на Забайкальской дороге ⁴⁾ и т.д., автор создавал картину высокообразованного (по социально-политическому содержанию) рабочего движения в Сибири в 1905 г.

Таким образом, взгляды и выводы марксистских историков и публицистов по комплексу вопросов, связанных прямо или косвенно с историей развития местного пролетариата, не были едиными. Причину этого, очевидно, нужно искать в степени марксистской разработки конкретно-фактической истории Сибири. Тот уровень знаний, который

1) П.Н-ч (Б.Н.Лепешинский). О присыльных рабочих. "Сибирская жизнь", 16 сент. 1898 г. Правда, здесь же автор подчеркивал, что "полного разрыва между присыльной молодежью и вскормившей ее деревней никогда не бывает".

2) Д.М.Зайцев. Революция и контрреволюция в Сибири. "Невский сборник", Вып. I, СПб., 1906, стр.188.

3) М.В. (М.К.Ветошкин). Профессиональные и политические организации в Забайкальской области. "Сибирские вопросы", 1907, № 15, 16, 17; М.Иванов (М.К.Ветошкин). Революционные дни на Востоке. Там же, 1907, № 35, 36, 37, 38-39.

4) "Сибирские вопросы", 1907, № 35, стр.14. (Заметки, что Д.Зайцев писал тогда о взятии рабочими в свои руки управления дорогой как о свершившемся в 1905 г. факте. Указ. работа, стр.222).

был накоплен марксистской историографией, вполне закономерно не мог еще дать полного единства взглядов по конкретным вопросам.

История революции 1905-1907 гг. в Сибири уже в первых работах марксистов-большевиков, с трудом пробивавшихся в легальную печать, предста да в противоположность мелкобуржуазным и кадетско-областническим концепциям как цепь событий, имевших свою логику развития, на которую решающее влияние оказали две силы: сила революционного пролетариата и царского самодержавия. Именно рабочие шли во главе революции в Сибири и двигали ее вперед. Зайцев и Ветoshкин проводили эту мысль особенно отчетливо, излагая перечень конкретных фактов рабочего движения и его влияние на исход основных событий ¹⁾.

В свою очередь изучение уроков революции в Сибири стимулировало марксистскую мысль как в направлении углубленного изучения социального состава населения, так и отражения его интересов в идеологии и программах местных политических течений. На опыте революции марксисты-историки, партийные публицисты определяли перспективы классовой борьбы в Сибири и позицию в ней каждого из участников. По существу эта работа стала сама по себе участком острой идеологической борьбы, широко развернувшейся после поражения революции между марксистами-большевиками и их противниками. По классовому содержанию это была борьба за политическую самостоятельность пролетариата в Сибири, против попыток буржуазной демократии подчинить его своему влиянию.

До первой русской революции в легальной литературе Сибири почти не встречается следов открытой идеологической борьбы марксистов с областниками. Объяснение этому, очевидно, надо искать в уровне развития того и другого направлений общественной мысли: марксисты только начинали "осваивать" Сибирь, изучая проявление общероссийских процессов в ее экономической истории, а областники еще не замечали местного рабочего класса как силы, способной влиять на исход общественного движения. Кроме того, эволюция областничества к буржуазному либерализму, а тем более - к контрреволюции, не была завершена к 1905 году. Революция подтолкнула эволюцию.

¹⁾ Правда, Д.Зайцев в своей работе пользовался нередко фактами очень относительной точности. Например, у него в ответ на 9 января во всех крупных городах Сибири "были организованы вооруженные демонстрации", в Забайкалье стачечные комитеты в декабре 1905 г. управляли железной дорогой ("совместно с делегатами от солдатских коллективов и союза военнослужащих"), все правительственные учреждения в Красноярске "с 9 декабря перешли в руки народа" и т.д. (Указ. работа, стр. 184, 222, 226).

Областники перешли к открытой борьбе с марксистской идеологией, выбрав для себя очень удачный момент, когда правительство обрушило на марксистов-большевиков всю мощь своего карательного аппарата, когда их выступления в легальной печати были практически невозможны. Объективно областники и сибирские кадеты помогали тогда царизму истреблять революционную идеологию среди трудящихся масс Сибири, противопоставляя классовой борьбе пролетариата идеи сибирской автономии и "законного" реформирования общественной жизни края.

Революционные марксисты, за единственным исключением, лишь с 1910 г. смогли проникнуть в легальную печать для открытых выступлений против своих именитых противников: В.Н.Соколов, В.А.Ватин-Быстрянский, И.К.Ветoshкин, Н.Чукач (Насимович), В.Е.Волжанин в 1910-1916 гг. опубликовали свыше 100 статей в сибирской периодической печати и специальных научных изданиях, направленных против областнической концепции истории Сибири и особенно - против политической программы областников.

Тезис о "сибирском демократизме", произнесенный, по словам областников, в равной мере все слои сибирского населения и способный стать идейной основой классового сотрудничества в Сибири в борьбе за автономию, в статьях марксистов был определен как доктрина сибирской буржуазии, как прикрытые ее оппозиции российскому капиталу. Соколов считал причиной популярности этого тезиса отсталость социально-экономической жизни Сибири. Стремление местной буржуазии не пустить в Сибирь конкурента, защитить себя стеной законов автономной Областной Думы, выдавалось за демократизм местной буржуазии. Сибирский демократизм, - писал Соколов, - "отличается от истинного демократизма как первобытный коммунизм от коммунизма научного" ¹⁾. У него "демократизм" нужен был сибирской буржуазии еще и как прикрытые хищнической эксплуатации рабочего, ссыльного, крестьянина-переселенца.

И.Ветoshкин подчеркивал, что именно колониальная политика царизма в Сибири вызвала появление местной буржуазной оппозиции. Лозунг Областной Думы реакционен как попытка выдать интересы буржуазии за общенародные. Его позиция: "сколько-нибудь существенные

1) Мих.Садко (В.Н.Соколов). О демократизме сибирском. "Сибирская мысль", 21 июня 1911 г. В сибирских изданиях Соколов опубликовал свыше 60 своих работ. Высланный в Сибирь в 1909 г. и проживший здесь до революции он приобрел известность как талантливый публицист и автор статистико-экономических исследований. (См.: И.Б.Шейнфельд. Указ. работа о Соколове, стр. 77).

улучшения экономического и общественного положения Сибири при современном политическом режиме совершенно невозможны" ¹⁾.

Развернутое обоснование несостоятельности областнической программы дал В.А.Ватин в статье "К билею областничества" ²⁾. Он подверг сомнению правомерность требования областной автономии району с чрезвычайно пестрым национальным составом и хозяйственным укладом. Если областники являются демократами, то они на первый план должны выдвинуть задачи доведения до конца буржуазно-демократической революции. Позиция областников, затушевывающих классовые противоречия в Сибири, расценивалась Ватиным как реакционная.

Выводы Ватина получили развернутую аргументацию в докладе В.Е.Вологанина об областничестве в "Обществе изучения Сибири" и несколько позже в статье "Г.Колосов и областники" ³⁾. Исходной мыслью в докладе Вологанина было утверждение об утрате областниками того прогрессивно-демократического содержания, с которого начиналось это течение в Сибири. Как буржуазные демократы, областники завершили свою эволюцию, политически слившись с кадетами. Последние не "находят в лице областников верных союзников в деле защиты классовых интересов сибирской буржуазии" ⁴⁾. Враждебное отношение к рабочему вопросу, — подчеркивал автор, — не случайность у областников. В рабочем движении (а удовлетворение трудящихся масс "не может быть представлено вне пролетарского движения") они видят опасность своим планам и выдают его за чудное для Сибири, вызванное исключительно влиянием метрополии ⁵⁾. Если даже программа областников осуществится, заключал автор, она ничего не изменит в Сибири. Ее проблемы общие с Россией, и разрешить их может лишь демократизация страны в целом. Союзом с кадетами (появившемся "как протест либеральной буржуазии против нарождающегося в Сибири рабочего движения") областники публично предали демократию ⁶⁾.

По содержанию и четкости классово-политических позиций выступления Вологанина против областников и эсеров (Е.Колосов) могут быть отнесены к лучшим образцам легальной партийной литературы в Сибири.

1) "Современный мир", 1912, № 7, стр.313.

2) "Сибирский архив", 1915, № 12.

3) "Сибирская жизнь", 12 и 13 февраля 1916 г.; "Утро Сибири", 23 сентября 1916 г.

4) "Сибирская жизнь", 12 февраля 1916 г.

5) Там же, 13 февраля.

6) "Утро Сибири", 23 сент.1916 г. Продолжение статьи не было опубликовано газетой.

Революционно-марксистская мысль вскрыла исторические корни, классовое содержание и эволюцию областничества. Вывод о его реакционности и буржуазности имел и актуально-политическое значение, предостерегая представителей революционной демократии от возможных увлечений демагогическими фразами областников.

Вскрывая эволюцию областничества от прогрессивно-демократической идеологии к реакционно-буржуазной, марксистская историческая мысль попутно конкретизировала свои взгляды на более широкие проблемы сибирской социальной жизни (уровень экономического развития, отражение его в общественной жизни, состояние классовых антагонизмов и т.д.).

Причем упорство областнической и мелкобуржуазной историографии в несостоятельных взглядах на новейшую историю Сибири марксисты в определенной мере относили и за счет явно недостаточной научной изученности истории края, как и за счет того, что ею занимались дилетанты, "лица, не имеющие понятия о методах исторического изучения". "Эволюция различных сторон народной жизни, — писал Ватин, — может быть правильно понята только в связи с ее экономическим базисом" ¹⁾.

Пренебрежение буржуазной историографии к социально-экономическим корням общественной борьбы и общественной мысли расценивалось марксистами как проявление ее теоретической беспомощности.

Борьба марксистов с мелкобуржуазными и кадетско-областническими взглядами на новейшую социально-экономическую историю Сибири и место рабочего класса в ней была не только борьбой за научно-историческую трактовку важнейших проблем современной жизни края. Она была частью идеологической борьбы пролетарской партии за классово-политическую самостоятельность местного пролетариата, она служила содействием местным революционным силам.

В работах марксистов в те годы далеко не всегда достигалось полное единство социологического и конкретно-исторического анализа, не всегда материалистический метод исследования отдельных сторон исторического процесса или конкретных ситуаций приводил к единым оценкам и выводам. Недостаточный круг источников и неразработанность исходных материалов, обстановка острой полемичности, в которой не могло быть очерченной грани между научной и идеологической борьбой (борьбой, способной смещать до крайностей не только акценты, но и влиять на обобщения), превращали в неизбежность отмеченные явления.

¹⁾ В.А.Ватин, Юбилей Г.Н.Потанина и молодая Сибирь. "Сибирский архив", 1915, № 7-8-9, стр.426.

Кроме того, положение ссыльных, а все авторы (за исключением Ветюшкина и Воложанина) были сибирскими пленниками царизма, ставило в особо трудные условия исследователей-марксистов и в части научного труда, и в части публикации его результатов.

В революционном движении Сибири марксизм утвердился и стал влиятельной силой уже к началу Первой русской революции. В историографии Сибири такое утверждение происходит позже. Причины не только в том, что революционная практика забирала все силы наиболее подготовленных большевиков, а проникновение в легальную печать было сопряжено с огромными трудностями. Нужно было время для изучения сложного переплетения экономических и социальных форм и процессов общественной жизни зауральской окраины, для изучения отражения их в немарксистской литературе.

В частности, только через исследование уровня развития капитализма в важнейших отраслях сибирского хозяйства, через исследование группировки им населения в классы буржуазного общества можно было определить настоящее и будущее пролетариата в Сибири. Однако же и этого было недостаточно. Марксистская историография с момента своего появления не мыслила Сибирь районом, изолированным от общероссийских исторических процессов. Изучение местной истории не означало ограничения местным материалом и местной проблематикой. Естественно, при указанных условиях в короткое время марксистская историография не могла выполнить эту работу.

Вклад дореволюционной марксистской историографии в разработку истории местного рабочего класса нельзя и преуменьшать. Ею была определена закономерность капиталистического развития Сибири, а отсюда подверженность ее общероссийским процессам (В.И. Ленин, Л.Б. Красин и др.). В конкретно-исторических исследованиях Ватина, Соколова, Шлихтера были вскрыты пути и формы перехода крестьянского и кустарно-ремесленного хозяйства к товарному производству и наемному труду в отдельных местах Сибири, показаны социальные смещения в населении Забайкалья в начале XX в.

А.Беляковым, В.Ванновским, П.Лепешинским, Д.Зайцевым, П.Баташевым были сделаны заметки об источниках формирования рабочих кадров в Сибири, о местных условиях выработки классово-пролетарских черт у наемных рабочих. Капиталистический характер эксплуатации сибирского рабочего, ее размеры и специфика вследствие тесного союза предпринимателей и администрации в Сибири получили отражение в работах Ф.Ленгника, А.Шлихтера, в книге Баташева, на страницах большевистских газет "Звезда" и "Правда" ¹⁾.

1) Наибольшее внимание эти газеты уделяли сибирским рабочим

В работах М.Ветошина и Д.Зайцева впервые получили объективную оценку действия и роль рабочих в 1905-1906 гг. Ими первыми была предпринята попытка изложить историю революционного движения в 1905 г. на большей части территории Сибири. В их работах берет свое начало марксистская историография рабочих и партийных организаций сибирского края.

В борьбе с областниками и кадетами В.Ватинны, В.Соколовым, М.Ветошкиным, В.Волоханиным было высказано марксистское понимание социально-политической истории Сибири со середины XIX в. Разоблачая доктрину областников о бесклассовом демократизме Сибири, авторы проанализировали истоки и эволюцию областничества, основные моменты развития сибирской буржуазии и ее организации, четко определив в конечном итоге классовые позиции и цели буржуазии и пролетариата в Сибири.

Вместе с тем в разработке вопросов истории рабочего класса Сибири марксистская научно-историческая мысль в силу указанных выше обстоятельств не оставила специальных исследований о характере и особенностях процесса формирования промышленного пролетариата в Сибири. Поэтому для дореволюционной марксистской историографии Сибири вопрос о составе и уровне социальной зрелости местного рабочего класса оставался открытым. Значительный материал для ответа на него дало рабочее движение от февраля к октябрю 1917 г.

* * *

*

в период и после Ленских событий. В частности, в "Звезде" были опубликованы в 1912 г. статьи: "Ленская стачка" (редакционная) - 8 апреля; Якова Д. "Обычным путем" - 10 апреля; Р.Раскольниковца "Правая печать о Ленских событиях" - 12 апреля и др. "Правда" 24 апреля 1912 г. опубликовала редакционную статью "Итоги ленской трагедии"; 23 мая - статью А.Брьева "Тогда и теперь"; 2 и 3 августа - редакционную "К ленским событиям", 30 сентября и 4 октября - "Общие итоги ленской трагедии" и др.

Дореволюционная историография рабочего класса Сибири не входила в число главных направлений местной или российской исторической мысли. Прежде всего поэтому среди исследователей проблемы почти не было профессиональных историков и значительная часть посвященных ей работ по своему характеру принадлежала публицистике.

С другой стороны, в этом была историческая закономерность: с конца XIX в. рабочий вопрос в России приобрел прогрессирующую остроту. Революция 1905-1907 гг. превратила его в первоочередную общественную проблему и тем самым поставила в центре внимания публицистики. Социально-политические аспекты темы вышли на первый план, а теоретико-методологические, как и вопросы методики исследования, заняли подчиненное положение.

Тот же практицизм, наряду с отсутствием научно-исторических учреждений и кадров (и при действии ряда местных обстоятельств), обусловил и в Сибири принципы подхода к проблеме, характер и содержание посвященной ей литературы.

Дворянско-октябристская историография рабочего класса Сибири появилась в значительной мере как результат изучения правительством местного рынка наемного труда при выяснении возможностей золотопромышленности, строительства и эксплуатации железной дороги, заселения Дальнего Востока и переселения крестьян.

Интерес либерально-буржуазной сибирской литературы к рабочему вопросу давал местным областникам и кадетам материал для критики правительства и его администрации в Сибири, тогда как мелкобуржуазные демократы в исследовании положения рабочих и в публикации результатов видели одно из средств борьбы с царизмом и буржуазией. В фактах экономической истории они искали аргументы за "народное производство" в Сибири.

Для марксистов-большевиков изучение прошлого и настоящего рабочего класса в Сибири давало средства для идеологической борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной политикой за классовую самостоятельность пролетариата в общественном движении.

Вся дореволюционная историография рабочего класса Сибири, за исключением марксистской, после революции 1905-1907 гг. обнаруживала тенденцию корректировки своих прежних позиций. Отчасти это коснулось методологических основ исследований, но в гораздо большей степени - оценок исследуемых явлений и выводов по ним. В 1907-1916 гг. во взглядах историков и публицистов на проблему сибирского рабочего класса гораздо больше общего, чем ранее.

Для большинства представителей немарксистской историографии в методологии исследований было присуще руководство принципами субъективно-идеалистической (народники, эсеры, областники) или позитивистской социологии (кадеты, часть народников и представители дворянско-октябристской исторической мысли).

В методике исследований проблемы у большинства представителей дворянско-октябристской, либерально-буржуазной и мелкобуржуазной мысли заметны две тенденции: приращение самодеятельного значения факту и совокупности фактов; стремление характеризовать объект изучения приемами публицистики (обобщение путем логических умозаключений), использующей факт как свидетельское показание в пользу выдвинутого положения. То и другое содержало в себе (помимо принятых приемов исследования) реакцию на неразработанность источников, на узость и неавторитетность фактологических представлений содержания проблемы.

Общей точкой зрения немарксистской историографии на сибирскую историю конца XIX - нач. XX в. было утверждение о том, что характерные для европейской России экономические и социальные процессы в Сибирь еще не пришли (в силу особенностей ее исторического развития) или лишь зарождаются (в силу ее отсталости). Тем самым вопрос о пролетариате, как и о наличии в Сибири классовых противоречий капиталистического общества, снимался полностью. Местный наемный рабочий рассматривался частью авторов как пришелец из-за Урала, а часть - как временный выходец из сибирской деревни (куда он и возвращается ежегодно).

Местный рынок наемного труда сводился по существу лишь к золотопромышленности. Рабочий золотых промыслов и стал той фигурой, которая привлекала наибольшее внимание исследователей и с которой многие почти до 1917 г. отождествляли сибирский рабочий класс. Отказ рабочих во влиянии на общественную жизнь Сибири, в способности к самостоятельным политическим выступлениям (в том числе и в революции 1905-1907 гг.) был следующим звеном общей концепции дворянско-октябристской, либерально-буржуазной и отчасти мелкобуржуазной историографии. Общими в конечном итоге оказались взгляды дворянско-октябристских и либерально-буржуазных историков на социал-демократизм в Сибири как на политическое течение, привнесенное из России и не имеющее местной почвы.

Преувеличение особенностей исторического пути Сибири, как и преувеличение ее отставания в общероссийском социально-экономическом развитии, завершилось тезисом о социальной однородности местного населения, доктриной сибирской демократии, в которой рабочему

была отведена роль поддержки буржуазной политики.

Конечно, далеко не все представители либерально-буржуазной и мелкобуржуазной историографии в полном объеме или во всех принципиальных выводах разделяли эту пронизанную политическими интересами сибирской буржуазии систему взглядов. Часть кадетских и эсеро-меньшевистских историков и публицистов не только объясняла характер и направление социально-экономической жизни Сибири действием общероссийских процессов и находила подтверждение этому, но и признавала рабочий вопрос в Сибири не менее острым, чем в других местах России. Часть мелкобуржуазных историков признавала значительность вклада рабочих и организаций РСДРП Сибири в революционное движение 1905-1907 гг.

Однако это не делало их последовательными сторонниками классовой борьбы как единственного средства освобождения рабочих. Вывод о возможности изменения их положения путем правительственных реформ, а в некоторых работах - только таким путем, был общим для либеральной и мелкобуржуазной историографии.

Марксистская историография рабочего класса Сибири исходила из того, что капитализм с конца XIX в. определял содержание и направление основных процессов экономической и социальной истории края.

Под этим углом зрения рассматривали марксисты современные им взаимоотношения центра и окраины, социальные процессы в Сибири, действия рабочих в 1905-1907 гг. и идеологическую платформу Сибирской буржуазии накануне 1917 г. Борьба с кадетско-областнической историографией и политикой по вопросам социальной истории Сибири, ставшая в 1910-1916 гг. основным направлением марксистской историко-публицистической литературы, ускорила утверждение научной методологии в исследовании местной истории пролетариата, заложила основы марксистской историографии Сибири.

Дореволюционная историография рабочего класса Сибири оставила значительный по своему объему информативный материал, сведенный у части авторов в монографические исследования, а у других - представленный статьями в научных изданиях и периодической печати. Наиболее полно ее было изучено положение рабочих золотодобывающей промышленности во II половине XIX, а также в начале XX в. Для этого понадобилась большая источниковедческая работа, личные наблюдения, обобщения свидетельств современников. Немалый вклад в освещение условий труда и быта рабочих в Сибири в начале XX в. внесла либеральная и демократическая публицистика.

В меньшей мере в поле зрения историков и современников попадали рабочие других отраслей сибирского хозяйства, особенно — обрабатывающей промышленности, транспорта, сферы обслуживания. Совершенно не осталось следов в дореволюционной историографии о положении рабочих, занятых в сельском хозяйстве Сибири. Вместе с тем, метод констатации фактов, которым пользовалась немарксистская историография, не позволял исследователям вскрывать историко-экономическую сущность, динамику и абсолютные размеры эксплуатации рабочего в Сибири.

Иногда полутно с освещением тех или иных сторон положения рабочего в Сибири авторы касались вопросов его происхождения, культурного облика, способности к самозащите и т.д. Нередко оппозиционно настроенная сибирская печать помещала на своих страницах статьи и очерки о применении рабочего законодательства в Сибири, об организации горного надзора и исполнительной службы правительства в местах добычи золота. Такие экскурсии и специальные работы несколько расширяли проблематику исследований и представляли собой попытки выйти за рамки чисто описательного метода.

Не подвергая специальному исследованию организационно-техническое состояние сибирской промышленности или ее отдельных отраслей в масштабе всего края, официальная и буржуазная историография тем не менее интересовалась технической оснащенностью золотых приисков в местах наиболее интенсивной добычи золота, интересовалась оснащением некоторых горных заводов, солеварен, рыбных промыслов и т.д. Работа не была доведена до обобщенного анализа уровня развития капиталистической промышленности, до поисков закономерностей в ее развитии. Не было попыток составить общую картину состояния капиталистической экономики Сибири или состояния ее отдельных подразделений. Аналогично не получил освещение вопрос о материальной основе социальных процессов среди местного населения.

Но собранные исследователями факты об оснащении и организации производства в различных заведениях и в разных местах Сибири, как и высказанные по ним суждения, не только достойные историографии, а и необходимые элементы фактологической основы современных работ.

Публикации дореволюционных историков и литераторов содержат немало следов рабочего движения в Сибири на приисках, на строительстве железной дороги, на предприятиях обрабатывающей промышленности, на транспорте и т.д. По следам революционного движения 1905—1907 гг. некоторые авторы обратили внимание на профессиональную и партийную организацию местных рабочих, на их решительность

и упорство в Красноярске, Чите и некоторых станциях Забайкальской железной дороги в 1905 г.

Являясь не столько исследованием, сколько свидетельством участников или современников, этот вид исторической литературы избегал постановки проблемных вопросов и аналитических обобщений. (В немалой мере это следы цензурных преследований). Авторы таких работ, не лишённые, конечно, в каждом случае своего понимания фактов, своих симпатий и антипатий, предоставили писать историю рабочего движения в Сибири своим приемникам.

В конечном итоге немарксистская историография Сибири чисто эмпирически, в одних случаях, и под давлением проблем общественно-политической жизни — в других, пришла к постановке или констатации основных вопросов истории местного рабочего класса, начиная от его происхождения и кончая классовой борьбой. Отрицание объективных законов исторического процесса и субъективизм в методе познания действительности, присущие, за небольшим исключением, всем историкам и публицистам, обусловили подход к решению этих вопросов и сам характер творческой работы. Даже в лучших исследованиях Семевского, Коренева, Мерхалева и др. созданные авторами картины положения рабочих и их нравственного облика были статичны. Факты не служили анализу тенденций в условиях труда или социального развития рабочих, а при всей своей обширности лишь фиксировали сложившееся положение вещей. Не один историк писал о все увеличивавшемся притоке российских рабочих в Сибирь в 1895—1914 гг., как и о широком отходе сибирских крестьян (особенно Тобольской губернии) на заработки в промышленность, но констатация фактов не повлекла за собой ни анализа социально-экономических причин этих явлений, ни вопроса о их последствиях.

Поэтому отражение тех или иных сторон жизни рабочих в исследовательской литературе еще не означало их научной разработки, не означало обычно и проблемной постановки вопроса. Сам тип литературы, в которой находил чаще всего себе место рабочий вопрос (этнографические эскизы, очерки быта, статистико-экономические обзоры, заметки публицистов и т.д.), не требовал глубоких объяснений наблюдаемых фактов, выяснения их происхождения и исторического содержания. Актуальнее были идейно-политические оценки, поскольку сама проблема принадлежала не столько истории, сколько современности.

Естественно, что не только издержки методологии и дилетантство большинства авторов в технике исследования обусловили предпочтение факта анализу. Во-первых, как в конце XIX, так и в начале XX в.

в изучении истории местного рабочего класса продолжался период формирования и накопления источников. Факты в этих условиях приобретали самостоятельную историческую ценность, а их статистическая или описательная систематизация — черты научного исследования. Этим же нужно объяснить отсутствие в дореволюционной историографии работ обобщающего характера: ни один из вопросов проблемы не был решен на общесибирском материале, в широких хронологических рамках или на базе комплекса накопленных литературой и источниками возможностей.

Во-вторых, само место проблемы как в общественно-политической, так и в научной жизни Сибири исключало ее последовательно-академическую разработку. Идеологические позиции авторов привели одних к буржуазной апологетике и реакционности в выводах, других — через политическое доктринерство к защите исторически ложных концепций.

Таким образом, неразработанность фактического материала, методологическая несостоятельность и политическая тенденциозность явились главными причинами ненаучных представлений большей части немарксистской историографии промышленности и рабочих Сибири.

Марксистская историография, верно определив уде в конце XIX в. направление и характер капиталистической эволюции Сибири, показав действие в ней тех же процессов и классовых сил, что и в Европейской России, обратив внимание на ускорение ее промышленного развития после строительства железной дороги, противопоставила буржуазно-областнической свою концепцию новейшей истории Сибири, отличающуюся научной объективностью и доказательностью.

Однако в анализе степени развития капитализма в Сибири, в оценках состояния промышленности, сформированности рабочего класса, его численности и т.д. историки-марксисты, не располагая достаточно полной и объективной информацией и не завершив собственного конкретно-исторического исследования этих вопросов, не могли полностью преодолеть зависимости от своих предшественников. В частности, этим объясняется близость оценок состояния промышленности и рабочего класса Сибири в начале XX в., высказанных марксистами (Д.Зайцев, М.К.Веточкин, В.Н.Соколов), к оценкам буржуазно-областнической историографии.

Разумеется, этот факт не влиял на отрицательное отношение марксистов к исторической концепции буржуазных авторов и их политическим выводам. Борьба против лозунга бесклассовой сибирской демократии, представлявшего реальную угрозу не только для рабочих Сибири,

но и для всех революционно-демократических сил, в 1910-1917 гг. получила широкое отражение в сибирской печати. Она способствовала не только формированию революционно-демократической и социалистической мысли в Сибири, но и утверждению научно-исторических представлений о прошлом и настоящем окраины.

В конечном итоге дореволюционная историография рабочего класса Сибири, накопив значительный по объему и содержанию фактический материал и частично его научно обработав, внесла свой вклад в изучение социально-экономической и политической истории сибирского региона в эпоху капитализма. Как бы не были локально и хронологически ограниченными, несовершенными по методике составления и обработки, оставленные авторами фактологические исследования, обзоры и статистические описания, они служат практически незаменимым материалом для современных исследований. С другой стороны, они не менее важны для изучения научно-исторической мысли того времени, при выяснении основных черт и особенностей ее эволюции на одной из окраин России.

Тот факт, что дореволюционная историография рабочего класса Сибири в силу теоретико-методологических заблуждений большинства ее представителей, в силу классово-политических соображений и, наконец, по недостаточности конкретно-исторических знаний не смогла дать научно-аргументированные ответы на важнейшие вопросы современности, не дает оснований для ее односторонне-негативной оценки. Являясь частью исторической мысли эпохи капитализма, она отразила ее противоречивость, ее сильные и слабые стороны. Положение Сибири как окраины, отставание ее в социально-экономическом развитии страны получило отражение и в развитии научно-исторической мысли.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Источник является единственной эмпирической основой знаний о прошлом, и поэтому источниковедческая работа историка в любом случае составляет одну из важнейших предпосылок развития историографии.

Зависимость исследователя истории сибирских рабочих от источника, от методики его использования лишь подтверждает общую закономерность. Причем эта зависимость становится тем большей, чем выше требования, предъявляемые к качеству исследования, чем глубже и шире познание самой проблемы. Если современник процесса формирования класса наемных рабочих в Сибири мог сам создавать источниковую базу для изучения их происхождения или экономического положения, занявшись опросом по разработанной анкете; если историк 20-х гг. мог обойтись минимумом источников при том уровне историографии, то теперь, с появлением монографических исследований о рабочих Сибири в эпоху капитализма, с постановкой задачи написания научной истории рабочего класса Сибири, особенно видно отставание источниковедческой работы по теме.

Обращения к источниковедческому аспекту истории сибирских рабочих до сих пор лишь единичны ¹⁾. В немногих публикациях документов, как правило, отсутствует их источниковедческая и археографическая характеристика ²⁾. Обзоры источников, имеющиеся в диссертационных работах, обычно преследуют цель показать объем использованной документальной базы, ее типологическую структуру и лишь в очень редких случаях — раскрыть методику выявления, анализа и использования источников.

В историографии рабочего класса дореволюционной Сибири не

1) Д.М.Зольников. Об источниках изучения истории рабочего класса и рабочего движения в Сибири накануне социалистической революции. Научные труды Новосиб.ун-та. Историческая серия, вып. П. Новосибирск, 1968; А.Д.Козлов. Источники по революционному движению на Алтае в 1905-1907 гг. В сб. "Из истории Сибири и Алтая". Барнаул, 1968; Н.В.Блинов. Источники архивов Сибири по истории революционного движения накануне Первой русской революции. "Доклады и сообщения научной конференции, посвященной 50-летию ленинского декрета по архивному строительству". Томск, 1968.

2) См. "Сибирские корреспонденции в ленинскую "Искру", Иркутск, 1951; "Революционное движение в Забайкалье в 1905-1907 гг.", Чита, 1955; "Революционное движение 1905-1907 гг. в Томской губернии", Томск, 1955; "Большевики Западной Сибири в период I русской революции 1905-1907 гг.", Новосибирск, 1958; "Рабочее движение в Тобольской губернии (1905-1907 гг.)", Тюмень, 1961 и др.

ставились вопросы классификации источников, вопросы об информационных возможностях опубликованных источников, об основных фондообразователях и системе фондирования документов архивного хранения, о репрезентативности тех или иных групп архивных документов, вошедших в научный оборот.

В значительной мере следствием неразработанности источниковедческих аспектов проблемы является широко практикуемый иллюстративно-потребительский подход к источнику, при котором осуществляется медленное накопление фактов, но исключено вскрытие своеобразия и основных закономерностей формирования и развития рабочего класса Сибири в эпоху капитализма.

Серьезным препятствием для историков российского пролетариата как дореволюционной, так и советской историографии было и остается то, что в России никогда не было единой системы учреждений, регистрировавшей состояние рынка наемного труда. Введенная в конце 80-х гг. фабрично-заводская инспекция вплоть до 1917 г. не была ни в территориальном, ни в административном смысле общероссийским учреждением. Ведомственная статистика столь нерегулярно и по столь разным программам занималась рабочим вопросом, что обращение к ней историка пролетариата ставит его перед разнородными, не поддающимися систематизации данными. Аналогичны недостатки и земской статистики, исследовавшей крестьянскую промышленность и наемный труд в сельском хозяйстве России.

И тем не менее, основная масса количественных источников по социально-экономической истории российских рабочих эпохи капитализма, без которых не может обойтись историография пролетариата России, была сформирована ведомственными учреждениями ¹⁾.

1) Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в... 1886-1911 году. СПб., 1888-1918. Изд. Горного Ученого комитета; Статистический сборник МПС. Вып. I-IV, 1877-1918; Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. По донесениям старших фабричных инспекторов. Изд. Отдела промышленности МВ. СПб., 1896; Данные о продолжительности рабочего времени за 1904-1905 гг. СПб., 1906 (Изд. МПит по свед. фабричных инспекторов); Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895-1904 гг. По данным фабр. инспекции. Сост. В.Е. Варзаром. СПб., 1905; Издание продолжено: Статистич. сведения о стачках... за 1905 г. (СПб., 1908) и Статистич. сведения о стачках... за 1906-1908 гг. (СПб., 1910); В.Е. Варзар (составитель). Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции за трехлетие 1904-1906 гг. СПб., 1908 (Изд. МП); Сборник статистических сведений о состоянии среднего

Еще более сложные источниковедческие проблемы встает перед исследователем истории сибирских рабочих. В Сибири до 1913 г. не было фабрично-заводской инспекции. Горная инспекция, осуществлявшая надзор за горнодобывающей и горнозаводской промышленностью, была введена лишь в 1894 году. Отсутствовала земская статистика, не оставили следов в изучении рабочего вопроса губернские статистические бюро. Сыграло свою роль и широко распространённое в дореволюционной сибирской историографии мнение об отсутствии промышленности и рабочего класса в Сибири: научной общественностью не было проведено ни одного сколько-нибудь широкого обследования условий труда и быта рабочих. По той же причине меньше других интересовал рабочий вопрос и местную публицистику.

Определённые следы оставила заинтересованность правительства в сибирской золотопромышленности и транспорте, но и здесь статистике Горного департамента и Министерства путей сообщения требовались количественные показатели рабочей силы. Наемный труд в других отраслях местного хозяйства, как и состояние самих отраслей, получил лишь некоторое отражение в анкетных обследованиях начала XX в. Если к этому добавить, что в Сибири владельцы заведений, использовавших труд наемных рабочих, не обязаны были представлять сведения о них официальным органам вплоть до 1913 г., то нет оснований искать в их делопроизводственных документах сколько-нибудь полных хронологически или разносторонних по содержанию материалов о рабочих.

Гораздо большей была заинтересованность правительственных органов в разработке и хранении документов, отразивших социально-политическую историю рабочих сибирского региона, их партийных организаций. Не выходя в большинстве случаев за стены секретных архивохранилищ и оставаясь запретными для легальной печати, эти документы за немногим исключением не использовались дореволюционной историографией.

Обращение к ним советских историков довольно быстро привело к предпочтительности в разработке проблем социально-политической истории местного пролетариата перед проблемами его социально-экономической истории. Последнее объяснялось не только потребностью в написании героической биографии пролетариата окраины (это был и остается основной мотив), но и, несомненно, состоянием источниковой базы. В итоге, живописуя революционную борьбу сибирского рабочего профессионального образования в России, ч. I. СПб., 1910 (Изд. III); Данные о продолжительности и распределении рабочего дня в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции за 1913 г. Пг., 1914 (изд. III); Число промышленных предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции и число рабочих в них на 1 янв. 1917 г. Пг., 1917.

бочего, авторы оказывались в затруднении показать его социальный облик, его черты и условия, в которых он формировался.

Но вместе с тем относительная полнота и доступность источников по социально-политической истории рабочих (как правительственного, так и партийно-пролетарского происхождения) была в определенном смысле кажущейся, и это обстоятельство далеко не всеми исследователями было во-время замечено. Дело в том, что эти источники хранились во многих местных и центральных архивах, в фондах многих учреждений, не составляя ни в одном из них сколько-нибудь полных комплексов, способных дать все необходимое для характеристики отдельных событий и связей между ними. Требовалась большая работа по выявлению, комплексированию и общему анализу документов. Понимание ее привело в свое время Истпартия к собиранию и систематизации документов по истории революционного движения в Сибири. Однако позже эта работа была свернута.

Последствием было как медленное накопление конкретно-исторических знаний, так и появление работ, в которых обобщения и выводы были гораздо шире, чем это позволяли делать используемые в них источники.

В итоге весь комплекс источников, способных служить историку сибирского рабочего класса эпохи капитализма, вымывает гораздо беднее по полноте представительства, по структуре и разносторонности, чем аналогичный комплекс по губерниям Европейской России. В связи с этим значительно против обычного возрастает роль косвенных источников.

* * *

*

В источниковедении отечественной истории наиболее распространенными принципами классификации источников является их распределение по происхождению, по содержанию, по происхождению и формуляру (типо-видовая группировка) и другие. Попытка классификации источников по такой частной, с точки зрения общего источниковедения, теме, как история рабочих Сибири в эпоху капитализма, приводит к мысли о возможности их подразделения только по проис-

хождению, с дополнением в отдельных случаях этого признака другими.

Заметим при этом, что типологическая классификация была бы более приемлемой, поскольку она позволяет провести более четкие грани между группами выделенных источников, опираясь не на один, а на комплекс признаков. Однако в нашем случае принятие такой классификации привело бы к выдвигению на первый план в качестве основы группировки формальные признаки; привело бы к объединению источников совершенно разных по общественным функциям. Например, при последовательном подразделении источников по происхождению и формуляру в группу нормативных пришлось бы включать наряду с законами царского правительства о рабочих, с обязательными постановлениями Присутствий по горнозаводским делам и другими юридическими документами также уставы, резолюции и другие документы, имевшие директивно-обязательную силу для партийных и рабочих организаций.

По предложенной классификации источники по истории рабочего класса Сибири конца XIX — начала XX вв., опубликованные в дореволюционный период, можно разделить на следующие основные группы:

- законодательные акты о рабочих, правовые и административные регламенты;
- материалы государственного и частнокапиталистического делопроизводства;
- статистические и справочно-статистические издания;
- документы рабочих и партийных организаций Сибири;
- периодическая печать (специальные и общественно-политические издания).

Такая классификация не охватывает, конечно, полностью всех опубликованных до революции документов, отражавших в том или ином виде историю рабочих Сибири. За ее пределами остаются немногочисленные публикации буржуазных и мелкобуржуазных партийных организаций Сибири¹⁾, единичные воспоминания, содержащие небольшую информацию о рабочих и т.д. Но благодаря широте содержания выде-

1) Устав Сибирского областного союза "Право", 1905, № 39; Партия с-р Сибирский союз. Извещение о съезде Совета Сибирского союза РСР. Б.м., 1906; Партия с-р Сибирский союз. Съезд 1906 г., июль. Извещение о съезде представителей сибирских организаций. Б.м., 1906; Партия с-р Сибирский союз. Областной съезд, 1907 г., апрель. Извещение о III областном съезде с-р. Б.м., 1907; Отчет Красноярского комитета РСР за 1906 г. "Партийные известия", 15 февраля 1907 (газета ЦК РСР) и др.

ленных групп источников, она позволяет привлечь и те, которые улавливались бы лишь при самой детальной классификации. Правда, такая широта имеет и обратную сторону: документы каждой группы далеко не однородны по формуляру и социальному назначению.

К первой группе отнесены правительственные законодательные акты, имевшие силу законов, а также документы, изданные различными государственными учреждениями на местах, которые приравнивались по юридическому статусу к законам или имели обязательную силу для тех лиц, чьи действия они регламентировали. Действие основной массы специальных правительственных актов никогда не распространялось на всех российских рабочих. Лишь незначительная часть их, преимущественно административного характера, специально регламентировала условия наемного труда в Сибири.

Спецификой являлось и то, что часть российских законов о труде или полностью или частично на Сибирь не распространялась вплоть до 1913 г. Так, законы 1882, 1886, 1887, 1891 гг. не распространялись на сибирских рабочих; законы 1897, 1903, 1904 гг. не касались рабочих обрабатывающей промышленности, торговых служащих, строителей и т.д., поскольку в этих отраслях не было никакого надзора за их исполнением. Последнее не означает действительности надзора за исполнением закона для тех рабочих, на которых он распространялся, однако с конца XIX в. основным условием расширения сферы действия того или другого закона было наличие органов контроля в отрасли труда или районе.

Как законы о труде, так и многочисленные "Правила", "Положения", "Постановления", "Уставы", "Наказы" и т.д.¹⁾ нельзя принять в буквальном смысле за источники по правовому положению рабочих. Это формально-юридические регламентации, применение которых получило отражение в других документах или не получило вовсе.

1) Для сибирских рабочих вплоть до 90-х гг. основными правовыми актами были общие статьи Устава горного, Устава о промышленности (с соответствующими "продолжениями") и общие статьи Свода законов гражданских (См.: "Фабричные законы. Сборник законов, распоряжений и разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства". Сост. М. Балабанов. Изд. 2. СПб., 1909). Позже, как и в России в целом, правительство регламентировало отношения местных предпринимателей и рабочих не столько правовыми актами, сколько административными распоряжениями. См.: Правила о продолжительности и распределении рабочего времени на горных заводах и промыслах. МЗиГ, 1897; Положение о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ, казенных горных заводов и рудников. Изд. МЗиГ, 1893; Положение о горнозаводских потребительских лавках. Изд. МЗиГ, 1896; Наказ чинам горного надзора по наблюдению за исполнением законов о рабочих на частных горных заводах и промыслах, на которые распространялось действие закона 7 июля 1899 года.

Безошибочно их можно рассматривать лишь как источники по социальной политике правительства в Сибири. Лишь "Обязательные постановления" Присутствий по горнозаводским делам, губернаторов, городских дум и других учреждений о продолжительности рабочего времени, о жилищных условиях, медицинском обеспечении рабочих и т.д. дают некоторое конкретное представление о действительных и предлагаемых царской администрацией нормах труда и быта рабочих ¹⁾. Аналогичную информацию дают договоры о найме, таблицы нарушений, таксы цен на продовольственные товары ²⁾ и другие документы подобного характера. Сопоставление их содержания с отчетами фабричных и горных инспекторов, с ежегодными обзорами деятельности сибирских железных дорог, с прошениями и жалобами рабочих, отчетами пенсионных касс и другими источниками позволяет раскрыть степень расхождения между официальными регламентациями труда и быта рабочих и действительными условиями их жизни.

Официальный характер источников этой группы по существу снимает вопрос о их подлинности и происхождении, так же как и вопрос о достоверности их содержания. Иначе выглядит вопрос об отражении ими исторической действительности.

Харьков, 1901; Правила по предупреждению несчастных случаев при работах на горных заводах. Изд. УЭИГ, 1904; Сборник правил о мерах для охранения жизни и здоровья рабочих, изданных Главным по фабричным и горнозаводским делам Присутствием. СПб., 1914; Сборник постановлений Главного по фабричным и горнозаводским делам Присутствия с 1899 по 1914 г. Пг., 1915; Правила о порядке испрошения, назначения и выдачи пенсий и пособий из пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах. СПб., 1898; Положение о пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах. СПб., 1903; Положение о пенсионных кассах казенных и частных железных дорог. М., 1913; Ведомости штатного содержания, квартирного довольствия и лично присвоенного содержания служащих казенных железных дорог на 1905 г. СПб., 1905.

1) Сборник приказов и циркуляров по службе пути Сибирской железной дороги. Томск, 1905; Обязательное постановление Присутствия по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управлении... Иркутск, 1902; Обязательное постановление Горнозаводского Присутствия при Томском Горном Управлении 1895-1900 гг. Томск, 1904; Обязательное постановление, изданное Акимовским губернатором на основании... Положения Совета Министров "Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах" г. Кокчетав. Б.м., 1906; Обязательное постановление Тюменской городской думы о продолжительности рабочего времени торговых служащих. Тюмень, 1907 и др.

2) См. Договор о найме на работу по производству земляных работ на Средне-Сибирской железной дороге. Томск, 1896 (Сборник статей о Сибири, т.176); Договор (типовой) подрячика торгового дома "Рабинович, Димов и К" с рабочими, нанимавшимися на работу по постройке Средне-Сибирской железной дороги. Томск, 1896 (Сборник статей о Сибири, т.192); Табель нарушений и денежных на них взысканий, которые на основании 51-55 ст., утвержденных

Юридико-правовые и административные регламентации условий наемного труда в Сибири были вызваны прежде всего общероссийскими социальными проблемами. В тех местах, где эти проблемы не достигли опасной для государства остроты, оно не торопилось с нормированием отношений предпринимателя и рабочего. Так было в Сибири, особенно в сибирской обрабатывавшей промышленности. Но правительство было заинтересовано в местной золотопромышленности и смотрело несомненно дальше самих владельцев приисков, вмешиваясь в их отношения с рабочими. А кроме того, на жителей Сибири царская бюрократия всегда смотрела с опаской, поскольку они "не могут считаться крепкими в государственном смысле" ¹⁾. Соображения стабилизации социально-политической жизни Сибири были в основе распространения законов и правил о труде на местных рабочих, но не интересы самих рабочих.

Названные акты и регламенты выражают классовую позицию правительства, изменения в ней по мере промышленного развития Сибири, а главное — по мере эволюции самого самодержавия по пути превращения в буржуазную монархию. Конечно, эти документы не отражают действительно сложившихся правовых норм в области наемного труда. Но они раскрывают содержание и направление политики царизма в рабочем вопросе на одной из окраин России, раскрывают в значительной мере организацию проведения этой политики и, следовательно, официальные представления о сибирском рабочем.

По представительству наиболее полный комплекс документов о наемном труде в казенной и частной горнозаводской и горнодобывавшей промышленности Сибири. За ним располагаются документы о рабочих и служащих сибирских казенных дорог. И в несравнимо меньшей мере касались официально-административные регламентации труда в местной обрабатывавшей промышленности, в сельском хозяйстве, строительстве и т. д.

20 февраля 1895 года Правил о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы, могут быть налагаемы заведующими золотыми промыслами на рабочих на золотых промыслах, подведомственных Томскому Горному Управлению (Сборник статей о Сибири, т. 244); О пищевом довольствии рабочих, получающих по условиям найма пищу от нанимателей (Обязательное постановление горнозаводского Присутствия при Томском Горном Управлении. Томск, 1904).

1) Мемория Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной Думе правил. Типогр. Сената, 17 сент. 1905, стр. 4.

Делопроизводственные материалы государственных учреждений и частнокапиталистических организаций, в которых в той или иной мере получила отражение история сибирских рабочих, опубликованы в незначительной части сравнительно с их общей массой.

К этой группе документов отнесены подготовительные материалы для пересмотра действующих законоположений и правил о рабочих, служебные записки, представляющие собой специальные обзоры правовых актов ¹⁾. Сюда же включены отчеты и обзоры различных государственных учреждений, служб надзора, промышленно-управленческой администрации и т.д. ²⁾ Эти документы имеют общее происхождение, содержание и социальную окраску: все они подготовлены коллективами или отдельными представителями официальной бюрократии, все они с верноподданных позиций рассматривают отдельные стороны положения сибирских рабочих или условия их труда и быта в течение ряда лет. Чаще всего положение рабочих в названных документах излагается не специально, а в связи с деятельностью и интересами учреждений, отраслей хозяйства, намерений правительства.

Органически однородны с перечисленными материалами различных правительственных постоянно действовавших комиссий ³⁾, а также

1) Материалы для пересмотра постановлений о золотой и платиновой промышленности. СПб., 1899; Историческая справка о порядке управления сибирскими губерниями и областями. Изд. МВД, 1903; Общий обзор действующих в России узаконений о пенсионных и сберегательно-вспомогательных кассах для железнодорожных служащих. Служебная записка. Изд. МПС, 1911; Первоначальный проект правил о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы и замечания к нему Главного начальника Уральских горных заводов, Томского и Иркутского Горных управлений и Совета съездов представителей промышленности и торговли. Изд. МТГП, 1913.

2) Горнозаводская промышленность в Сибири. А. Томская горная область. Обзоры за 1900-1912 гг. Томск, 1903-1914; Горнозаводская промышленность Сибири. Б. Восточно-Сибирская горная область. Обзоры за 1906-1909 гг. Иркутск-Томск, 1909-1911; Забайкальская железная дорога. 1900-1910. (Обзор деятельности). Иркутск, 1910; Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги с 1900 по 1910 гг. Сост. М.Н. Орлов и П.В. Карпинский. Томск, 1912; Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим на горных и золотых промыслах за 1911 г. Томск, 1912; Свод отчетов профессиональных обществ за 1906-1907 г. Изд. МВД, СПб., 1911; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. (Сост. прокурором Иркут. суд. палаты). Типогр. Сената, 1908; Всеподданейший отчет сенатора С. Манухина. Расследование причин, вызвавших революционные события на Ленских приисках в 1912 г. Типогр. Сената, 1912.

3) Труды комиссии для исследования на месте дела сооружения Сибирской железной дороги. 1885-1896. СПб., 1885-1896; Материалы Комитета Сибирской железной дороги, тт. 1-28. 1885-1917; Журналы комиссии Высочайше утвержденной для собрания и разработки сведе-

труды съездов золотопромышленников Сибири или их отчеты ¹⁾. Последние отличаются, конечно, от документов бюрократии узкоклассовым потребительством в оценке содержания и направления решений рабочего вопроса на золотых промыслах, но это потребительство вполне укладывалось в рамках правительственной экономической и социальной политики правительства.

Необходимо заметить, что, если по объему фактического содержания опубликованная часть делопроизводственных материалов правительственного и частного происхождения неотждествима со всей массой документов этого типа, то по выражению государственной точки зрения на сибирских рабочих от конца XIX в. до 1917 г., по выражению взглядов и действий сибирской буржуазии относительно рабочих, по характеристике труда, быта, классовой борьбы местных рабочих и, наконец, по принятой тогда тенденции освещения фактов опубликованная часть документов вполне способна представлять всю их массу. Репрезентативность опубликованных документов этой группы несомненна. А это дает возможность использовать их наряду с другими в качестве основных источников по истории наемного труда в Сибири.

Иначе выглядит вопрос о полноте и достоверности содержащихся в них фактов. Официальное делопроизводство отражало лишь те проблемы и стороны жизни рабочего, которые по разным причинам оказывались в разное время в центре внимания органов власти и предпринимателей. По существу этому же была подчинена отчетная документация горных и фабричных инспекторов.

Официальное делопроизводство содержит подробные обзоры экономического состояния тех или иных районов Сибири и отраслей хозяйства; содержит некоторые сведения о состоянии местного рынка наемного труда, как и сведения о продолжительности рабочего дня в разные годы и в разных отраслях хозяйства; о номинальной оплате труда и т.д. Круг этих сведений довольно широк, хотя ни хронологи-

ний о сибирской золотопромышленности. 1896-1916. СПб., вып. I-24; Журналы Совета Управления Сибирской железной дороги. Типогр. Управления, 1898-1908; Журналы Совета Управления Забайкальской железной дороги. 1904-1913.

1) Прибрежно-Витимская кампания. Отчеты... 1899-1903. Б.м., 1904; Четвертый съезд золотопромышленников Томского горного округа. "Вестник золотопромышленности", 1901, № 24; Доклад о рабочих на золотых промыслах... Совета съезда золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов. Труды I-го Всероссийского съезда золото- и платинопромышленников. СПб., 1907-1908; Протоколы и постановления X очередного съезда золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов. Иркутск, 1908; Протоколы заседаний XIII очередного съезда золотопромышленников единой системы Енисейского горного округа. Красноярск, 1910; Труды I-го общегубернского съезда золотопромышленников Енисейской губернии. Красноярск, 1916.

чески, ни территориально, ни профессионально они не являются полными. Но в документах данной группы нет информации о реальной заработной плате, о бюджете рабочей семьи, о грамотности, профессиональной подготовке рабочих и т.д.

Отбор фактов и их социальная трактовка в официальном делопроизводстве, как это явствует из анализа материалов, зависели обычно от двух обстоятельств: от назначения документа и от степени осведомленности его составителей. Царские бюрократы, если требовалось, могли быть и серьезными исследователями и умными наблюдателями. Пример тому замечания Томского и Иркутского горных Управлений на проект Правил о найме, "Обзор революционного движения"... , написанный прокурором Ераковым для служебного пользования, историческая часть Всеподданнейшего доклада Манухина, и этот перечень можно продолжить. Но еще чаще соображения социальной политики, ведомственной корысти или личной заинтересованности составителя вели к тенденциозному отбору фактов для документа, к уходу от их анализа или к односторонним построениям.

К примеру, большой по объему материал о труде и быте рабочих на золотых приисках дает "Обзоры" по Томской и Восточно-Сибирской горным областям за 1901-1912 гг., как и ежегодные отчеты Управлений этих областей.

Однако составители документов никогда не располагали полными и точными данными о численности рабочих, условиях труда, травматизма, больницах и т.д. Поэтому в отчет шли цифры очень приближенные, сбалансированные по предыдущим годам или средне-условные. В итоге ни по отдельным годам, ни в динамике "Обзоры" горных инженеров не дают действительной картины по наемному труду.

Материалы съездов золотопромышленников-великолепный источник по социальным взглядам и классовой политике сибирской буржуазии. Но содержащиеся в них сведения о рабочих в большинстве случаев не пригодны для использования в силу их тенденциозной подобранности. Достаточно сказать, что выступая против "Правил о найме" в 1907 г., Совет съезда золотопромышленников Витимского и Олекминского округов ссылался на полнейшее отсутствие у русского рабочего "всякого понятия, всякого сознания о законности и о необходимости исполнения обязательств, принимаемых на себя по договору найма" I).

Здесь же необходимо отметить зависимость документов официального делопроизводства от первичных источников информации. Если

I) Доклад о рабочих золотых приисков... стр. 10.

фактическое содержание исторических справок по вопросам права, обзоров юридико-правовых документов довольно точно передавало смысл первоисточников, т.е. самих законов и постановлений местных органов управления, то сложнее дело обстояло с документами, отражающими фактическое состояние на сибирском рынке наемного труда.

Материалы комиссий, обзоры состояния горной промышленности и железных дорог Сибири, обзоры рабочего движения, протоколы съездов промышленников и т.д. составлялись лицами и учреждениями разными по степени знания дела и по характеру заинтересованности в нем. Командированные в Сибирь члены комиссий по строительству дороги, изучению золотопромышленности, переселенческого дела и других отчасти сами исследовали свои объекты, а отчасти пользовались материалами местных административных органов, в особенности - губернской статистики, зависимой в значительной мере от полицейских чинов и владельцев заведений. Окружные горные инженеры составляли свои ежегодные отчеты по материалам собственных обследований, но больше - по донесениям горных исправников, зависимость которых от владельцев приисков и рудников была широко известна ¹⁾.

На информации канцарско-полицейских и судебных учреждений строились обзоры о рабочем движении. Тот же источник совместно с данными административно-технической службы - в основе обзоров деятельности железных дорог и в решении вопросов о труде в журналах Управлений дорог. Довольно свободное манипулирование сведениями промысловых контор представляли собой те части протоколов и резолюций съездов золотопромышленников, где речь шла о рабочих.

Таким образом, первичные материалы, ложившиеся в основу документов делопроизводства, были разными не только по происхождению, но и по качеству, по тенденциозности, по служебной направленности. И если их тенденциозность раскрывается посредством проверки другими источниками, то значительно сложнее определить достоверность их фактического содержания, поскольку параллельная информация чаще всего отсутствует.

Несомненно, что источники этой группы в каждом конкретном

1) Тот же сенатор Манухин писал в своем докладе: "Полицейские чины фактически находились в полном подчинении служащих приискового управления, от которых получали служебные приказания и награды" (стр.24).

случае прежде всего отразили наиболее полно позицию местной администрации в рабочем вопросе, позицию предпринимателей и их управленческого аппарата, отразили линию взаимоотношений рабочих и буржуазно-правительственного лагеря глазами последнего. В этом смысле они незаменимые свидетели прошлого.

Но документы делопроизводства содержат значительное количество фактов о техническом состоянии и организационной структуре сибирской промышленности (материалы комиссий, обзоры горных Управлений, Управлений железных дорог), о численности рабочих и номинальной заработной плате за значительный промежуток времени в горной промышленности и на железных дорогах Сибири (обзоры горных инженеров и журналы Управлений дорог), раскрывают состояние рынка наемного труда в отдельные годы и в разных местах Сибири, как и источники и условия пополнения рабочей силы (материалы комиссий, отчет Манухина, протоколы съездов золотопромышленников и др.) В отчетных документах и обзорах содержится и значительный круг официальных данных о жилищных условиях рабочих, условиях страхования, медицинского обслуживания и т.д.

Единственный среди изданных официальных документов — обзор Бракова о революционном движении, — наряду со сведениями о стачках на приисках и железных дорогах (обзоры горных Управлений и журналы Управлений дорог), о профсоюзах, рабочих кассах, дает значительный материал о фактах классовой активности сибирских рабочих в начале XX века.

Конечно, кроме указанных причин (служебная и социальная тенденциозность, качество первичной информации) на характер и содержание, полноту и достоверность указанных сведений влияли и другие обстоятельства. При выработке методики анализа документов этой группы как источников учет их оказывается так же необходим, как и знание общих условий местного делопроизводства.

Вопрос о характере отражения исторических фактов и исторических ситуаций в таких источниках, как официальные документы, да и статистико-экономическое обследование, всегда находится в поле зрения исследователя и всегда решается конкретно, в зависимости от источника, с которым он имеет дело. Однако эта истина не исключает необходимости общих методологических принципов подхода к названным группам источников, как и выработки общей методики их анализа.

Вряд ли приедем в качестве бесспорного отправной тезис: все документы официального происхождения, в том числе и официальные

статистические исследования, искаженно отражали действительность, поскольку их авторы и составители пользовались нематериалистической теорией исторического процесса и несовершенной методикой разработки цифровых данных. Совершенно очевидно, что профессиональная эрудиция и профессиональная добросовестность, как и целевое назначение документа, влияли на качество и результаты разработок.

Царской бюрократии и ее местной администрации не столь редко нужны были точные расчеты о возможностях сибирской золотопромышленности, о максимальной пропускной способности сибирских железных дорог (особенно в военный период), о количестве и составе рабочей силы для освоения Дальнего Востока и т.д. Во всех случаях в эти расчеты составной частью входила информация о количестве и составе рабочих, об источниках их пополнения в Сибири. Добываясь точности в этих данных, правительство требовало от исполнителей максимально достоверной первичной информации. С этой целью в Сибирь командировались на длительные сроки статистики, горные и военные инженеры, чины Министерства путей сообщения, Министерства земледелия и государственных имуществ и т.д. Часть собранных и разработанных таким путем сведений о местной промышленности, транспорте и рабочих отличается значительной достоверностью фактического материала.

Конечно, на основе этих материалов нередко предпринимались попытки социальных обзоров, экономических и политических прогнозов, в которых здравый смысл приводил чисто эмпирически одних составителей к улавливанию наметившихся тенденций, а других - к весьма субъективным аналитическим конструкциям. Но это уже вопросы трактовки первичной информации, тогда как сама по себе она источник высокого качества.

Имея в виду буржуазных ученых, В.И. Ленин в работе "Материализм и эмпириокритицизм", подчеркивая их необъективность в философских, теоретических вопросах, счел возможным отметить их способность "давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики" ¹⁾, т.е. способность в разработке конкретных фактов оставаться на позициях науки. Причем здесь Ленин не разграничивал естественных и общественных наук, несмотря на то, что в последних всегда отчетливее сказывается классовая позиция ученого и слабее действие стихийно-материалистических импульсов. Это прямое указание Ленина на "специальные области" истории, а, следовательно, и на источниковедение, занятое добытием фактов

1) В.И. Ленин. Полное собр. соч., т. 18, стр. 363-364.

для истории, имеет особое методологическое значение. Применительно к нашей проблеме оно ориентирует на внимательное изучение дореволюционных материалов, которые способны давать ценные исторические знания. Без усвоения и переработки этих знаний невозможна ни разработка фактической истории рабочего класса, ни борьба с буржуазной историографией.

* * *

*

Переходя к характеристике статистических материалов, давших в той или иной мере фактические знания о сибирских рабочих, заметим аналогичность подхода Ленина и к этому историческому источнику. Говоря о российской фабрично-заводской статистике, где наиболее полно отложились сведения о рабочих, он называл ее состояние "поистине плачевным", т.к. с точки зрения методики, полноты и достоверности фактов оно ниже всякой критики. Однако за неимением других Ленин считал данные фабрично-заводской статистики заслуживающими внимание и разработки, особенно — первичные материалы ¹⁾.

При определении круга статистических источников по истории сибирских рабочих приходится обращаться не только к фабрично-заводской статистике, которой в Сибири почти не было, но и к общим статистико-экономическим обзорам, переписям, промышленно-справочным изданиям и т.д. Руководствуясь этим соображением все статистические издания можно разбить на следующие подразделения:

- 1) общероссийские переписи и обследования отдельных отраслей хозяйства;
- 2) ведомственные статистические издания (систематические и эпизодические);
- 3) местные статистические издания.

Такая группировка, конечно, несомненно совершенная, поскольку и общероссийские обследования предпринимались ведомствами, и местные издания иногда были не чем иным, как выборками из общероссийских. Тем не менее, она представляется наиболее пригодной, выдвигая в каждом случае на первый план характер и объем источниковой информации. Если учесть, что методика сбора, обработки и изложения материалов, за редким исключением, была принципиально одинаковой, а объем фактов о сибирской промышленности и рабочих в

1) В.И. Ленин. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 1, 32-33.

большинстве изданий был невелик, то выделение столь широких групп будет оправдано.

Внутренняя структура групп усложняется главным образом за счет различия в типах изданий: здесь чисто служебные технические статистические обследования; научные разработки статистических данных; справочные публикации из различных статистических работ и т.д. Причем, большинство ведомственных изданий обладало признаками статистико-экономического обследования, и справочно-статистического издания. Поэтому справочные издания включены в соответствующие группы наравне со специально-статистическими.

Наиболее обобщенные сведения о сибирской промышленности и населении, занятом в производительном труде, были собраны при анкетном обследовании 1903, 1908, 1912 гг. и при демографических переписях 1897 и 1917 гг. ¹⁾

В 1903 г. по циркуляру МВД административные органы Сибири совместно с владельцами промышленных заведений, у которых число рабочих 5 и выше, собрали сведения о количестве заведений и числе рабочих в них (по обрабатывающей промышленности). Сведения поступали почти 3 года и тем не менее остались неполными. Кроме того, по ряду заведений число рабочих не было указано. Не вошли в списки казенные заведения и обложенные акцизом (за редким исключением, что лишь путает картину). Вошли в списки сибирские горно-заводские предприятия, но опять-таки лишь частично. Количества занятых на них рабочих нет в издании.

По переписи 1908 г. попали в списки заведения с числом рабочих свыше 15 человек, но, однако, этот принцип не был выдержан. По Сибири в разряд фабрик попали ремесленные заведения, мануфактурн. Число рабочих определялось как среднесуточное в году, а не абсолютное в момент заполнения анкеты. То же по сезонным рабочим. Сбор сведений тянулся 3 года. Поэтому они в строгом смысле кар-

1) Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Под ред. А.В.Погожева. СПб., 1905. (2-е изд. СПб., 1907/8 г.); Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. Под ред. В.Е.Варзара. СПб., 1912; Материалы обследования обрабатывающей промышленности Сибири в 1912 г. опубликованы в справочнике "Вся Сибирь... на 1924 год. Л., 1924; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. т.IV. СПб., 1905; Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 янв. 1897 года. Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб., 1905; Численность и состав рабочих в России на основании

тину на 1908 г. не показывал. Собирали их через ведомственную статистику, губернские правления, через горный надзор и через владельцев предприятий. Это несомненно сказалось на характере данных. Затем, как и в предыдущем случае, до конца они так и не были собраны. Материалы переписи 1908 г. не дают полного представления о численности и производственно-отраслевом составе сибирских рабочих.

По переписи 1897 г. среди многих изъянов переписной карточки и методов ее обработки, при выяснении количества рабочих было допущено и следующее: земледелец-работник был учтен как земледелец в работниках, хотя в первом случае это крестьянин-собственник, а во втором - батрак ¹⁾. В немалой степени такая подмена была обусловлена формулировкой вопроса, посредством которого выяснялось наличие в хозяйстве лиц, не являющихся членами семьи, т.е. батраков, прислуги и т.д. ("Как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи?"). И затем, в переписном бланке требовалось указать лишь занятие (земледелец, чиновник, портной, скорняк), а о необходимости указать должность или положение в занятии (в промысле) оговаривалось лишь в правилах для заполнения бланка. В итоге большинство собранных ответов на этот вопрос оказались односложными, без указания положения в промысле (собственник или рабочий?).

Также снижал точность собранных данных пункт о главных и побочных занятиях, т.к. в одних случаях опрашиваемый главным считал то занятие, которым он был занят в момент переписи, а в других - которым он был занят большую часть года. При обработке материалов, по словам А. Котельникова, редакторы еще более усугубляли эту картину, полагая, что если главным, например, названо занятие "плотник", а побочным - "земледелец-крестьянин", то нужно их менять местами и показывать заполнявшего бланк крестьянином ²⁾.

Другой исследователь материалов переписи 1897 г., также подчеркивая неудовлетворительность данных о главных и побочных занятиях, причину видел прежде всего в том, что население "к счет-

данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. т. I. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1906. Кроме того см. по губерnsкие издания.

1) А. Котельников. История производства и разработки Всеобщей переписи населения 28 янв. 1897 г. СПб., 1909, стр. 79. Этот факт помогает понять, почему в Сибири по переписи оказались сотни тысяч сельскохозяйственных рабочих.

2) Там же, стр. 109. Автор был служащим ЦСК, работавшим над материалами переписи.

чикам относилось, как к чинам полиции или как к агентам фиска... и старалось в своих ответах на этот вопрос давать туманные и неопределенные ответы" ¹⁾. Далее Б.П.Ладошцев верно заметил, что замаскированный из немецких переписных бланков пункт о главных и побочных занятиях населения не вызывал недоразумений там, где это население уже четко определилось в хозяйственном отношении. Иначе было в России 1897 г., в которой огромная масса крестьянского населения находилась в движении: полгода — крестьянин, а полгода — рабочий. Причем рабочий не специализированный, не ищущий "своей" работы, а готовый выполнять любую и там, где он ее нашел.

Эти замечания крайне важно иметь в виду при анализе подсчетов количества рабочих Сибири, произведенных по итогам переписи. А соблазн использовать их в качестве отправных исключительно велик, поскольку для Сибири нет другого источника за весь период капитализма, который бы давал сведения столь однородные, одновременно собранные и в масштабе всего региона. Они и используются в качестве таковых довольно широко в современной исторической литературе, тогда как по указанным причинам подсчеты рабочих имеют чрезвычайную относительную достоверность.

Изъяны качества переписных карточек по Сибири и методика их обработки не были предметом профессионального исследования. Но они вполне обнаруживаются при сопоставлении сводных данных, разработанных комиссией Центрального статистического комитета и опубликованных ее в специальных изданиях. Так, в издании 1905 г. ²⁾ по Сибири и Дальнему Востоку ³⁾ в разделе "Добыча руд и копи" указано 22211 рабочих ⁴⁾. В выведенном в следующем году в специальном издании в этом разделе было указано уже 110987 рабочих ⁵⁾. Аналогично далее: в издании 1905 г. в разделе "Работы строительные и ремонтные" число занятых в Сибири рабочих определено в 45381 ⁶⁾, а в издании 1906 г. — в 21947 ⁷⁾. Соответственно занятых в торговле в первом случае было указано 99,4 тыс., а во втором — 4752 ⁸⁾.

- 1) Б.П.Ладошцев. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по переписи 1897 г. СПб., 1909, стр. 13-14.
2) Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам, т. IV, СПб., 1905.
3) Сибирь в итоговых подсчетах была везде указана с Дальним Востоком, но без Степного края.
4) Указ. издание, стр. 210.
5) Численность и состав рабочих в России, на основании данных Первой всеобщей переписи населения..., т. I, СПб., 1906, стр. 4-5.
6) Распределение населения..., стр. 218 и 338.
7) Численность и состав..., стр. 80-81.
8) Соответственно стр. в первом издании 68-340 (подсчет автора) и во втором — 89-93.

Их можно было бы объяснить тем, что в первом случае указаны все, занятые в данной отрасли хозяйства, а во втором - лишь рабочие. Однако такое объяснение обнаруживает непригодность: по многим отраслям хозяйства количество рабочих значительно превышает число всех занятых в отрасли (как, например, в указанном разделе "Добыча руд и копи").

Такое же несоответствие результатов обработки переписных карточек по сибирским рабочим обнаруживает сравнение названных изданий с материалами, обобщившими данные по отраслевому распределению рабочих ¹⁾. Например, в названном издании общее число рабочих в Сибири определено в 403177, а в "Численности и составе рабочих в России" - в 429502 ²⁾. Количество сельскохозяйственных рабочих больше в первом случае, прислуги также. Да и в одном и том же издании цифры обнаруживают непокорность редакторам. Так, в итоговой сводке "Численности и состава рабочих в России" количество промышленных рабочих в Сибири определено в 106659, а отраслевой подсчет дает 151401 рабочего ³⁾.

Не вносит ясности попытка сравнить данные переписи о рабочих со сведениями, ежегодно собираемыми губернскими статистическими комитетами Сибири. Такая попытка дает огромное расхождение ⁴⁾. Наиболее полные и подробные "Обзоры" по Тобольской губернии (из всех сибирских) дают такую картину: по переписи в промышленности в губернии было занято 19016 рабочих, а по губернскому "Обзору" - 7402 ⁵⁾. Столь же значительны расхождения в сторону увеличения материалами переписи числа рабочих и в сравнении с другими "Обзорами".

Проведенное сопоставление специальных разработок материалов переписи для определения численности, профессионально-отраслевого состава рабочих и других показателей дает основание думать, что помимо издержек, сопутствовавших самой переписи, обработка переписных карточек для каждого из названных 3-х изданий осуществлялась по разным методикам, с изменением в признаках, ло-

1) Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи... СПб., 1905.

2) Соответственно стр. У и 4-93, Приложение. Причем 425,5 тыс. без Дальнего Востока, но с включением Акимовской области.

3) Численность и состав рабочих в России..., стр. У, табл. П, стр. 6-7; стр. 4-84.

4) Таким путем найти причину расхождений или определить авторитетность источника тоже сомнительно, т.к. сопоставляются данные, собранные по совершенно разной методике.

5) Численность и состав рабочих в России..., стр. 4-84; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898, стр. 23.

жившихся в основу отбора и группировки учитываемых единиц.

На результаты подсчетов несомненно повлияло и отсутствие у статистиков единого понимания термина "наемный рабочий". В число последних включались кустари, ремесленники, извозчики, возчики дров, пвелеры, иконописцы, поденщики и т.д. Включались не только занятые в мастерских, но и владельцы их, члены семей.. Редакторы изданий вопросы методики подсчетов не оговаривали и раскрыть ее по указанным причинам невозможно. Есть уверенность лишь в том, что по итогам переписи количество наемных рабочих в Сибири завышено, но в равной ли мере для всех мест Сибири и всех отраслей наемного труда-вопрос уже другой, на который источниковедение также не дало обоснованного ответа. Предположительно (опять-таки путем сопоставления данных переписи и "Обзоров" за 1896 г.) ответ на этот вопрос не может быть утвердительным.

Погубернская сельскохозяйственная перепись 1917 г.¹⁾ - следующий крупномасштабный источник по сибирскому населению и хозяйству. Его не минути исследователи местного крестьянства и экономической истории края. В определенной мере эта перепись дает представление о социальной структуре сибирской деревни и о развитии наемного труда. Но это представление чрезвычайно расплывчато. Так, все население, не занятое земледелием, скотоводством и смежными сельскохозяйственными занятиями, было отнесено в разряд промыслового. В "промысловики" попали крестьяне-отходники, батраки, сезонные рабочие, кустари, ремесленники, занятые выгонкой дегтя, охотой, рыболовством и т.д. Отделить по этому источнику крестьянина от сельского рабочего (как и предпринимателя от рабочего) практически невозможно.

К общероссийским переписям по характеру примыкают "Свод", "Указатели" и другие статистические обзоры промышленности, в которых сибирские рабочие получили ту или иную долю представительства. Практически эта "доля" начинает учитываться с относительным стремлением к полноте лишь в 90 гг.²⁾ На 80-е гг. наиболее полным статистическим обзором сибирской обрабатывающей промышленности, с указанием размеров, технической оснащенности заведений и количества рабочих

1) Труды ЦСУ, т.У, вып. I. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 50 губерниям и областям. М., 1921.

2) Свод данных фабрично-заводской промышленности России за 1890 г. СПб., 1891; Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897; Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год. СПб., 1900 (Все издания МФ и МТИП).

в них является "Указатель" П.А.Орлова ¹⁾, составленный по анкетному опросу владельцев и данным официальной статистики.

Вслед за ним кроме названных выше материалов переписей 1903 и 1908 гг. наиболее обобщенное представление о промышленности и рабочих Сибири дает издания Л.К.Езиоранского и Д.Кандаурова ²⁾. В основе обоих изданий неоднородные по происхождению источники: данные переписи 1908 г., ведомственная статистика, заимствования из отраслевых обзоров, данные периодической печати и т.д. В ряде случаев данные Езиоранского полнее, чем в изданных материалах переписи под редакцией В.Е.Варзара, а в других - явно уступают им. Во всех изданиях не выдерживается принцип подразделения промышленности на фабричную и дофабричную. Явная неполнота обнаруживается в статистике как того, так и другого подразделений. Во всех случаях основная масса заведений сибирской обрабатывающей промышленности в силу их мелких размеров не попала в поле зрения российской статистики.

Если статистика обрабатывающей промышленности Сибири и занятых в ней рабочих получила наиболее полное отражение все-таки в указанных общероссийских изданиях, то показатели состояния наемного труда в добывающей промышленности, на сибирском транспорте, а также в отдельных отраслях переработки местного сырья, гораздо полнее представлены в ведомственной статистике - в сборниках Горного департамента Министерства торговли и промышленности, Отдела статистики и картографии Министерства путей сообщения, Главного управления неокладных сборов Министерства финансов и др. ³⁾ Большинство изданий этого типа имело свою периодичность, что повышает источниковедческую ценность их информации.

1) Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений. Материалы для фабрично-заводской статистики. Сост. П.А.Орлов. СПб., 1895.

2) Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Под наблюдением Редакционного комитета, состоящего из членов Совета съездов представителей промышленности и торговли. Сост. Л.К.Езиоранский. СПб., 1909; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Изд. Д.Кандаурова. Пг., 1914.

3) Издания Горного департамента: Горнозаводская производительность России в... 1867, 1869, 1875, 1879, 1880-1885 году. СПб., 1868-1888; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в... 1886-1911 году. СПб., 1888-1918; Россия. Горный департамент. Отчет за... 1891-1911. СПб., 1892-1913. Изд. Главного Управл. неокладных сборов и казенной продажи питей МФ: Статистика производств, облагаемых акцизом за... 1899-1914. СПб., 1901-1915; Отдел статистики и картографии МПС: Статистический сборник МПС. Вып. 1-147. СПб., 1877-1918; В.И.Кенге и Н.Д.Нахтман. Краткий очерк линии Сибирской железной дороги. СПб., 1908; Материалы по обследованию железных дорог. Забайкальская

Как правило, материалы ведомственных статистических изданий дают более полную и разностороннюю информацию, нежели материалы обзорных изданий и переписей. Соответственно выше их достоверность, поскольку материалы собирались для служебных целей лицами, непосредственно ответственными за состояние дела на местах¹⁾ и располагавшими всеми необходимыми данными. Стремление государственного аппарата к знанию финансового, технического состояния предприятий, их производительности и перспектив, способствовало в определенной мере сбору более точных данных и о рабочей силе. Для указанных сборников и единичных специальных изданий их собирали Управления сибирских железных дорог, окружные горные инженеры, управляющие губернскими казенными палатами, городские думы и т.д.

Для конца XIX - нач. XX вв. (до мировой войны) ведомственная статистика дает сведения о численности рабочих в горнодобывающей и горнозаводской промышленности Сибири (частной и казенной), о размещении рабочих по предприятиям и их концентрации, о травматизме и гибели рабочих (издания Горного департамента). Динамику численности рабочих и служащих на сибирских железных дорогах, движение основной заработной платы штатных рабочих, соотношение ее с оплатой труда на других дорогах России и т.д. дают сборники МПС. Там же содержится наиболее полная информация о речном флоте Азиатской России за 1896-1906 гг.²⁾ Представление о состоянии спичечных, табачных фабрик, спиртовых, водочных, дрожжевых, пивоваренных заводов, о количестве занятых рабочих, а иногда и оплате труда, дают сборники Управления неокладных сборов и казенной продажи питей.

Аналогичны сведения о движении крестьян-отходников в Сибирь и обратно, издания: переселенческим управлением³⁾, о городской железной дороге. СПб., 1913; Несчастные случаи на железных дорогах Европейской и Азиатской России. "Вестник финансов, промышленности и торговли", 1911, № 48. Изд. Главн. переселенческого управления: Сибирское переселение. Итоги учета переселенческого движения в Челябинске. Сборник цифровых материалов для изучения крестьянского переселения. Вып. I-39. Челябинск. СПб., 1898-1907; Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение семейных переселенцев, одиноких на заработки и ходоков. СПб., 1905. Издания МВД: Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882; Города России в 1904 году. СПб., 1906; Города России в 1910 году. СПб., 1914. Издание МПТ: Сборник статистических сведений о состоянии среднего и высшего профессионального образования в России, ч. I-П. СПб., 1910.

1) Это обстоятельство не столь редко влияло и отрицательным образом на точность статистических данных.

2) Статистический сборник МПС, вып. 98. Внутреннее судоходство в 1906 г. СПб., 1909.

3) Издания Главного переселенческого управления, содержащие отрывочную информацию о движении крестьян и рабочих на заработки

промышленности и рабочих городов Сибири в изданиях 1882, 1906 и 1914 годов. Последние издания особо ценны широким кругом статистической информации: перечень промышленных заведений в городах, число рабочих, ремесленников, цены на жилье, продукты питания, одежду, размеры оплаты труда рабочих и прислуги разных категорий и т.д.

Однако все отмеченные труды (а они разные и по достоверности сообщаемых цифр) ни в одном случае не дают полной и точной информации о тех сторонах наемного труда в Сибири, которые ими фиксировались.

Во-первых, все издания ни на один год не показывали всего количества промышленных заведений и занятых в них рабочих из-за неполной или неточной первичной отчетности. По Горному департаменту в обзоры и сборники систематически попадали прииски, рудники, каменоломни и др., закрытые в отчетном году или ранее, и не попадали вновь появившиеся. Идущие на заработки в Сибирь регистрировались нерегулярно и лишь в Челябинске, а идущие через Екатеринбург и Тюмень не учитывались. Ни один из обзоров сибирских городов не имел однородных данных. Например, для издания "Города России в 1910 году" данные по Иркутску, Нижнеудинску, Киренску и другим не были собраны и в обзор вошли цифры за 1904 год. Наиболее полная и точная статистика МПС не выделяла рабочих среди массы занятых на дорогах и речных судах. Поэтому в общих показателях и жандармско-полицейские чины, и члены наблюдательных советов, и учителя железнодорожных училищ и т.д.

Во-вторых, в большинстве случаев статистика показывала не действительного, а условного рабочего, вычисленного путем деления общей суммы годовых поденщин на количество рабочих дней в году. Так исчислялось количество рабочих в горнодобывающей промышленности и "временных" и "поденных" - на железных дорогах ¹⁾. Но в одной отрасли хозяйства статистика не учитывала рабочих, нанятых через подрядчиков, а их масса была постоянно значительной в строительстве, на железных дорогах, в речном транспорте, город-

в Сибирь, не исчерпываются указанными изданиями. Они пополнялись тематическими изданиями общесибирского и местного характера (В.К. Кузнецов (составитель). Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири, вып. I-IV. СПб., 1912-1913; В.Я. Нагльбеда (состав.). Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томскую губернию, вып. I. Томск, 1913).

1) Итатные рабочие (паровозные бригады, сцепщики, стрелочники, путевые сторожа и т.д.) составляли меньшинство общей массы железнодорожников. Рабочие мастерских и депо были "поденными", занятые на ремонте, строительстве, очистке дорог и т.д. - "временными".

ском хозяйстве.

В-третьих, почти во всех итоговых таблицах сведения о рабочих, промышленности и прочем давались не по Сибири, а по Азиатской России¹⁾ (Сибирь, Дальний Восток, Туркестан) и там, где нет предварительных погубернских и областных сводок, воспользоваться ими невозможно для изучения истории Сибири.

В-четвертых, ведомственная статистика была не менее тенденциозна, чем любая другая. Особенно это видно по регистрации травм и несчастных случаев в промышленности и на транспорте. В "Отчетах" и "Сборниках" травматизм в Сибири постоянно выглядел ниже общероссийских средних показателей²⁾, тогда как по исследованиям специалистов (Е. Коренев, А. Колычев, Михайлович)³⁾ и многочисленным публикациям в сибирской прессе они в несколько раз (а то и десятков раз) превышали общероссийские.

Отмеченные черты статистических источников выделенной группы - не единственные их недостатки. Слишком несовершенной, слишком малоквалифицированной и слишком зависимой от администрации была основа ведомственной статистики. Однако ее данные по сравнению с изданиями местными, справочными и специально-тематическими имеют свои преимущества. Давая фактическую информацию за значительный отрезок времени, собранную и обработанную по единой методике, "Сборники" и близкие к ним по периодичности издания дают материал о направлении и характере исторической тенденции. В них выделены разделы о численности рабочих, заработной плате отдельных категорий труда, а нередко даются основные данные о каждом из вошедших в обзоры предприятий. В других статистических изданиях отраслевого характера такие сведения, представлявшие Сибирь в целом, довольно редки.

По происхождению первичных данных, характеру их обработки и публикации к указанной группе статистических источников нужно отнести единовременные издания, посвященные отдельным отраслям си-

1) В ведомственной статистике Сибирь отождествлялась с Азиатской Россией. Даже там, где она подразделялась на Восточную и Западную, Туркестан непременно включался в Западную. Отход от такого географического понимания начался лишь в 1908-1912 гг.

2) Только в 1902 г., когда одновременно погибло на Зыряновском руднике 11, а на Лене - 13 рабочих, что было труднее скрыть, чем смерть одиночек, показатели гибели рабочих в Сибири приблизились к средним по России. (Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1902 году. Сост. И. Дмитриев и В. Рыжков. СПб., 1905, стр. 614-617 и 626).

3) См. работы в разделе историографии.

бирского хозяйства или вообразив в себя частичную информацию о них¹⁾. Такие работы, как правило, содержат очень ограниченный материал о промышленности и рабочих восточной окраины, и, если бы положение с источниками по проблеме было более благополучным, большая часть отошла бы в разряд косвенных. Но и в этом случае некоторые издания вошли бы в основной источниковый фонд проблемы.

К числу последних относятся собранные в 1910 г. ЦСК сведения об оплате труда в сельском хозяйстве Сибири и материалы регистрации состава рабочих, пришедших на Дальний Восток в 1911-1913 гг. собраные и обработанные статистическим бюро Восточного района Главного переселенческого управления.

Собранные путем анкетного опроса в 1910 г. цифровые данные о всех видах наемного труда в сельском хозяйстве всех губерний и областей Сибири — единственные за всю историю капитализма. Они дают представление о колебаниях цен на рабочие руки в разных местах огромного края, в связи со специализацией районов, а также позволяют видеть различие и сходство в стоимости труда на окраине и в разных местах Европейской России. Основной вывод составителей о том, что "в Азиатской России цены на рабочие руки были вообще значительно выше, чем в Европейской"²⁾, не подтверждается анализом статистического материала: наиболее высокая оплата труда была не в Сибири, а на Дальнем Востоке, за которым следовали Северный Кавказ, Джунгостепной район, Прибалтика, Туркестан. Такой анализ дает материал для возможного вывода о том, что в Сибирь толкала крестьян-отходников не надежда на высокий заработок, а перенасыщенность на российском рынке наемного труда. С другой стороны, источник дает основание рассматривать сближение цен в Европейской России и Сибири как втягивание последней в общероссийский капиталистический рынок.

1) Торгово-промышленная Россия с Великим сибирским путем и водными сообщениями Российской империи. Издание акционерного об-ва "Анонс". М., 1911; Перечень внутренних водных путей Азиатской России. Изд. МПС. СПб., 1895; Статистический обзор железных дорог и водных путей. Изд. МПС. СПб., 1900; Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России. Изд. МПС. СПб., 1902; Движение населения в Европейской России, в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской и Семипалатинской области за 1903 год. Изд. ЦСК МВД. СПб., 1909; З. Вольский. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни. СПб., 1908; Цены на рабочие руки в сельских хозяйствах частных владельцев в Европейской и Азиатской России в 1910 г. Изд. ЦСК МВД. СПб., 1913; Движение рабочих на заработки в 1911 году. Сост. А. А. Панов. СПб., 1911; Движение рабочих на Дальний Восток. Изд. стат. бюро Восточн. района Главного переселенч. управления. Иркутск, 1913; Положе-

Вместе с тем, ограниченность собранного ЦСК материала требует осторожности в пользовании названным источником. В сборе материала для него проявилось обычное для сибирской администрации пренебрежение к статистическим обследованиям, и из разосланных по Азиатской России 6072 анкет-вопросников (из расчета 1 на волость) вернулось лишь 1035, т.е. 17%. Тогда как по Европейской России этот показатель равнялся 80%. Случайность данных по Сибири отсюда была очень высокой, особенно по ее восточным районам, а поэтому и точность их относительна.

В 1911 году началась регистрация рабочих, приехавших по контрактам и без таковых для работы на Дальнем Востоке. Материалы регистрационного опроса наряду с другими были опубликованы в 7 выпусках под разными названиями ¹⁾. Получившие в них отражение состояние рынка наемного труда, состав рабочих на Дальнем Востоке представляют интерес и для изучения рабочего вопроса в Восточной Сибири, особенно в Забайкальской области. Материалы же Иркутской регистрации 1912-1913 гг. могут служить источником для исследования социального состава, имущественного положения, возраста и т.д. людей, шедших вообще в Сибирь на заработки накануне мировой войны и ранее. Ценность материалов в том, что они составлялись на основе опросных анкет, заполнявшихся сотрудниками статистического бюро в Иркутске на каждого рабочего.

Из данных опроса видно, что свыше 86% приехавших в Сибирь имели полевой надел и собственную усадьбу на родине (54,5 из 63,2 тысяч человек). 46,2% опрошенных называли себя хлебопашцами, 40,1% - горнорабочими и лишь 2% - мастерами и ремесленниками ²⁾. Следовательно, на восток в поисках заработка двигалась крестьянская масса, а то, что она двигалась без семей (81,1%) и основная ее часть (74,5%) возвращалась обратно в Европейскую Россию по окончании контракта и даже ранее, разрывая его, служит показателем очень малой закрепляемости принятых на новых местах. Вместе с тем, по данным 1913 года, можно судить о снижении процента крестьян среди всей массы двигавшихся в поисках заработка.

ние рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914-1915 гг. Вып. 1. Иркутск, 1916. Изд. того же Вост. бюро.

2) Цены на рабочие руки в сельских хозяйствах частных владельцев в Европейской и Азиатской России в 1910 году, стр. 9.

1) Материалы по изучению рабочего вопроса в Приморье, вып. 1. Состав. А.А. Панов. СПб., 1911; Материалы по изучению рабочего вопроса в Приморье, вып. 2. Состав. А. Панов. СПб., 1912; Движение рабочих на Дальний Восток в 1912 году; Движение рабочих на Дальний Восток в 1913 году. Изд. статистич. бюро Восточного района... Иркутск, 1918 и др.

2) Движение рабочих на Дальний Восток в 1912 году, стр. 57-58.

Материалы статистического бюро Восточного района по фактическим сведениям и методике их сбора важны для исследования источников и форм привлечения рабочей силы в Сибирь. Они же дают некоторое представление о длительности и сложности процесса формирования кадров постоянных рабочих, представляя основную часть пришедших как социально переходную категорию, выталкиваемую (в силу отсутствия профессии) с российского рынка труда на его окраины.

Серьезным недостатком источника является то, что все выпуски названной серии составлены по разным программам, в которых ведомственные интересы оттесняли на последний план научный смысл работы. Изучая ословно-имущественное положение массы, составители опросного листка не интересовались постоянным занятием занимавшихся, стажем их работы, основным источником дохода, причинами найма, т.е. вопросами, способными определить классовую принадлежность и социальные черты людей, названных рабочими.

К следующей группе статистических источников, способных в разной мере служить материалом по экономической истории сибирских рабочих, нужно отнести обследования отдельных сторон местного хозяйства, выполненные работниками сибирских статистических учреждений; местные справочные издания типа "Памятных книжек", иногда публиковавших статьи и обзоры по промышленности, торговле, транспорту; "Обзоры" губерний и областей, подготовленные официальными статистическими службами губернских правлений¹⁾. По представительству источники этой группы многочисленны, но по значимости для разработки проблемы они все почти отходят в разряд косвенных свидетелей истории наемного труда в Сибири.

1) Маляревский. Статистический очерк современного состояния горнозаводской промышленности в Западной Сибири. Записки Западно-Сибирского отдела РГО, 1882, кн. 4; С. П. Швецов. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. т. I, Барнаул, 1896; Д. А. Стрельников. Технический персонал в горнопромышленных предприятиях Сибири. Томск, 1914; Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии. Томск, 1915; Сибирский торгово-промышленный ежегодник на... 1894-1907, 1910, 1911, 1913, 1914/1915 год. Сиб., 1893-1915; Статистический обзор Енисейской губернии за... 1878, 1880, 1881, 1883-1915 год. Изд. Губ. Управления. Красноярск, 1879-1916; Памятная книжка Забайкальской области на... 1871, 1891-1901, 1903, 1908, 1912, 1914 год. Забайк. обл. стат. ком. Чита, 1871-1914; Обзор Забайкальской области за... 1883, 1886, 1888, 1892-1908, 1910, 1911 год. Чита, 1883-1915; Памятная книжка для Иркутской губернии на... 1863, 1865, 1877, 1881, 1887, 1891, 1901-1912, 1914 год. Иркутск, 1863-1914; Обзор Иркутской губернии за... 1884-1888, 1891-1896, 1898-1914 год. Иркутск, 1884-1916; Памятная книжка Тобольской губернии на... 1860, 1861, 1862, 1864, 1884, 1888-1895, 1897-1901, 1904, 1906-1915 год. Тобольск. Тобол. губ. стат. ком. 1860-1915; Обзор Тобольской губернии за... 1884, 1885, 1894-1914 год. Тобольск. Тоб. губ. стат. ком. 1884-1916; Памятная книжка

Специальные исправочные издания, даже одного и того же типа, не отличались ни единством программы, ни общностью в методике сбора и обработки статистических материалов. Будучи поэтому в большинстве своем несопоставимыми, их данные не позволяют судить ни о динамичности характеризуемых явлений, ни о их территориальных границах. По структуре разделов, казалось бы, "Обзоры" губерний, где не только во многих изданиях выделялась "Промышленность фабричная и заводская", но и прилагались нередко специальные списки-ведомости заведений, могли стать важнейшим источником по истории промышленности и рабочих Сибири. Не произошло же этого потому, что составители "Обзоров" губернии не придерживались ни научных критериев, ни определенной системы публикаций.

В разделе фабрично-заводской промышленности указывались обычно все действовавшие в губернии промышленные заведения, иногда с подразделением по отраслям, но никогда не выделялись фабрики и заводы¹⁾, так же как вместо числа рабочих обычно указывалось число занятых на них (владельцы, служащие, рабочие, прислуга и т.д. вместе). В ряде изданий (например, "Обзоры" Иркутской губернии за 1898-1907 гг.) промышленность указывалась под рубрикой "Промыслы городского и сельского населения", где следовало общее описание с выборочными цифрами. Отсутствовала даже примерная численность занятых в промыслах, или там же число промышленных заведений указывалось вместе с торговыми. Даже наиболее тщательно разработанные "Обзоры Тобольской губернии" не имеют данных о рабочих за отдельные годы. Отсутствие данных в "Обзорах" за многие годы по Томской, Иркутской губерниям и Забайкальской, Якутской областям, несопоставимость имеющихся сведений для определения абсолютной численности рабочих в Сибири и динамики ее роста делает "Обзоры" малопригодным источником по истории местных рабочих.

Кроме того, слишком много замечаний было в литературе на местную статистику. Первичную информацию для нее собирали полицейские чины и учреждения, лишенные научных представлений о значимости работы, а подчас и добросовестности. Например, при переписи 1897 г.

Томской губернии за... 1871, 1884, 1885, 1904, 1908, 1910-1915 год.
Томск, Том. губ. стат. ком. 1871-1915: Обзор Томской губернии за...
1881-1912 год. Томск, 1882-1914: Обзор Якутской области за...
1884, 1885, 1887-1891, 1894-1899, 1901-1905, 1907-1911 год. Якутск,
Якут. губ. стат. ком. 1884-1912.

1) Обычный прием изложения: "действующих фабрик и заводов 840, но большинство таковых представляет собой не что иное, как небольшие заведения кустарного характера" (Статистический обзор Енисейской губернии за 1908 год, стр. 15).

в Якутской области "потеряны" 17 населенных пунктов. В 1903 г. Олекминский исправник "констатировал внезапное исчезновение из округа большей половины жителей" и объяснил это тем, что они "ушли на заработки". В действительности за 5 лет до этого Олекминско-Витимские прииски отошли к Иркутской губернии. В ежегодных отчетах вплоть до "открытия" исправника население приисков фигурировало и по Якутской области и по Иркутской губернии ¹⁾. Таких курьезов в сибирской статистике известны десятки. Построенные на той же местной административной статистике многие статьи и обзоры промышленности в "Памятных книжках" содержали те же недостатки.

И все-таки этот источник нельзя игнорировать. "Обзоры" губерний, а также материалы "Памятных книжек", "Календарей" за отдельные годы дают общее представление о размерах наемного труда в отдельно взятых отраслях хозяйства губерний и областей, особенно в Западной Сибири. В них отразилось отношение царской администрации к рабочему вопросу на окраине, как и ее взгляды на местную промышленность, причины ее отсталости. В изданиях этой группы встречались и научно разработанные обзоры об отдельных предприятиях или промышленных районах ²⁾.

Цифровые сопоставления по структуре населения городов, основных занятий жителей, наличию скота и пашни у рабочих промышленных поселков и городов, частые сравнения промышленных показателей сибирских и российских губерний и масса других аналогичных данных способны расширить представления об условиях и характере промышленности и об условиях формирования рабочих кадров. Особенность материалов — очень относительная достоверность — требует тщательной их проверки путем сопоставления с данными ведомственной статистики, анкетных обследований.

Гораздо авторитетнее по качеству разработки материалов были статистические очерки и обзоры, выполненные Маляревским, С.П.Швецовым, Д.А.Стрельниковым, И.П.Бересневичем ³⁾ и другими авторами, чьи работы уже названы среди источников делопроизводственного характера или даже в исторических исследованиях ⁴⁾. Авторы-составители сами собирали первичные данные или пользовались документами

1) Статистико-экономическое обследование Якутской области. Сост. А.А.Ильин. СПб., 1908, стр.1.

2) Например, о Черемховских шахтах в "Памятной книжке Иркутской губернии на 1901 год".

3) И.П.Бересневич. Отчет по технико-экономическому состоянию Томского горного округа. СПб., 1912.

4) Такого "смешения" в классификации работ статистического характера можно, конечно, и избежать, но при этом грани разделов будут в большинстве случаев условными, не отражающими характерных

отчетности промышленных заведений, достигая в том и другом случае большей достоверности в характеристике изучаемого объекта, чем это удавалось губернской статистике. Обзоры Швецова, Стрельникова, Бересневича и других, посвященные техническому состоянию промышленности на Алтае, условиям труда рабочих, их составу в горнодобывающей промышленности Томского округа и т.д. заслуживают высокой оценки.

В целом же статистика дает очень односторонний, очень разрозненный и очень пестрый материал по социально-экономической истории сибирских рабочих в эпоху капитализма. Для обобщающих подсчетов численности рабочих, их профессионального состава, территориального распределения, концентрации материал этот или малопримочен (переписи 1897 и 1917 гг.) по качеству, или неполон по объему (переписи-обследования 1903, 1908, 1912 гг.) и несопоставим из-за различий в программах обследований, или он узко-ведомственного характера, или собран и обработан настолько неквалифицированно (губернская статистика), что почти не пригоден для использования.

В 1906 г. редактор статистического издания о рабочих (на материалах переписи 1897 г.) В.В. Степанов писал: "Во многих государствах статистика труда приобрела уже права гражданства... Промышленная статистика в России находится пока в зачаточном состоянии, и правительство до сих пор еще не располагает никакими материалами, определяющими численность и состав рабочих в России"¹⁾. Эта очень справедливая оценка с еще большим усугублением распространяема на Сибирь.

Если в Европейской России значительную часть материалов о рабочих давала статистика фабрично-заводской инспекции²⁾, земская и статистика буржуазных организаций³⁾, то в Сибири не было подобных разработок и изданий. Абсолютизировать источниковую ценность

черт источников. Статистические обследования указанного типа выполнялись в большинстве случаев как служебные отчеты и записки, а это требовало придерживаться определенных творческих канонов: сохранение первоначального значения показателей и обязательной их интерпретации автором-составителем, т.е. черты обследования, официального документа и творческого труда были обычными.

1) Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи..., стр. УП.

2) Например: Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. По донесениям старших фабричных инспекторов. СПб., 1896; Данные о продолжительности рабочего времени за 1904-1905 гг. Материалы по пересмотру рабочего законодательства. Изд. МТШ. СПб., 1908.

3) Статистика Совета съездов горнопромышленников юга России в 1880-1914 гг. была представлена еженедельным журналом "Горно-

официальной и буржуазной статистики различных сторон наемного труда, конечно, нет оснований, но она дает несравнимо больший по объему и лучший по качеству материал, чем сибирские статистические обследования.

Анализ источников, отражающих количественную сторону процесса формирования рабочего класса в Сибири приводит к выводу об их ограниченных информативных возможностях. Причина прежде всего в неполноте, неоднородности, а нередко и в недостоверности исходных данных статистики. Для научной реконструкции истории формирования кадров наемного труда этих данных недостаточно по объему; имеющиеся далеко не всегда сопоставимы в территориальном и хронологическом отношениях. В итоге, там, где статистика по истории труда незаменимый источник, а это по существу весь комплекс вопросов количественного роста и состава рабочего класса, историкам сибирского пролетариата невозможно в своих обобщениях преодолеть элементы предположительности.

* * *

*

Рассмотренные видовые группы источников являются основными, в которых наиболее полно отразилась социально-экономическая история сибирских рабочих, т.е. условия и черты процесса, объективного по своему характеру. Без них невозможно исследование процесса образования класса наемных рабочих в Сибири. Специфика же этих источников в том, что большая часть их была создана учреждениями и лицами, неспособными быть объективными к предмету своего труда. Если состояние источников наглядно отражает незаинтересованность царизма в изучении наемного труда в Сибири, то их содержание не менее полно раскрывает самодержавно-бюрократическую и буржуазно-классовую социальную политику.

Субъективные черты процесса превращения сибирских рабочих в класс фиксировались преимущественно в источниках другого характера: в документах рабочих и партийных организаций, в партийно-заводской листовке, с 1910 г. - "Горнозаводское дело". С 1906 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли издавал "Статистический ежегодник", журнал "Промышленность и торговля", где также отражалась статистика наемного труда и др.

ной пролетарской и буржуазной периодической печати, публицистике, переписке и воспоминаниях работников комитетов РСДРП и рабочих-революционеров¹⁾. Конечно, такое подразделение, как и общая классификация источников, имеет свою условность. Если в законодательных регламентах и административном делопроизводстве содержится немало фактических доказательств социально-политического развития рабочих, то документы РСДРП, партийная печать и мемуары также дают исследователю материалы об экономическом положении, классовом составе, численности и территориальном размещении рабочих.

Что же касается местной дореволюционной мелкобуржуазной и либерально-буржуазной периодики, то она в равной мере может быть названа источником как по социально-экономической, так и по социально-политической истории сибирских рабочих. Наличие в ее составе специально-технических журналов, в которых публицистичность обычно подчинялась научным критериям в подаче материала; помещение в газетах серьезных статей и обзоров по состоянию местного хозяйства и наемного труда; перепечатка документов профсоюзов, коопераций, резолюций собраний, наряду с хроникальными заметками о рабочем движении, выдвигают сибирскую периодическую печать в разряд основных источников по истории рабочего класса.

Принятое в предметном источниковедении подразделение источников на исторические остатки и исторические традиции может быть применено и при внутривидовом подразделении источников, вышедших из среды рабочих и партийных организаций, воспроизведенных участниками революционного движения в Сибири. Разделение в этом случае источников по признаку их близости к отражаемым событиям приводит к выделению в группу исторических остатков уставов и программных заявлений организаций, резолюций и протоколов их съездов, конференций, собраний, митингов и других коллективных решений, т.е. документов, оказавших в свое время функциональное воздействие на ход событий. К ним нужно отнести агитационные издания, оперативную переписку организаций и их участников. К исторической традиции отойдут отчеты, информационные материалы периодической печати, переписка, воспоминания и другие памятники прошлого, созданные по следам событий и не оказавшие на них прямого воздействия.

Такое разделение позволяет более точно оценивать фактическое содержание каждого источника с точки зрения отражения им исторической действительности. Резолюции рабочих собраний, съездов пар-

1) Напомним, что речь идет об опубликованных источниках. Эти же черты специфично, но довольно полно отразило делопроизводство административных и карательных органов царизма, материалы которого являются, за немногим исключением, достоянием архивов.

тийных организаций довольно точно передают содержание отдельных ситуаций или даже этапов классовой борьбы и партийной работы. По ним же можно судить об уровне классово-политической зрелости участников, их теоретической подготовке. Исторические остатки наилучшим образом передают атмосферу своего времени.

Вместе с тем они способны служить главными авторитетами при определении соотношения субъективного и объективного в исторических традициях - в воспоминаниях, письмах, газетных публикациях и т.д. Последнее совсем не означает, что первые лишены субъективизма, и их содержание адекватно событиям или фактам, вызвавшим их возникновение. Дело лишь в разных способностях тех и других отражать объективную реальность. А с другой стороны, в самой структуре источника могут быть элементы остатка и одновременно традиции, что опять-таки напоминает об относительности классификационных граней.

Эту мысль неоднократно подчеркивает в своей книге М.А. Варшавчик. "Исторический остаток, - справедливо отмечает он, - даже носивший в жизни характер самого оперативного документа, по отношению к каким-то прошлым событиям, к каким-то уже свершившимся явлениям протекающего события выступает как традиция, лишь описывающая эти явления, но не могущая повлиять на них" ¹⁾. И действительно: отчеты комитетов РСДРП дают обзор их прошлой деятельности с соответствующим анализом и оценками прошлого. Но они одновременно документируют и современное состояние работы, раскрывая характер понимания ее, сегодняшние воззрения составителей. Тематические и проблемные статьи в партийной печати точно так же, с одной стороны, - анализ опыта борьбы уже приобретенного, а с другой, - оценка современного момента, современной ситуации, подчас с директивными рекомендациями для действия в этой ситуации. В значительной мере такая оценка распространяется на всю партийную публицистику как исторический источник. А наиболее ярким подтверждением этого мнения служат работы В.И. Ленина, посвященные конкретным событиям и фактам классовой борьбы в России. Представление о диалектической связи прошлого и настоящего в источниках классово-партийного происхождения, как и требование неформалистического подхода к их группировке, позволяет глубже понять творческую природу источников этого вида, а, следовательно, и выработать наиболее правильную методику их использования.

Источники по истории рабочего движения и партийных организаций в Сибири и источники, вышедшие из среды рабочего движения и партий-

1) М.А. Варшавчик. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, стр. 59.

ных организаций Сибири, — не тождественные понятия. В состав первых входят документы и материалы, имевшие общепартийное значение; работы В.И. Ленина, посвященные вопросам классовой борьбы пролетариата и его партии в России; документы российских профессиональных союзов и других рабочих организаций; масса источников непролетарского происхождения, но раскрывающих те или иные события рабочего движения.

В той мере, в какой они служили директивным материалом для всей партии и всего рабочего движения (а значит и отразили черты этого движения), в какой они раскрывают общероссийские условия и содержание классовой борьбы, они являются источниками и для изучения части целого — истории классовой борьбы рабочих в Сибири. Естественно, что в этот комплекс входят и все виды источников (пролетарского и непролетарского происхождения, организаций РСДРП, а также мелкобуржуазных и буржуазных партий), в которых нашли отражение факты борьбы местных рабочих и их классовых организаций.

Ко вторым же мы относим памятники прошлого, порожденные самим рабочим движением, организациями рабочих, их участниками, считая достаточно обоснованным включать сюда документы организаций РСДРП, представлявших собой высшую форму этого движения.

Сосредотачиваясь в предлагаемом обзоре именно на этой группе источников, заметим, что они распределены неравномерно как во времени, так и по подразделениям внутри видовой группы. По времени большая часть их относится к революции 1905—1907 гг., а по видам — к листовкам, периодическим изданиям, нормативным документам комитетов РСДРП того же периода. Этим и обусловлен выбор объектов анализа.

Вряд ли правомерно весь комплекс источников группы разделять по происхождению на рабочие и партийные. По формально-организационному признаку такое деление, конечно, возможно. Но оно будет отступлением от исторической действительности, породившей эти документы. Уставы рабочих профсоюзов, протоколы их съездов, заявления и требования стачечных комитетов, наказания рабочих депутатам Государственной думы и почти все другие документы, вышедшие из среды рабочего движения, убеждают в непрременном участии при их выработке комитетов РСДРП. В них обычны те же ошибки, что и в резолюциях социал-демократических организаций по внутривнутрипартийным вопросам, т.е. содержание почти всегда определялось уровнем партийного руководства, его пониманием классовых задач рабочего движения. Печатались издания рабочих организаций обычно в типографиях комитетов

РСДРП, оговаривавших в подписях свое участие в публикации.

Группа документов, выпущенных в свое время рабочими организациями и органами, созданными рабочим движением, довольно разнообразна по формам и функциональному назначению принадлежащих ей изданий. К ней относятся уставы, протоколы и резолюции профессиональных рабочих союзов и организаций, близких к ним по своему характеру; требования и бюллетени стачечных комитетов; резолюции, принятые на различных собраниях рабочих; указы рабочих депутатам Государственной думы и другие ¹⁾. Изданы они были нелегально тиражом от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров.

Вопросы их происхождения, принадлежности, датировки в большинстве случаев не представляют сложности: на подлинниках указаны организации, их подготовившие, и даты выпуска (обычно в пределах месяца). Установление авторства практически невозможно. Протографы этих документов, как и последующих партийных, не сохранились, за редчайшим исключением, в архивах. Да и сохранность их немногим помогла бы делу, поскольку они были продуктом коллективной мысли и коллективного труда.

Последнее не исключает, разумеется, отражения в некоторых из них субъективных смещений в оценках и взглядах сравнительно с настроением коллективов. Обнаружить такие смещения на практике бывает трудно не столько из-за неизвестности авторства, сколько из-за давления на исследователя авторитета организации, которой

1) Устав "Союза рабочих Забайкалья". Издание Читинского комитета РСДРП, июль 1903 (гектограф); Устав профессионального союза рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги. "Забайкальский рабочий", 9 янв. 1906; Устав профессионального союза рабочих депо станции Курган Сибирской железной дороги. Типография Омского района РСДРП, июль 1906; Протокол заседания съезда делегатов от служащих и рабочих Забайкальской железной дороги 11 декабря 1905 года. В сб. "Революционное движение в Забайкалье: 1905-1907 гг. Чита, 1955, стр. 193-195; Резолюция первого делегатского съезда служащих и рабочих на Сибирской железной дороге о профессиональных союзах. 16 ноября 1905 г. Ноябрь 1905 г. Издание комитета служащих Управления Сибирской железной дороги (Профессиональная группа при Томском комитете РСДРП); РСДРП. Съезд организованных рабочих Забайкальской ж.д. Типогр. Читинского комитета РСДРП, 1905 г.; Стаечный бюллетень. № 1-9. Октябрь 1905 г. Красноярский комитет РСДРП. В сб. "1905 год в Красноярске". Изд. 2. Красноярск, 1955, стр. 79-102; Требования рабочих типографий города Иркутска. 4 марта 1905 г. (За подписью: "Рабочие всех иркутских типографий"). В сб. "Революционное движение в Иркутской губернии в период Первой русской революции". Иркутск, 1955, стр. 52; Наказ тюменских рабочих депутату Государственной думы. "Сибирские вопросы", 1907, № 7, стр. 31-33; Наказ железнодорожных рабочих Красноярска члену Государственной думы от Енисейской губернии... 5 июня 1906 г. Типогр. Красноярского комитета РСДРП и др. Ближе всего к доку-

принадлежит документ, тогда как само по себе пролетарски-классовое происхождение документа не является гарантией аутентичности его содержания отраженному в нем историческому событию.

Так, "Резолюция первого делегатского съезда служащих и рабочих на Сибирской железной дороге о профессиональных союзах", выдвигув требование политической нейтральности профсоюзов, отразила не реальную черту рабочих профсоюзов, а взгляды на них части социал-демократов и социалистов-революционеров. В действительности же, как показывает весь комплекс документов о рабочих профсоюзах в Сибири, они чаще всего создавались при участии социал-демократических организаций и поддерживали в своей работе их политические лозунги.

Если по полноте представительства изданные в свое время документы о рабочих организациях в Сибири накануне и в революции 1905-1907 гг. не могут представлять рабочее движение в целом, то они в состоянии иллюстрировать характер стачечных выступлений, лицо профессиональных союзов и эволюцию взглядов на них местных комитетов РСДРП, основные черты процесса роста классового сознания местных рабочих и их организации.

В частности, если в Уставе "Союза рабочих Забайкалья" в 1903 г. отчетливо проявилась тенденция смешения рабочей и партийной организации, тредьюнистская по своей сущности, а к сентябрю 1905 г. эта тенденция модифицировалась в союз "организованных рабочих" Забайкальской железной дороги ¹⁾, то в Уставе "Учредительного" съезда профсоюза рабочих мастерских и депо этой же дороги (3-6 января 1906 г.) вполне зрело решалось соотношение членства и партийности. Вступать в союз могли все рабочие "независимо от политических убеждений", а сама организация рассматривалась как ступень в развитии их классового самосознания ²⁾.

ментам этой группы относится "Постановление Объединенного Совета депутатов от солдат и рабочих Красноярск...", распространенное 9 декабря 1905 г. ("Сибирская жизнь", 16 декабря 1905 г.).

При изучении документов автор пользовался текстами преимущественно подлинников, хранящихся в коллекциях ЦПА ИМЛ и ЦГАОР. В других случаях указано используемое издание. Полный перечень документов каждого вида не привлекается потому, что это совершенно не требуется для их видовой источниковедческой характеристики. Некоторая неравноценность представительства в обзоре - результат зависимости от публикаций и их выявления: не все важнейшие документы и материалы этой группы были напечатаны в свое время или позже; далеко не все выявлены и доступны исследователю.

1) Смешение вопросов партийной и профсоюзной работы и организации, судя по резолюциям сентябрьского съезда, было еще значительным в Забайкальских организациях РСДРП (РСДРП. Съезд организованных рабочих..., стр. 1-9).

2) "Забайкальский рабочий", 9 января 1906 г.

"Наказы" рабочих депутатам Думы—несомненно партийные документы, отражавшие социал-демократические взгляды участников их обсуждения и выработки. Из указанных оба отразили большевистские взгляды на тактику в Думе рабочих депутатов ¹⁾. Принятые и подписанные сотнями сибирских рабочих, они выступают свидетелями широкого партийного влияния на авангард местного рабочего движения.

Среди документов этой группы особую ценность представляют решения выборных рабочих органов, ставших местной революционной властью или осуществлявших некоторые ее функции. Как источники эти решения синтезируют комплекс обстоятельств и суждений, определявших практические шаги революционеров.

Например, в резолюции съезда делегатов от служащих и рабочих Забайкальской дороги "полный переход управления над дорогом в руки выборных" был признан необходимым мером для транспортировки войск. Однако съезд вынужден был признать, что "в настоящее время у нас нет достаточной силы и средств привести это в исполнение", нужна поддержка Манчжурской армии и населения, поддержка соседних дорог ²⁾. Делегаты заявили о необходимости "подготовляться к указанной мере", а пока образовать комитеты для ускорения движения поездов и контроля "за действиями администрации" ³⁾. Съезд проходил под руководством Читинского комитета РСДРП, председателем его был рабочий социал-демократ Н. Неометов.

Как видим, идея захвата дороги к концу 1905 г. признавалась передовой частью рабочих Забайкалья необходимой мерой дальнейшего развития революционной инициативы. Но документ не менее отчетливо говорит и о трезвом анализе участниками соотношения сил, о понимании необходимости считаться с этим и о принятом, в конечном итоге, плане поэтапного движения к цели. Представители рабочих, судя по резолюции и протоколу, были в состоянии проявить и классовую поддержку, и тактическую грамотность.

Другой не менее важный документ — "Постановление Объединенного Совета депутатов от солдат и рабочих Красноярска о свободе печати и собраний, об организации комиссии для подготовки свободных выборов в городскую думу и об установлении рабочего контроля над дви-

1) В "Наказе тюменских рабочих" условием свободного развития России авторы называли не имевшую безвластную Думу, а "полновластное Учредительное собрание из народных представителей, избранное всем без исключения населением". "Сибирские вопросы", 1907, № 7, стр. 33.

2) Протокол заседания съезда делегатов... 11 декабря 1905 г. Революционное движение в Забайкалье, стр. 194.

3) На этот документ обычно ссылаются исследователи, пишущие о захвате рабочими Забайкальской дороги в 1905-1906 гг. Если бы

хением по железной дороге", принятое 9 декабря 1905 г. В нем Совет выступает как орган новой революционно-демократической власти и декретирует свои принципы царской администрации, редакциям газет, службам железной дороги. Неожиданным является в "Постановлении" намерение подготовить и провести выборы новой Городской думы как органа революционного самоуправления населения¹⁾.

Документ не раскрывает мотивов этого намерения, как не раскрывает и представлений руководителей о месте и функциях Совета в предстоящей борьбе. То и другое поясняют другие издания Совета и Красноярского комитета РСДРП: выпущенное, очевидно, на следующий день Советом "Объявление" к населению города, листовки комитета РСДРП, отчет о собрании социал-демократов 12 декабря²⁾. Из них следует, что руководители Совета и комитета РСДРП смотрели на Совет рабочих и солдатских депутатов как на временный орган, существующий лишь до выборов (путем всеобщего голосования) городского революционного самоуправления в лице Городской думы.

"Постановление" Совета и пояснявшие его документы не позволяют судить, в какой мере отраженные в них взгляды были общими для руководителей восстания и его участников. Сам факт их закрепления в директивном документе достаточно отражает их распространенность. Но при анализе такого источника главная задача не в выявлении тактических ошибок руководителей, а в выяснении комплекса объективных предпосылок, определивших в конечном итоге исход конкретной ситуации. В данном случае намерение приспособить орган местной буржуазии для решения революционных задач (в условиях уже созданной новой власти) — след политической неопытности руководителей, след увлечения буржуазной "законностью" и доверия к меньшевистскому лозунгу "революционного самоуправления": Тогда как в целом документ наряду со сложностью и противоречивостью в позиции Объединенного Совета раскрывает один из главных моментов вооруженного восстания в Красноярске: переход власти в руки рабочих и солдат.

Резолюции и протоколы съездов, конференций и собраний организаций РСДРП также относятся к источникам, не подвергнувшимся деформации временем, поскольку они создавались не по следам событий, а в процессе их. Основная масса документальных изданий этого типа, от-
даже в нем формулировалось решение о таком захвате, это не давало бы оснований для подобных утверждений без привлечения источников, отражающих фактическую сторону дела?

1) Кроме указанной "Сибирской жизни" этот документ перепечатан в сборнике "Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженное восстание, ноябрь-декабрь 1905 г." ч. 2, М., 1955, стр. 911.

2) В "Объявлении Объединенного Совета солдатских и рабочих депутатов г. Красноярска..." говорилось о решении солдат помочь населению избрать в думу истинных своих представителей", а Совет лишь

развивших историю сибирских организаций РСДРП до февраля 1917 г., также относится к периоду 1905-1907 гг. Большая часть документов общесибирских и районных съездов и конференций была издана тогда же в виде брошюр и листовок: в местных и центральных партийных периодических органах ¹⁾. Меньшая часть впервые была опубликована в советское время в сборниках документов и материалов ²⁾.

Почти все дореволюционные издания протоколов и резолюций сибирских организаций РСДРП напечатаны типографским способом в 1/3 обычного книжного формата, на тонкой бумаге и мелким шрифтом, объемом в 4-10 страниц текста ³⁾. На многих стоят печати соответствующих комитетов РСДРП, удостоверяющие подлинность и официальность документов. Протоколы в принятом смысле слова не публиковались. Вместо них в издания помещены различной полноты конспективные обзоры обсуждения выдвинутых на съезд или конференцию вопросов. За единственным исключением ⁴⁾, они не передают ни содержания отдельных выступлений участников, ни соотношение мнений. Последнее отчетливо фиксировалось лишь в результатах голосования за каждую резолюцию.

"временно" берет на себя подготовку выборов. (1905 год в Красноярске, стр. 135). Из отчета о собрании организации РСДРП видно, что такое городское самоуправление, а не Совет, может действовать "как временное правительстве города, имевшее целью распространить и закрепить результаты восстания". ("Красноярский рабочий", 19 декабря 1905 г.)

1) РСДРП. Первая общесибирская конференция. Типограф. Сибирского Союза, сентябрь 1905; Первый общесибирский съезд. Типограф. Сибирского Союза РСДРП; РСДРП. Извещение о 2-м Сибирском съезде РСДРП. Типограф. Красноярского комитета, июнь 1906 г.; РСДРП. Извещение о 3-й Общесибирской конференции РСДРП. (Гектограф, без указания места и времени издания); РСДРП. Первая конференция Забайкальского района РСДРП. Окт. 1906 (Гектограф); Конференция делегатов руководящих коллективов организаций Томского района. Издание Томского комитета РСДРП, апрель 1906 г.; П Иркутский Окружной съезд с.-д. "Летучий листок" Иркутского комитета РСДРП, № 15, октябрь 1906; Резолюции конференций: Западно-Сибирской, Забайкальской, Красноярской. "Хроника". Красноярский комитет РСДРП, ноябрь 1906 г. (Резолюции опубликованы лишь об отношении к Государственной Думе и о предвыборных блоках с другими партиями - Н.Б.); Отчет 2-ой Забайкальской конференции с.-д. организаций. "Листок", № 3. Изд. Читинского комитета РСДРП. Февраль 1907 г. (Опубликованы резолюции конференции - Н.Б.).

2) Резолюция I конференции Сибирского Союза РСДРП, июнь 1903 г. В сб. "Сибирский Союз РСДРП; М., 1935 (Опубликованы не полностью); Протоколы и постановления Западно-Сибирской конференции РСДРП, проходившей в Омске 11-15 сентября 1906 г. В сб. "Омская организация РСДРП в Первой русской революции 1905-1907 гг. Омск, 1956. (Заголовки составителей сборника. Опубликовано с купюрами, места которых в тексте не обозначены).

3) Самая большая - 41 стр. - брошюра с решениями Первой Общесибирской конференции. Сведениями о протографах большинства изданий автор не располагает.

4) Таким исключением являются протоколы Первой Общесибирской и Западносибирской конференций.

Документы съездов и конференций (как общесибирских, так и районных) нельзя считать только нормативными источниками по истории местных партийных организаций. В них обычно публиковались сведения о численном составе организаций, о состоянии работы, а нередко и отчеты делегатов местных комитетов и групп РСДРП, т.е. материалы, относящиеся к исторической традиции. Их наличие намного увеличивает информационные возможности данной группы источников. Точно также публикация результатов голосования, а иногда и текстов принятых резолюций, указывает численное соотношение идейно-политических группировок, степень их внутренней консолидации, круг наиболее остро-дискуссионных вопросов, смысл разногласий.

К этому же типу источников относятся резолюции, уставы, программные заявления, открытые письма местных комитетов РСДРП, опубликованные ими в свое время в виде отдельных листов или в периодических изданиях¹⁾. Они существенно расширяют документально-источниковую базу для исследования истории партийных организаций Сибири. Не отличаясь по происхождению и способу отражения исторических фактов от документов съездов и конференций, резолюции местных комитетов РСДРП имеют лишь менее выраженную преамбулу.

Документы, отобразившие нормативную сторону деятельности сибирских организаций РСДРП, относятся к важнейшим источникам по истории этих организаций, а также рабочего класса Сибири. Они наиболее точно формулируют и передают идеологические и политические взгляды участников руководящих собраний, раскрывают позиции местных комитетов РСДРП по всем важнейшим вопросам классовой борьбы в Сибири. Они являются незаменимым источником для изучения положения внутри партийных организаций.

Разумеется, по комплексу нормативных источников нельзя восстановить все важнейшие стороны революционной практики партийных организаций. Да и нельзя абсолютизировать их значение как регламентаторов этой практики. В условиях конспиративной работы и частых арестов руководителей организаций, при значительной разнице их политического опыта и теоретической подготовки, не всегда делегаты авторитетных собраний представляли идейно-политическую линию своих организаций, не всегда резолюции определяли характер и направление

1) Резолюция, принятая на социал-демократических собраниях в Иркутске 20 и 21 марта 1905 г. Типогр. Иркутского комитета РСДРП; Резолюция, принятая на новогоднем собрании томских социал-демократов в количестве 700 чел. Типогр. Томского комитета РСДРП, январь, 1906 г.; Резолюция Томского комитета РСДРП об отношении к Думе, об Учредительном собрании, о профсоюзах, о вооруженном

последующей работы ¹⁾. Точно так же не всегда соотношение большевиков и меньшевиков на съездах и конференциях соответствовало их распределению в местных организациях Сибири.

Можно назвать и еще ряд обстоятельств, влиявших на аутентичность данной группы источников в отражении ими действительности. Однако при всем этом нельзя умалять их способности служить достоверным материалом при анализе принципиальных позиций руководящих органов РСДРП в Сибири и содержании внутрипартийной жизни.

Документы съездов, конференций и комитетов РСДРП периода Первой русской революции (как и их агитационно-пропагандистские издания) дают достаточно оснований считать примиренческую идеологию характерной чертой большинства местных организаций Сибири. Важнейшие резолюции всех общесибирских съездов и конференций носят ярко выраженный примиренческий или даже меньшевистский характер. При попытке обобщенного анализа в них гораздо слабее обнаруживает себя большевистская тактическая линия, чем тенденция к сглаживанию разногласий и сохранения организационного единства любыми средствами. Уступчивость меньшевизму, как одно из проявлений этой тенденции, имела, очевидно, общую с ней природу происхождения: сомнения в революционных возможностях местных рабочих и в их способностях к самостоятельной роли в общественном движении.

В то же время протокольные записи и резолюции всех общесибирских съездов и конференций РСДРП наряду с итогами голосования говорят о постоянной идейно-политической борьбе внутри сибирских организаций. Однако факты и смысл этой борьбы руководители стремились не выносить на открытое обсуждение в организациях, не пропускать в издаваемую агитационно-пропагандистскую литературу. Примиренческая идейная позиция руководящих органов сибирских комитетов в этом пункте политической линии проявлялась постоянно.

восстании и др. Издание Томского комитета РСДРП, март 1906 г.; Резолюция, принятая на собрании организации Читинского комитета РСДРП. Изд. Читинского комитета, сентябрь 1906; Резолюция Красноярской организации РСДРП с требованием экстренного съезда... "Социал-демократ" (Изд. ЦК РСДРП), 20 октября 1906 г.; Решение общего собрания Барнаульской группы РСДРП о разногласиях в партии. "Курьер" (Сиб.), 11 июня 1906; Открытое письмо Томского комитета РСДРП к Том. отд. парт. народной свободы. Изд. Том. комитета РСДРП, март 1907 г.; Устав Омской организации РСДРП. Июнь 1906 г. (Изд. комитета, типогр. - Н.Б.); Устав Красноярской организации РСДРП, утвержденный общим собранием 25 июня 1906 г. Красноярск, 5 июля 1906 г. (Типограф. изд. - Н.Б.); Решение Красноярского комитета РСДРП о слиянии военной организации комитета с военной организацией социалистов-революционеров. "Хроника", в I, июль 1907 г. и др.

1) Об этом, например, говорит письмо Сибирского Совета, направленное в начале 1904 г. в редакцию "Искры". Третий съезд РСДРП. Сб. докум. и материалов. М., 1955, стр. 231 и 234.

Например, в резолюции "О характере Областного Органа", принятой на Первом Общесибирском съезде РСДРП, эта позиция получила следующее выражение: сибирская социал-демократическая газета не должна касаться принципиальных вопросов, т.к. "для разработки тактических и организационных задач партии существуют центральные органы - Искра и Пролетарий" ¹). Ввиду существующих в партии и "среди нашей организации разногласий по этим вопросам" отражение их на страницах газеты "неминуемо должно было бы привести к расколу в нашей организации". Поэтому "съезд решительно высказывается против того, чтобы такого рода вопросы обсуждались на страницах Сибирского соц.-дем. листка... Листок должен быть газетой, предназначенной исключительно для агитационных целей и никакой фракционной полемики или "дискуссии" на его страницах не должно быть места" ²).

Первая Общесибирская конференция, не признав III съезда РСДРП "партийным съездом", высказалась за меньшевистский проект объединения партии (за - 14, против - 4, воздержалось - 8). Большинство принятых на ней резолюций по тактическим вопросам носило компромиссный характер ³). Первый Общесибирский съезд из-за остроты разногласий вообще уклонился от обсуждения важнейших тактических вопросов (о вооруженном восстании, об отношении к Государственной Думе, об отношении к мелкобуржуазным и буржуазным организациям и т.д.), предоставив комитетам самим вырабатывать линии поведения в ответственный период революции.

Второй Сибирский съезд РСДРП по основному тогда тактическому вопросу (об отношении к Думе) полагал, вслед за меньшевиками, воз-

1) Даже здесь авторы резолюции не оговаривают того факта, что "Искра" и "Пролетарий" представляют две разные части партии - меньшевистскую и большевистскую.

2) Резолюция принята 9 голосами против 1. Первый Общесибирский съезд, стр. 2. Избежали такой полемики и большевистские по своему характеру газеты "Красноярский рабочий" и "Забайкальский рабочий".

3) Редакторы и составители сборника "Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции..." (стр. 142), оценивая резолюции конференции о неприсоединении ни к той, ни к другой частям партии, сделали примечание: "Однако наиболее крупные организации Сибирского союза (Красноярская, Читинская и др.) не присоединились к этой резолюции и полностью признали решения III съезда". При этом редакция не ссылается на источник, столь важный для понимания позиции сибирских организаций после съезда партии. Его нет по непонятным причинам среди документов сборника, нет и в других изданиях. Не обнаружен он и автором.

Но если следовать смыслу комментария, то необходимо признать организации РСДРП Сибири летом 1905 г. большевистскими, а резолюции конференции - не выражавшими их партийно-политических взглядов. Однако анализ всего комплекса изданий комитетов РСДРП середины и второй половины 1905 г. не дает оснований для такого противопоставления. Большевистская позиция Красноярского и Читинского комитетов РСДРП по основным вопросам революционной тактики в 1905-

можным превращение Думы "в орган... революционной власти", в "орган восстания" и предлагал агитировать за предъявление Государственной Думе революционных требований¹⁾. Большая часть остальных решений выдержана в примиренческо-меньшевистском духе. Тот же тактический план изложен в резолюции "Об отношении к Государственной Думе", принятой на 3-ей Общесибирской конференции РСДРП²⁾. Правда, здесь он был дополнен необходимостью организации пролетариата для борьбы "путем вооруженного восстания и через Временное революционное правительство" идти к созыву Учредительного собрания.

Не была четкой, последовательной и резолюция "Об избирательных соглашениях", в которой большевистское отрицание блоков с буржуазными партиями было дополнено меньшевистским соображением: в случае опасности прохода в Думу черносотенца возможны соглашения и с кадетами...³⁾.

Резолюции по организационно-тактическим вопросам районных конференций и местных комитетов РСДРП Сибири значительно конкретизируют данные общесибирских собраний, правда, в более узком диапазоне времени. На конференциях осенью 1906 г., пожалуй, отчетливее предыдущего обнаружилась следующая картина: большевистские тактические взгляды победили на Забайкальской, Западно-Сибирской районных и Красноярской городской. Большевистский характер носили решения Иркутской районной и типично примиренческий - Томской районной конференций. Правда, решение некоторых вопросов на конференциях первой группы

1906 гг. не исключала примиренческих настроений среди части их руководителей. Иначе чем объяснить принятие на митинге красноярских рабочих одновременно приветственных телеграмм в адрес редакции "Пролетария" и меньшевистской "Искры"? Чем объяснить, что там же меньшевистский лозунг "революционного самоуправления" не только не был подвергнут открытой критике, но даже пропагандировался в изданиях комитета? Также остается непонятным умолчание "Забайкальского рабочего" (органа Читинского комитета) о каких-либо разногласиях в партии или местном комитете.

1) Извещение о 2-м Сибирском съезде РСДРП, стр. 4. В названном выше сборнике "Большевики Западной Сибири..." (стр. 420-421) редакция прибегла к ненаучному способу публикации этого документа. Под заголовком "Из брошюры Красноярского комитета "Извещение о 2-м Сибирском съезде РСДРП" помещена лишь информация о состоянии организации и представительстве на съезде. Повестка работы съезда, его позиция, принятие резолюции, т.е. все, что могло дать представление о его характере - опущено. Перечень обсуждавшихся вопросов дан в подстрочнике, но без каких-либо пояснений и представлять опущенный текст никак не может. Помещенный в таком виде в сборнике большевистских изданий документ должен был, очевидно, (по замыслу редакции) приобрести совсем другое звучание. Полностью документ опубликован в сб. "Второй период революции. 1906-1907 года", ч. 2, кн. 2. М., 1962, стр. 395-400.

2) "Дума оппозиционная, - говорилось в ней, - явится центром организующей революции и орудием для борьбы с царским правительством" (Извещение о 3 Общесибирской конференции РСДРП, стр. 2).

3) Там же, стр. 3.

было определено меньшевистским, и наоборот — на конференциях второй 1). Если первая Забайкальская конференция в октябре 1906 г. в основном высказалась за большевистскую тактику, то вторая — оказалась полностью меньшевистской и отвергла решения предыдущей 2).

Наряду с отмеченным анализ документов этой группы позволяет проследить теоретические основы и уровень политической мысли руководителей организаций РСДРП, методику изучения ими и оценки различных ситуаций классовой и внутрипартийной борьбы, а в определенной мере и понять причины утверждения примиренческой идеологии в комитетах РСДРП Сибири 3).

Вопрос о конкретно-исторических условиях, побудительных мотивах появления источника исследуется обычно как часть вопроса о его происхождении и подлинности. В характеризуемых документах условия и мотивы их появления достаточно раскрыты в них самих, содержание обращено не к прошлому, а к настоящему и будущему. Поэтому задача проверки фактической достоверности содержания такого источника практически снимается. Собственно, она подменяется другой задачей — оценки документа в целом, его места в исторических событиях — с точки зрения правильности отражения в нем действительности и разработки на основе этого анализа практических намерений организаций. Но этот аспект уже выходит за рамки собственно источниковедческой работы.

Другое дело отчеты партийных и рабочих организаций, обзоры их деятельности за определенный период, составленные представителями самих организаций! В них фиксируется прошлое и так, как оно представляется составителям. То есть влияние их теоретического кругозора, политического опыта, подчас фракционной принадлежности и личных качеств на содержание документа оказывается неизбежным. Поэтому при всем доверии к источникам, освещающим события с наших классовых позиций, требуется проверка их фактической достоверности. Тем более такая проверка необходима по отношению к обзорам и отчетам, написанным для газет мелкобуржуазного и буржуазного характера.

Отчеты сибирских рабочих и партийных организаций за определен-

1) Например, Забайкальская конференция по вопросу "О рабочем съезде" приняла полностью меньшевистское решение, а Иркутская — большевистскую по вопросу о профсоюзах. Первая конференция Забайкальского района, л. 1-2; "Летучий листок" № 15, октябрь 1906 г. См. также письмо Е. Ярославского в "Пролетарий" № 7, 10 ноября 1906 г. о Забайкальской и Иркутской конференциях.

2) "Листок" № 3. Изд. Читинского комитета РСДРП, февр. 1907 г.

3) Боязнь раскола для большинства была боязнью распыления и без того довольно узкой в Сибири пролетарской социальной опоры в массе населения.

ные отрезки времени или по различным вопросам деятельности публиковались чаще всего в периодических изданиях и отдельными изданиями типа листовок. Часть их была помещена в большевистских газетах ("Искра", "Эхо", "Пролетарий", "Рабочая газета" и др.), а часть в меньшевистских ("Искра", "Курьер", "Социал-демократ", "Отклики современности"), эсеровских и буржуазных. Значительно больше документов этого типа публиковали местные сибирские партийные издания.

Известны отчеты Сибирского Союза П съезду РСДРП, а также за отдельные месяцы 1905 и начало 1906 гг.¹⁾ Гораздо полнее представлены отчеты о рабочих собраниях, о деятельности местных комитетов, профессиональных организаций и т.д.²⁾ Вместе взятые, они содержат довольно разнообразный материал как по фактической истории классовой борьбы, так и для характеристики самих источников.

Отчеты организаций дают сведения о их численном, профессиональном и социальном составе, о размерах организаторской и агитационной работы и ее основных направлениях. В отчетах о сибирских рабочих, об организациях профсоюзов, а нередко и местных комитетов РСДРП содержится немало фактов, позволяющих судить об уровне классового сознания различных категорий рабочих, о их организованности и политической активности. Кассовые отчеты комитетов и профсоюзов дают представление о членстве, а через целевую направленность расходов, - об основных объектах работы.

Конечно, большая часть этой информации статична, лишена периодичности или способности в сколько-нибудь широких хронологичес-

1) Отчет Сибирского союза РСДРП П съезду. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959; За полгода. Краткий обзор социал-демократической деятельности в Сибири. I янв. - I июля 1905 г. "Сибирский социал-демократический листок", № I, июль 1905; Отчеты Сибирского союза за март-май и июль-август 1905 (кассовые). (Изд. типогр. Союза отдельными листками - Н.Б.); Отчетная часть "Известия о 2-ом Сибирском съезде РСДРП".

2) Отчеты о собраниях рабочих Красноярска 14-18 августа. "Сибирский с.-д. листок", № 3, сентябрь 1905 г.; Обзор резолюций местных комитетов РСДРП "Об отношении к Государственной Думе". Там же; Отчет Читинского комитета РСДРП о листовом агитации в сентябре-ноябре: "Забайкальский рабочий", № I, 7 декабря 1905 г.; Отчет местного отделения профессионального союза рабочих мастеров и депо Забайкальской ж.д. за октябрь. Там же; Отчет о съезде профессионального союза рабочих мастеров и депо Забайкальской ж.д. Там же, № 5; Кассовый отчет Читинского комитета РСДРП с 1 янв. по 1 февр. 1906 г. Там же, № 6; Отчеты о деятельности Томской организации и Обской, Тасмной, Барнаульской групп РСДРП с 15 апреля по 1 мая. Конференция делегатов руководящих коллективов организаций Томского района. Изд. Том.ком. РСДРП, апрель 1906 г. Типогр. комитета; Отчеты делегатов (журганского, петропавловского, омского, новониколаевского, барнаульского, тобольского) на Западносибирской конференции РСДРП. Омская органи-

ких рамках представить явление или процесс. Но это информация обычно из первых рук и содержит те оценки, которые давались ей самими творцами истории, что еще более повышает ее ценность.

Характерной чертой почти всех отчетов является умолчание об идейно-политическом состоянии организации, о разногласиях внутри их. Если протоколы и резолюции съездов, конференций, отдельных собраний отражают в итогах голосования по каждому вопросу соотношение большевиков, меньшевиков и колеблющихся¹⁾, то в отчетах обычно не указывалась не только степень влияния тех или других, но и не упоминалось о существовании самих подразделений.

Например, орган Сибирского союза в обзоре резолюций местных комитетов РСДРП относительно выборов в Думу констатировал разные позиции: Иркутский комитет за бойкот и пропаганду идеи "самостоятельных выборов", а Томский — за параллельные нелегальные выборы и императивные мандаты²⁾. Однако от оценки этих взглядов редакция уклонилась. Или в отчете об общем собрании Читинской организации, на котором была принята большевистская резолюция недоверия тактической линии ЦК РСДРП (в сентябре 1906 г.). В нем были приведены и итоги голосования (за — 26, против — 22, воздержалось — 22). Но они никак не комментировались. Отмечалось лишь, что за другую резолюцию голосовало 22 участника³⁾. Поэтому отчеты и обзоры как источники по истории местных организаций РСДРП раскрывают их идеологическое состояние лишь в комплексе с другими документами.

Большую группу источников по истории рабочих Сибири, по истории их организаций представляют собой периодические и непериодические издания комитетов РСДРП. Из них до сих пор наибольшим вниманием исследователей пользовались листовки и некоторые периодические издания⁴⁾. Правда, они подвергались не столько источни-

зация РСДРП в Первой русской революции; Отчет о конференции в г. Иркутске. "Летучий листок", № 13, июль 1906 г.; Отчет Красноярской организации за октябрь 1906 г. "Хроника", ноябрь 1906 г.; Отчет о Западносибирской конференции. "Пролетарий", № 11, 7 января 1907 г.; Отчет Иркутской окружной конференции. "Социал-демократ", № 4, 20 октября 1906 г.; Отчет Барнаульского комитета РСДРП за февраль... Типогр. Барнаульского ком., март 1907 г. и др.

1) В действительности при голосовании не всегда обнажалась фракционная принадлежность, поскольку в сибирских организациях нередко принимались компромиссные резолюции.

2) "Сибирский социал-демокр. листок", № 3. То и другое — лишь варианты меньшевистской позиции.

3) "Социал-демократ", № 4. 20 окт. 1906 г.

4) Ф.Г.Виноградов. Рабочая печать в Сибири. В сб. "Из прошлого Сибири". Омск, 1927; А.Д.Имешин. Большевистская печать Восточной Сибири в период Первой русской революции. Труды Иркут. Госуд. ун-та, т. XII, серия историко-филологическая. Иркутск, 1956;

ководческому, сколько библиографическому исследованию. Но в работах Ф.Г.Виноградова, М.В.Ивановой, А.Т.Коняева и других содержится в целом значительный по объему и необходимый по содержанию материал об обстоятельствах происхождения тех или иных печатных публикаций сибирских партийных организаций, обычно дается оценка их идейно-политической направленности и частично - значимости фактической информации. Авторы всех названных работ издания комитетов РСДРП интересовали как проявления революционного движения в Сибири, как часть истории местных партийных организаций. Задача анализа их источниковых возможностей для расширения знаний по истории рабочего класса не ставилась.

Кроме того, попытки некоторых исследователей (А.Д.Инешин, В.Марьин и др.) рассматривать лишь большевистские издания организаций, которые были объединенными и в большинстве своем примиренческие по идеологии, обусловили выборочный анализ источников, препарирование тех из них, где перемешались тактические взгляды большевиков и меньшевиков, "подтягивание" некоторых до уровня большевистских, что в конечном итоге исключало возможность научного анализа методов и характера руководства рабочим движением. Не говоря уже о том, что сложность и трудность выработки и становления революционной пролетарской идеологии и политики на сибирской окраине, составлявшая сущность процесса, оставалась за рамками исследований.

Корреспонденций о рабочем движении в Сибири и о деятельности организаций РСДРП в центральных партийных изданиях было опубликовано немного. Они, как пишет А.Т.Коняев, "носили эпизодический характер" и "не давали полного представления о размахе рабочего движения" ¹⁾. Такой вывод им сделан при изучении большевистских газет 1906-1908 гг. Но он справедлив и для более раннего и последующего периодов. Правда, автор не учитывает одного обстоятельства: не мень-

К.Рубцов. Газета "Забайкальский рабочий". В сб. "Из истории местной большевистской печати". М., 1961; М.В.Иванова. Из истории нелегальной периодической печати Западносибирских организаций РСДРП (1905-1907). В сб. "Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока", вып.2. Новосибирск, 1970; *Ие же*. Нелегальная периодическая печать организаций РСДРП Западной Сибири в годы Первой русской революции. В сб. "Материалы научной конференции молодых ученых вузов г.Томска", т.2. Томск, 1968; *Ие же*. Печатная пропаганда социал-демократов Западной Сибири накануне Первой русской революции (1903-1904 гг.). "Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке", вып.У, Томск, 1970; *Ие же*. Первая нелегальная газета сибирских социал-демократов. Там же, вып.УІ, 1970; А.Т.Коняев. Сибирские корреспонденции в центральных большевистские газеты в 1906-1908 гг. Там же, вып.У; В.Марьин. Подпольная большевистская печать на Алтае (1905-1914). Барнаул, 1971.

1) А.Т.Коняев. Указ. работа, стр.81.

шая часть корреспонденций из Сибири, отчетов и резолюций местных комитетов, рабочих собраний и т.д. публиковалась в меньшевистских изданиях, отражая тем самым существовавшее положение вещей.

Если же суммировать все публикации из Сибири в центральных изданиях и группировать по происхождению и содержанию, то окажется, что большинство их посвящено сибирской ссылке, положению ссылки, критике администрации и местной общественной жизни и лишь меньшая часть - рабочему и социал-демократическому движению. Последнее позволяет думать, что корреспондентами из Сибири были преимущественно ссылка¹⁾, а у комитетов РСДРП связи с центрами партии были лишь эпизодическими, неустойчивыми²⁾. В этом со всей очевидностью кроется одна из причин постоянной слабой осведомленности сибирских организаций РСДРП в общепартийных делах, абстрактный и расплывчатый в принципах характер многих решений и широкая распространенность примиренческих настроений.

Таким образом, если публикации в центральных изданиях партии являются необходимым источником для изучения сибирского рабочего движения, то их количество, структура, характер, размещение в большевистских и меньшевистских газетах в состоянии дать дополнительные знания для анализа всего комплекса материалов, вышедших из среды рабочих и социал-демократических организаций.

Большая работа, проделанная М.В.Ивановой по исследованию периодических и неперидических изданий Западносибирских организаций РСДРП как источника для определения их идейно-политических позиций, существенно расширила представление о содержании этих изданий и уточнила их оценки. В частности, изучение "Сибирского социал-демократического листка" и листовок периода 1903-1907 гг. привели автора к выводу об эволюции Сибирского Союза РСДРП от большевизма в 1903 г. к примиренчеству и уступкам меньшевизму в 1905-м. Листковую пропаганду Иванова расценивает как основное средство политического воспитания рабочих в Сибири вплоть до открытой борьбы осенью 1905 г. Вопросы же специфики названных источников, их особенностей в отражении объективной действительности, как и их

1) Нередкие неточности и ошибки фактического характера, сохранившиеся в письмах и заметках из Сибири, когда речь шла о выступлениях рабочих или партийных событиях, также подтверждают эту мысль.

2) О слабости этих связей упоминается в письмах Н.К.Крупской 1904-1905 гг. Н.Баранский прямо связывал в своих воспоминаниях решения I Общесибирской конференции с неосведомленностью делегатов в партийных событиях. А.Мельников вспоминал, что протоколы II съезда РСДРП попали в Сибирь лишь осенью 1905 г. "Третий съезд РСДРП". Сб. документов и материалов, стр.294-295; Н.Баранский. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Ново-николаевск, 1923; А. Мельников. Красноярская республика 1905 года.

способностей служить исследованию истории сибирских рабочих, в роли самостоятельных авторов не выдвигались.

Дореволюционная агитационно-пропагандистская и информационная печать сибирских комитетов РСДРП-неоднородный по материалам и сложный по своему характеру источник. Ее прежде всего нужно подразделить на нелегальную и легальную, поскольку в зависимости от этого находились форма и содержание публикаций. Затем самостоятельную группу по форме и назначению составят листовки, объявления, бюллетени и т.д. Если вопросы принадлежности в данном случае не требуют обычно большой аналитической работы ¹⁾, то выяснение достоверности содержания обусловлено видом публикации и ее происхождением.

В нелегальных газетах находили место не только публицистические статьи, хроникальные заметки, корреспонденции с мест, но и резолюции, отчеты с собраний, редакционные обзоры событий партийной жизни и т.д. Все они разные как по способу отражения действительности, так и по степени объективности, достоверности. Объективность и достоверность фактов, как и в конечном счете лицо газеты, зависели от многих факторов: от трудности получения в нелегальных условиях информации и невозможности ее проверки, от субъективной позиции автора, от степени его осведомленности, от партийного опыта и партийной позиции редактора и т.д.

По существу от этого же зависело качество листовочной литературы и лицо легальных газет. Различие, конечно, было: листовка редактировалась обычно несколькими членами комитета, т.е. людьми наиболее теоретически и политически подготовленными в организации, а легальное издание зависело в первую очередь от царской цензуры, к которой и приходилось приспосабливаться редакции. Последнее обстоятельство при недостатке партийных литераторов и опытных партийных работников в Сибири, при наличии примиренческой идеологии, приводило нередко социал-демократические газеты к отступлению от принципов пролетарской демократии.

Листовочные издания сибирских комитетов РСДРП, рабочих профсоюзов, военных организаций при комитетах, примыкавших к РСДРП организаций служащих, стачечных комитетов и т.д. до сих пор далеко

В сб. "1905 год в Сибири". Новониколаевск, 1925.

1) Принадлежности не значит происхождения, т.к. установить круг редакторов или лиц принимавших участие в написании и обработке материала листовки или газеты чаще всего невозможно. Правда, черты и ответственность автора в партийной печати берет на себя издатель газеты или листовки, подпись которого находится под ними.

не все выявлены. Поддаваясь соблазну определить их количество можно опереться на следующие данные: за период с 1903 до середины 1907 г. Томским комитетом РСДРП издано свыше 160 листовок средним тиражом от 2 до 5 тысяч экземпляров и около 60, изданных комитетом без указания номера или другими рабочими организациями. Примерно столько же было издано в Красноярске и по 2/3 в Чите и Иркутске. С учетом листовок, выпущенных Сибирским Союзом, Омским комитетом, а также Тюменской, Курганской, Новониколаевской, Барнаульской, Верхнеудинской и другими организациями можно допустить, что к концу Первой революции в Сибири было издано не менее 1500 листовок тиражом от 300 до 500 тысяч экземпляров ¹⁾.

Первая попытка издания периодического органа была предпринята сибирскими социал-демократами в 1902 году ²⁾, а позже она не возобновлялась вплоть до середины 1905 г. ³⁾ Во время Октябрьской стачки органом Красноярского комитета РСДРП был "Стачечный бюллетень" (вышло 9 номеров). Вооруженные восстания в Красноярске и Чите сделали возможным выпуск легальных партийных газет: с 10 по 24 декабря вышло 5 номеров "Красноярского рабочего", а с 7 декабря 1905 г. по 22 марта 1906 - издавался "Забайкальский рабочий" ⁴⁾. Вслед за ними комитеты не упускали случая регулярного обращения к рабочему-читателю, но надолго закрепиться газетам не удавалось. Долше других продержался "Летучий листок" - орган Иркутского комитета РСДРП: с июня 1905 по октябрь 1906 г. вышло 15 номеров газеты ⁵⁾. Попытки выпуска нелегальных газет в Красноярске, Чите, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Тюмени в условиях наступления царизма и постоянных провалов подпольных организаций заканчива-

1) Тираж листовки, изданной типографским способом, обычно указывался. На большинстве листовок указан и их порядковый номер, что позволяло надеяться на уточнение сделанного предположения.

2) С октября 1902 г. по январь 1903 г. Томский комитет выпускал "Бюллетень" - издание газетного типа. Вышло 4 номера.

3) С июля по сентябрь вышло 3 номера "Сибирского социал-демократического листка" - органа Сибирского Союза РСДРП:

4) Вышло 8 номеров. Первые 5 вышли легально под редакцией В. Н. Курнатовского. Остальные - нелегально с участием Н. Баранского. В редакцию "Красноярского рабочего" входили А. Мельников, М. Хейсин, А. Байкалов, В. Моняшко и др. (А. Мельников, Красноярская республика в 1905 г., стр. 87; Очерки истории Красноярской партийной организации, т. 1, Красноярск, 1967, стр. 99). "Сибирский с.-д. листок" редактировался членами Союзного комитета, в состав которого на ивньской конференции, по воспоминаниям И. Ветомкина, были избраны В. Гутковский, Ф. Сухоруков, А. Кузнецова, В. Охачинский, Н. Баранский. Все, кроме последнего, меньшевики (Сибирский Союз РСДРП, стр. 25).

5) В мае-августе 1907 г. была попытка продолжить ее издание, вышло 5 номеров.

лись на первых номерах 1).

Легальная социал-демократическая печать получила распространение в Сибири главным образом в 1910-1914 гг., благодаря усилиям политических ссыльных. Попытки же постановки легальных партийных газет начались с 1906 г. и во весь последующий период дореволюционной истории Сибири они олицетворяли собой стремление сохранить связи с трудящимися массами, противостоять буржуазной пропаганде, продолжать политическое воспитание рабочего класса 2). Эта работа требовала большого политического опыта и тактической гибкости, а тем и другим местные революционеры часто не располагали.

Комитеты РСДРП в годы реакции были в Сибири большей частью разгромлены, связи с партийными центрами практически отсутствовали, и партийные литераторы, предоставленные фактически сами себе, в условиях идейного разброда далеко не всегда сохраняли и проводили партийные принципы в легальных газетах. Тем более, что в Сибири (несмотря на дальнейшую эволюцию меньшевиков к оппортунизму) тенденция к внефракционной работе и организации (т.е. к соглашательству и примиренчеству) оставалась характерной чертой большинства партийных кадров. От этих обстоятельств нельзя отвлечься при источниковедческом анализе происхождения и характера материалов, опубликованных в легальных сибирских изданиях.

1) В 1906-1908 гг. было издано: "Хрюшка", май 1906 - июнь 1907 г. Издание Красноярского комитета РСДРП. Три первых без номера, а последний за № 1; "Рабочий", № 1-2 (август и ноябрь 1907, орган Красноярского комитета); "Листок", январь-февраль 1907 г., № 1-3. Орган Читинского комитета РСДРП; "Голос социал-демократа", январь, март 1907 г., № 1-2. Орган Томского комитета РСДРП; "Барнаульский листок", № 1, 25 янв. и № 2, 14 февр. 1907 г. Орган Барнаульского комитета РСДРП; "Обской рабочий", № 1-5, март-июль 1907 г. Орган Новониколаевской группы РСДРП; "Тюменский рабочий", № 1-5, сент. 1908-январь 1909 г. Орган Тюменского комитета РСДРП. Со значительным перерывом в Иркутске в 1915 г. (апрель-июнь) вышло три номера газеты "Товарищ пролетарий", изданной "Союзом сибирских рабочих". Список изданий и количество выпущенных номеров могут оказаться неполными, т.к. автор опирался главным образом на результаты собственных поисков.

2) В Омске с мая 1906 г. в руки социал-демократов перешла газета "Степной голос", после запрещения в июне продолжилась как "Степной вестник" и затем "Омский пионер" (до 17 окт. 1906 г.). В Верхнеудинске в сентябре-октябре 1906 г. вышло 7 номеров легальной социал-демократической газеты "Прибайкалье", под ред. Ф. Сухорукова и В. Шумяцкого. (После закрытия издавалась под названием "Байкальская волна", "Забайкалец", "Тайга" - по 1-2 номера). В Красноярске 10 февр. 1907 г. вышел единственный номер "Сибирского пути" - органа Кр-го комитета РСДРП; там же в 1908 г. издавался рабочий журнал "Профессиональный справочник" (№ 1-5), редактируемый группой политссыльных; сильным было с.-д. направление в 1908-1910 гг. в газете "Сибирские отголоски", издававшейся в Томске. "Обская жизнь" (1909-1912 гг.) - фактически орган

Материалы периодических и непериодических изданий, являвшихся органами комитетов РСДРП или отдельных групп партийных литераторов, незаменимый источник по широкому кругу вопросов истории сибирского рабочего класса.

Листовки - прямой источник для изучения идеологических и политических позиций комитетов, их тактики, уровня подготовки руководителей, состояния агитационных средств и размеров листовочной агитации. Листовки часто выступают прямым источником и по истории рабочего движения в Сибири, являясь откликами на все его важнейшие проявления. Они служат косвенным источником при определении социального состава сибирских рабочих, уровня их классового сознания и классовой организации.

Так, в листовках после расстрела 9 января и до мая 1905 г. Сибирский Союз РСДРП и местные комитеты в качестве основных тактических лозунгов пропагандировали вооруженное восстание и всеобщую стачку по линии железной дороги¹⁾. Однако тот же источник убеждает: если у руководителей не было плана осуществления того или другого, то рабочие совершенно не были готовы их поддержать. Даже авангард сибирского пролетариата, судя по листовкам Красноярского комитета ("К рабочим мастерских и депо" и "К рабочим красноярских мастерских, голосовавшим против забастовки", апрель-май 1905 г.) по уровню классового сознания и солидарности не мог их принять. О совершенно ином уровне сознания рабочих и их сплоченности свидетельствуют "Стачечные бюллетени" и листовки того же комитета, изданные в октябре-ноябре 1905 г.

Вместе с тем листовки дают большой материал для понимания

Обской группы РСДРП (Новониколаевск, редактор А.Г.Новицкий). "Сиский вестник" с августа 1910 г. стал с.-д. газетой (веди газету К.А.Попов, Н.Н.Суслов, А.Н.Гладышев, Соколов (Митрич). В Иркутске последовательно издавались: "Сибирские огни" (№ 1, 4 апр. 1911 г.), "Сибирская речь" (с 20 июня по сентябрь 1911 г.), "Иркутское слово" (с 31 окт. 1911 г. по 23 мая 1912 г.), "Молодая Сибирь", "Новая Сибирь" (1912 г.). Три последних редактировали Н.Рожков, Н.Чузык, А.Нершов. Сотрудничали в них В.М.Величкина, А.В.Луначарский, М.С.Ольминский, В.Д.Бонч-Бруевич, В.В.Воровский, В.А.Вагин-Выстриянский, В.Н.Соколов и др. большевики. Там же в 1914 г. (декабрь) издан "Сибирский журнал" а в январе 1915 г. - № 1-2 "Сибирского обозрения". В Чите в 1915/1916 гг. с участием большевиков выпускались "Забайкальская новь" и "Забайкальское обозрение" (редакторы соответственно: Д.О.Горбатовский, И.А.Дубов, В.П.Павлова).

1) "В России революция". Изд. Сибирского Союза РСДРП, 10 января 1905 г.; "Ко всем сибирским рабочим". Его же февраль 1905 г.; "Комиссия Булыгина". Его же, май 1905 г.; "К Красноярским рабочим". Изд. Красноярского комитета РСДРП, февраль 1905 г. и др.

социально-политического облика различных слоев местного рабочего класса. Если рабочие железнодорожных мастерских и депо Читы были готовы в ноябре 1905 г. к вооруженному выступлению, то масса рабочих строителей не отваживалась даже на экономическую стачку¹⁾. Уже после опыта открытой классовой борьбы в Сибири Барнаульская группа РСДРП вынуждена была разъяснить местным рабочим ("Пимокатам, шубникам, приказчикам, типографщикам") азбуку политической борьбы²⁾, а Томский комитет - призывать забастовавших шахтеров не ломать оборудование, не пьянствовать, не раздражать солдат и стоять "один за все и все за одного"³⁾.

Листовки позволяют довольно полно проследить тактическую линию руководства рабочим движением в Сибири, сложный процесс выработки местными комитетами РСДРП собственных позиций и практических лозунгов. Анализ комплекса известных и выявленных листовок дает основание утверждать, что несмотря на ряд ошибок, связанных с неопытностью руководителей и уступками меньшевизму, большая часть сибирских комитетов и групп РСДРП на всем протяжении революции придерживалась большевистских тактических лозунгов. Наибольшую последовательность в большевистской линии руководства рабочим движением проявили Читинский и Красноярский комитеты. Содержание листовок Иркутского и Томского комитетов показывает постоянные колебания их руководителей, результатом которых при крутых поворотах событий была чаще всего или растерянность или следование меньшевистским тактическим лозунгам (лозунги параллельных или нелегальных выборов в Думу, соглашение с кадетами в предвыборной кампании, требование рабочего съезда и т.д.).

Описание фактов и событий рабочего движения в России и Сибири, входившее нередко в текст листовок, обычно соответствовало действительности. Но в этой части авторы постоянно зависели от качества исходной информации, а она не всегда получалась из надежных источников. Например, в одной из листовок Томского комитета сообщалось о восстаниях в октябре 1905 г. в Петербурге, Москве, Одессе, Батуми, Тифлисе и других городах⁴⁾. Эти сведения могли попасть в листовку скорее всего вследствие некритического отношения к источнику. Такой случай, к сожалению, не единичен.

Более многоплановым источником являются нелегальные и легальные газеты комитетов РСДРП Сибири. Значение первых, несмотря на короткое время их существования, требует особого рассмотрения.

1) "К рабочим Песчанки". Изд. Читинского комитета РСДРП, 9 ноября 1905 г.

2) Издана в апреле 1906 г.

3) "К углекопам Анжерских и Михельсоновский копей", сент. 1906 г.

4) "К гражданам". Изд. Томского комитета РСДРП, октябрь 1905 г.

Большинство из них (в разной степени) имело разделы общей публицистики, корреспонденций, общесибирской и местной хроники стачечного, профессионального и социал-демократического движения. Для большинства были обычными разделы "Из партии", где печатались материалы общепартийных и местных съездов и конференций. Тираж газетных изданий колебался от одной до 6 тысяч экземпляров, но чаще составлял 4-5 тысяч.

Наиболее крупные (по формату и тиражу) издания, такие как "Забайкальский рабочий", "Красноярский рабочий", "Тюменский рабочий", "Сибирский социал-демократический листок", сочетали в равной мере функции пропаганды и информации, тогда как остальные, имея обычно в качестве передовых статьи по тактическим вопросам, выступали информаторами событий. Осведомленность газет была, конечно, различной, как и теоретический уровень статей, их литературное оформление. Не одинаковыми были и идейно-политические позиции газет.

Как источники по истории рабочего класса Сибири газеты дают исследователю сравнительно большой и доброкачественный материал, свободный от правительственной или буржуазной тенденциозности, изложенный преимущественно с позиций пролетарской партийности. Не менее ценно и то, что при всей эпизодичности изданий, они совместно раскрывают факты и события в разных местах Сибири и на разных этапах движения, позволяя тем самым восстановить имевшуюся между ними связь и отчасти проследить логику их развития.

Полнее других источников газеты отразили процесс развития рабочего движения и рабочих организаций. Опубликованные материалы одновременно в состоянии раскрыть некоторые черты социального облика сибирских рабочих (преимущественно рабочих железнодорожных мастерских и депо) и изменения в них за годы революции. Нелегальные газеты содержат обширный круг фактов о выдающейся роли организации РСДРП в формировании классового сознания и политической активности рабочих. Вместе с тем они в определенной мере помогают понять особенности классовой борьбы в Сибири в начале XX в., трудности в работе местных групп и комитетов РСДРП.

По свидетельству "Сибирского социал-демократического листка" к началу революции "под непосредственным влиянием организации находилось по всей Сибири не больше двух - двух с половиной сотен рабочих". И агитируя за всеобщую стачку по линии железной дороги, руководители зимой и весной 1905 г. рассчитывали не на сознание и организацию рабочих, а "на общий самопроизвольный подъем революционного чувства"¹⁾. Даже летом 1905 г. из трех-

1) "Сибирский социал-демократический листок", № 1.

тысячного коллектива рабочих Красноярских мастерских и депо на собрания приходило лишь 100-150 человек, а во время августовской стачки сторонникам ее пришлось выдержать не одно столкновение со значительной массой противников из среди тех же рабочих¹⁾. "Главный недостаток местной работы, - говорилось в корреспонденции из Красноярска, - это неимение достаточно широкой рабочей организации, на которую опирался бы комитет"²⁾.

В информации из Читы об июльско-августовской стачке автор также отмечал недостаток солидарности и классового сознания рабочих. В частности, вызванные к губернатору "зачинщики" стачки (по данным полиции) после его "разъяснений" заявили, что "никаких политических требований они не принимали", а это дело рук приезжих агитаторов³⁾.

Иные черты в рабочем движении отмечают газеты в октябре-декабре 1905 г. 14 октября на собрании рабочих мастерских и депо Красноярска присутствовало до 3 тысяч человек. Рабочие поддержали политические требования российских товарищей, приняли приветствие к РСДРП, приняли решение о помощи семьям тех, кто не может продержаться без работы. "С чувством полного удовлетворения, - говорилось в "Стаечном бюллетене" № 2, - комитет заметил необычную дисциплинированность и выдержанность". О выросшем политическом опыте рабочих и их классовой организации говорят номера "Забайкальского рабочего". В частности, к декабрю лишь в профсоюзе рабочих мастерских и депо Забайкальской дороги было 2,5 тыс. рабочих⁴⁾. О сплоченности и классовом сознании рабочих свидетельствуют отчеты в "Красноярском рабочем" о работе комиссий Совета рабочих депутатов. Новые социальные черты авангарда сибирских рабочих раскрывают обе последние газеты, характеризуя их действия в период вооруженных восстаний. По хронике событий можно видеть насколько быстро революция воспитывала, обучала, сплачивала.

Но материалы газет раскрывают и другую сторону истории сибирских рабочих: пролетарский авангард в основном составляли в Сибири рабочие железнодорожных депо и мастерских. Им даже в Октябрьскую стачку приходилось "снимать" большую часть своих товарищей, занятых в промышленных предприятиях городов и продолжавших рабо-

1) Там же, № 2 и 3.

2) Там же, № 2.

3) Там же, № 3. Позже они просили прощения у товарищей, объяснив свой поступок трусостью (там же). "Забайкальский рабочий", № 5.

4) "Хроника", 31 мая 1906 г.

тать. Если рабочие красноярских дело и мастерских в мае 1906 г., создали "Комиссию по оказанию помощи заключенным и уволенным"¹⁾, то рабочие завода Машарова в Томени отказались собрать деньги семье погибшего товарища²⁾. Такие источники, как "Барнаульский листок" и "Голос социал-демократа", показывают, что рабочие мелких городских заведений стали способны к борьбе лишь в конце 1906-начале 1907 гг.³⁾ В самом промышленном городе Сибири - Томени - уже после революции газета "Тюменский рабочий" из номера в номер выступала против пьянства, хулиганства, враждебной конкуренции среди рабочих заводов и мастерских. "В Томени рабочий спит еще глубоким сном, - отмечалось в разделе "Хроники", - Рабочее движение еще не существует". Есть профсоюзы приказчиков, портных и сундучников, "но и они живы потому, что мертвы, т.е. ровно ничего не делают"⁴⁾.

Фактов, говорящих о разном уровне развития рабочих различных отраслей труда и в разных местах Сибири, о разной мере их участия в рабочем движении, газетные издания содержат довольно много.

Значительная часть нелегальных газет посвящалась хронике рабочего движения. Публиковались не только факты стачек, собраний, создания профсоюзов, рабочих боевых дружин и т.д., но часто характеризовался и весь круг обстоятельств, сопровождавших события. В этом смысле газеты являются единственным источником, раскрывавшим подробности борьбы рабочих с позиций пролетарской объективности.

Содержание нелегальных изданий газетного типа позволяет довольно точно определить идейные и тактические принципы их редакций. От первого до последнего номера проводила большевистскую тактическую линию газета "Забайкальский рабочий". Явно преобладающей была эта линия в "Красноярском рабочем" и "Тюменском рабочем", "Хронике". Меньшевистская идеология и политика определила характер редакционных статей и части информационных публикаций в "Летучем листке", "Голосе социал-демократа", в "Листке" № 3 Читинского комитета. Значительные колебания в идеологии проявлялись у редакций "Барнаульского листка" и "Обского рабочего", причем иногда эти колебания уводили газеты с пролетарских классовых

1) "Хроника", 31 мая 1906 г.

2) "Тюменский рабочий", № 1.

3) "Барнаульский листок", № 1 ("Пимокат просыпается");
"Голос социал-демократа", № 2 ("Хроника").

4) "Тюменский рабочий", № 1.

позиций 1). Не имел постоянного лица "Сибирский с.-д. листок". В первом номере редакция по сути проводила линию нейтралитета. Второй вышел с ярко меньшевистской передовой статьей, а в третьем - редакция от нее категорически отказалась, выступив с большевистскими тактическими лозунгами.

Редакции газет несомненно выражали идейные принципы организаций, от имени которых они выступали. В этом убеждает совокупный анализ резолюций, отчетов, листовок и редакционных газетных статей. Однако абсолютизировать такой вывод нельзя. Идейная борьба внутри организаций РСДРП в разное время и на разных участках работы всегда решалась соотношением нескольких категорий руководителей; большевиков, меньшевиков, примиренцев и неопределивших своего отношения к оппортунизму в РСДРП.

Состав же руководителей менялся постоянно, находясь в зависимости от факторов, случайных с точки зрения внутренних закономерностей развития движения; аресты, отъезд, попавших под слежку, пополнение за счет смыслных и т.д. В итоге в редакциях газет, как и на других участках партийной работы, могло на какое-то время складываться идейное направление, не выражающее идеологической платформы организации в целом. Редакционные материалы газеты в таких случаях могут служить источником лишь по конкретной ситуации идейно-политической борьбы 2).

Газеты, как и другие материалы сибирских комитетов РСДРП, избегали открытого обсуждения причин и характера разногласий в РСДРП, а тем более - открытой критики меньшевизма как оппортунистического течения в партии. Но они в своих редакционных статьях дают больше сведений о причинах, формах и живучести этого явления, чем другие источники партийного происхождения. Характерной иллюстрацией в этом смысле может служить редакционная статья № 1 "Тюменского рабочего".

Статья довольно четко формулировала большевистскую тактику сочетания легальной и нелегальной работы, использования Думы как трибуны для разоблачения черносотенного правительства и политического воспитания трудящихся, возражала тем, кто предлагал отозвать социал-демократов из Думы. Осуществление этой тактики тре-

1) Например, в "Барнаульском листке" № 2 была опубликована редакционная статья "Что нужно народу? Земли и воли", которая затуманивала различия пролетарской и мелкобуржуазной демократии. "Обской рабочий" перепечатал статью.

2) Например, изменение тактической линии "Сибирского с.-д. листка" от второго номера к третьему в примечании редакции объяснялось не изменением позиции Сибирского Союза, а "переменной в составе редакции".

бовало, по мнению редакции ¹⁾, "строгой согласованности в действиях и терпимого отношения к разным фракционным мнениям, существующим в нашей партии". Поэтому редакция считала необходимым подчеркнуть, что "ни одна из форм нашей агитации не будет окрашена в тот или иной фракционный цвет, т.к. считаем, что больше, чем когда-либо, нам необходимо организационное единство".

Таким образом, руководители Тюменского комитета ²⁾ считали средством достижения организационного единства не выработку единой идеологии и политики путем борьбы с оппортунизмом, а "терпимое отношение к разным фракционным мнениям", которое, как известно, не дает действительного организационного единства.

Отмеченная статья, как и аналогичные взгляды в "Летучем листке", "Сибирском социал-демократическом листке", "Голосе социал-демократа", высказанные в период революции, достаточно проясняют происхождение примиренчества, а с другой стороны, они убеждают в том, что большая часть газет сибирских комитетов РСДРП не отражала идеологического состояния организаций и является в этих вопросах гораздо менее надежным источником, чем протоколы и резолюции съездов, конференций, отдельных организаций РСДРП.

Содержание корреспонденций и хроник, помещенных в газетах, в состоянии служить основой при исследовании конкретных событий рабочего движения, действий партийных организаций, уровня марксистской революционной мысли в Сибири в начале XX в. Но степень достоверности фактов, попадавших в печать, была неодинаковой. Привлечение фактов, их отбор, группировка и интерпретация зависели не только от осведомленности и ответственности корреспондентов, а и от их способности уловить связь характеризуемого факта с событиями, обусловившими его содержание. Лишь это гарантировало от смещений в трактовке существенных черт факта, от односторонности описания события в целом. При том уровне теоретической подготовки корреспондентов и при наличии оппортунизма в рабочем движении сочетание указанных условий не было заурядным явлением. Кроме того, при острой идеологической борьбе внутри организаций (и редакций газет также) отбор и интерпретация фактов при освещении тех или иных событий часто зависели от состава редакции.

Далеко не последнюю роль играл и тот факт, что редакции нелегальных партийных газет обычно не могли проверить достоверность

¹⁾ Редактором газеты был А.Сольц.

²⁾ В № 4 газеты была опубликована такого же смысла резолюция комитета.

корреспонденций, вынуждены были подчас пользоваться случайными источниками и собственной интуицией в оценке качества поступавшего материала. Ошибки в хронике и корреспонденциях с мест практически были неизбежны. Для иллюстрации отметим некоторые из них.

Один из руководителей Томского комитета РСДРП в письме в редакцию "Искры" (24 мая 1903 г.) обращал внимание на следующее: "Прошу более критически относиться к корреспонденциям, не подписанным Тоблер. В № 37 извращены факты... Общество врачей и не думало о подаче протеста... Извращены факты в письме студента по поводу 20 февраля в № 36..."¹⁾ В корреспонденции из Омска в газету "Вперед" были не только преувеличены волнения рабочих депо и мастерских в декабре 1904 г., но и количество занятых на этих предприятиях рабочих увеличено в 2,5 раза²⁾. В газете "Пролетарий" 31 октября 1905 г. была опубликована статья "Массовая забастовка в Сибири", в которой содержалось много неточностей. Сообщалось, например, что в августе забастовали "все промышленные заведения Томска", тогда как в действительности в начале июля бастовали все типографии и часть мастерских города³⁾.

Меньшевистский "Социал-демократ" об этой же стачке опубликовал статью под названием "Всеобщая стачка по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог"⁴⁾. Уже название статьи давало искаженное представление о событиях: стачка не была всеобщей, поскольку рабочие выступали в разное время летом 1905 г. и далеко не все, а лишь депо и мастерских⁵⁾.

Меньшего размера, но не исключениями, были фактические неточности и ошибки в местных газетах комитетов РСДРП. Так, в "Летучем листке" № 2 было сообщение о стачке в депо Томска, которой в действительности не было. "Забайкальский рабочий" в № 4 также по недостоверным данным опубликовал эпизод с убийством провокатора в Иркутске во время почтово-телеграфной стачки. В "Обском рабочем" № 5 было указано число арестованных рабочих в Красноярске. С сообщением о том, что это число было преувеличено почти в 2 раза следом

1) Переписка В.И.Ленина и редакции "Искры" с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг., т.3. М. 1970, стр.379. Речь идет о корреспонденции "Томские события" в "Искре" № 37 и о студенческой демонстрации 20 февраля 1903 г., заметка о которой была напечатана в предыдущем номере.

2) "Вперед", 21 февраля 1905 г.

3) Революционное движение 1905-1907 гг. в Томской губернии, стр.48-52.

4) "Социал-демократ", 15 сентября 1905 г.

5) И тоже далеко не всех, а лишь крупнейших станций сибирских железных дорог. Рабочие почти половины названных в газете станций ни в июле, ни в августе не бастовали.

выступила "Хроника" (№ 1).

Как свидетельствовала поправка редакции "Тюменского рабочего", даже местные корреспонденты в свою газету сообщали непроверенные факты¹⁾. Невозможность для нелегальных изданий иметь своих постоянных корреспондентов, невозможность, как правило, общения с ними, проверки содержания их писем, наряду с уверенностью некоторых авторов в необходимости для пользы дела корректировать действительность, делали такого рода неточности и ошибки практически непреодолимыми.

Поэтому обращение к корреспонденциям с мест, к хронике и другим материалам газет, с целью реконструкции фактической истории рабочего движения в Сибири, должно сопровождаться привлечением дополнительных источников, в которых факты и события получили более документальное отражение.

Но необходимость сопоставительного анализа содержащихся в периодических изданиях сведений несколько не умаляет значения их как источников. Тем более, что отмеченные недостатки нельзя распространять на все разделы газетных публикаций. Например, газеты очень точно передавали текст резолюций, отчетов, обращений комитетов РСДРП, печатая их чаще всего дословно. Речь идет о научной критике источника как обязательном этапе источниковедческой работы исследователя, посредством которой определяется степень достоверности информации и авторитет источника в целом. В данном конкретном случае приведенные факты лишь подтверждают ошибочность переноса авторитета организации на оценку ее изданий, поскольку в них субъективность в восприятии и отражении действительности была обычно гораздо большей, чем в действиях организации.

Легальные газеты, находившиеся под руководством или влиянием сибирских организаций РСДРП, а также под влиянием сырьевых социал-демократов²⁾, в силу цензурных условий существования вынуждены были искать иные средства и формы партийной пропаганды и информации. Это обстоятельство значительно затрудняет анализ редакционных и авторских публицистических статей, поскольку их содержание

1) Редакция по требованию рабочих в № 5 сообщила, что ранее опубликованные данные о продолжительности рабочего дня судовых команд и на заводе Машарова "не соответствуют действительности".

2) Об участии сырьевых социал-демократов в сибирской печати имеется ряд работ: В.И. Николаев. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка. "Каторга и ссылка", 1928, № 4, 6; Н. Чуяков. Ссылка и областничество. "Сибирская ссылка". М., 1927; Н.Д. Овсянников. Иркутская периодическая печать в ленской забастовке 1912 г. Записки Иркут. обл. краеведч. музея, вып. 2. Иркутск, 1961; М.Е. Шейнфельд. В.А. Ватин-Быстрицкий как историк Сибири. Ученые записки

вуализировалось намеками, историческими параллелями, глухими ссылками на местные конфликты, известные современнику-читателю, но не известные историку и т.д. Аналогично материалы о положении рабочих, их выступлениях и организации могли проникать в печать лишь в виде констатации фактов без пояснений их социально-политической сущности. Поэтому, за немногим исключением, их место было в отделе хроники.

Вместе с тем в легальных газетах Сибири, носивших в той или иной мере партийный характер, сотрудничали (и нередко в равной степени) большевики и меньшевики, что проявлялось на принципиальном содержании статейных публикаций и акцентах в хроникальных заметках.

Отмеченные особенности усложняют источниковедческую критику названного источника, но не меняют общего подхода к нему и принцип анализа. Здесь также на первом месте необходимость выяснения идейного характера организации и редакции, издававших газету, установление авторской принадлежности статей, определявших ее лицо. Сделать то и другое возможно лишь путем привлечения других групп источников, противоположных по своему происхождению и характеру. Например, мемуаров участников революционной борьбы и документов административно-жандармских учреждений, осуществлявших наблюдение за печатью.

Качество информативных материалов легальных газет в сущности зависело от тех же обстоятельств, что и нелегальных. Правда, они располагали лучшими средствами для проверки содержания фактов, но это не гарантировало, как показывает хроника рабочего движения, от неточностей и ошибок того же порядка. А поскольку в большинстве указанных легальных газет Сибири ни большевики, ни социал-демократы вместе взятые не были единственными или безраздельными хозяевами положения на всем протяжении их существования, то даже достоверные в основе своей факты, отражавшие положение, состав и борьбу местных рабочих, сопровождалась нередко акцентами и подтекстом, открывавшими путь к их искаженному толкованию. Поэтому названные легальные издания не только более сложный, но и не столь редко менее объективный в сравнении с предидущим исторический источник.

Разумеется, как сам источник, так и высказанные о нем суждения нельзя воспринимать односторонне. Отражая сложное переплетение острейших проблем современности, партийная публицистика (а периодические

Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. 1963, № 9-10. Абакан; Л. П. Сосновская. Об участии политического ссыльного Восточной Сибири большевика В. Н. Соколова в нелегальной периодической печати г. Иркутска (1910-февр. 1917 г.). Ссылочные революционеры в Сибири, вып. 1. Иркутск, 1973.

и непериодические издания комитетов РСДРП одинаково представляют этот литературный жанр) была сама продуктом и составной частью современности, испытывая на себе ее постоянное влияние. Если партийность, по определению В.И.Ленина, "есть результат и политическое выражение высокоразвитых классовых противоположностей"¹⁾, то в Сибири начала XX в. незавершенность в развитии таких противоположностей давала себя знать в партийной публицистике, особенно в легальных изданиях. К таким выводам приводит их источниковедческий анализ.

Незаконные и законные издания, содержание которых определялось партийными публицистами, входят в группу основных источников по истории рабочего класса Сибири. Их достоверность и объективность в отражении исторической действительности, как правило, выше публикаций официального и буржуазного происхождения, хотя и нет оснований абсолютизировать такое противопоставление²⁾. Одновременно партийная публицистика - незаменимый источник по истории идеологической борьбы, которую вели местные и смыльные большевики с либералами и мелкобуржуазными демократами за классовое воспитание и классовую организацию сибирских рабочих.

* * *

Буржуазная периодическая печать в Сибири на всем протяжении эпохи капитализма была основным видом литературы, отражавшим, насколько это было возможно в рамках цензурного режима, актуальные проблемы общественной жизни края³⁾. В ней менее, чем обычно в буржуазной прессе того времени, было выражено разделение на изложение фактов и изложение мнений; публицистичность была ее характерной чертой наряду с ярко выраженной оппозиционностью основной массы изданий и с тенденцией к демократизму в освещении местной социальной жизни. Причин, объясняющих указанное явление, было несколько.

1) В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 274.

2) Например, сведения о численности рабочих на отдельных предприятиях, о количестве уволенных, арестованных, о количестве участников стачек, продолжительности стачки и т.д. по понятным причинам обычно точнее отражены в делопроизводственных документах административных учреждений. Обычно, но не всегда. В зависимости от конкретных ситуаций представители власти бывали заинтересованы в искажении и этих цифровых данных.

3) Из обзора исключены официальные периодические издания - "Губернские ведомости" и другие, - поскольку они носили за немногим исключением узко-специфический характер: публикация правительственных известий, циркуляров и распоряжений органов центральной и местной власти, информация о движении по службе и т.д. Их значение как источника по истории местных рабочих невелико. Нерегулярно в приложениях и газетах печатались отчеты горных управлений, казенных па-

Периодическая печать в Сибири служила основным видом общественно-политической литературы в силу отсутствия других каналов выражения общественных взглядов и мнений. С момента появления неофициальных газет и до 1917 года их сотрудниками были политические ссыльные, использовавшие печать для пропаганды своих идей. Немалую роль в выработке черт оппозиционности сыграл и сибирский патриотизм областников, активно участвовавших в создании буржуазной прессы в Сибири и не упускавших случая противопоставлять ее интересы интересам правительства и России в целом. Наконец, сам состав сибирского населения и незавершенность в нем процессов, характерных для развитого капиталистического общества, создавали почву для народнически-демократических настроений части местной интеллигенции.

Конечно, буржуазная печать в Сибири по своему характеру, идейным позициям не оставалась неизменной. До революции 1905-1907 гг. она развивалась на сравнительно однородной идейно-политической платформе, основу которой составляли взгляды либерального народничества. За годы Первой русской революции местная периодическая печать быстро "повзрослела", став ареной противоборства различных по классовым устремлениям общественно-идейных направлений. Был небольшой период (с осени 1905 г. до января-февраля 1906 г.), когда издания выходили практически бесцензурно и открыто выражали классово-политические интересы тех слоев населения, которым они намеревались служить. Самоопределение и размежевание внутри буржуазной прессы необыкновенно ускорилось. Именно тогда определились основные направления в сибирской буржуазной печати: мелкобуржуазно-демократическое, либерально-буржуазное и черносотенно-монархистское.

Третий период (1907 - февраль 1917 г.) принципиальных изменений в эту структуру не внес, хотя смещения внутри направлений, особенно в 1910-1914 гг., были спутниками их существования. В частности, наибольшую подвижность сохраняла мелкобуржуазно-демократическая печать Сибири, колебавшаяся в значительной своей части в зависимости от событий общественно-политической жизни России от революционного демократизма к буржуазному реформаторству.

Сибирская буржуазная периодика до сих пор не привлекала внимания исторического источниковедения. Ее материалы в исторической литературе используются главным образом как хранилище тех или иных фактов, извлечение которых укрепляет фундамент исследования. За-

дат, статистические обзоры промышленности. Иногда расширялись в "Губернских ведомостях" неофициальные отделы, куда попадали материалы об условиях найма, положении рабочих, очерки быта и т.д.

трудняет работу с названным источником отсутствие специальных библиографических обзоров и каталогов ¹⁾, неполнота комплектов газетных и журнальных изданий, разбросанность их по многим местам хранения, утрата некоторых из них ²⁾.

Подцензурная периодическая печать в Сибири эпохи капитализма — обширный источник. Она насчитывает свыше 300 изданий газетного и журнального типа, выходивших в разное время с 1861 по 1916 г. До 90-х гг. неофициальные издания единичны; к началу XX в. их уже около 30, а в 1906 г. — 118. В канун мировой войны в Сибири издавалось 86 газет и 31 журнал (включая официальные). Правда, большинство частных изданий волею цензуры и администрации Сибири заканчивало свое существование на первых номерах. Особенно это характерно для печати 1906—1912 гг. За весь дореволюционный период было не более 20 газет, чей "возраст" перевалил за 5 лет. Только в 1906 г. по суду и административно в Сибири было запрещено 23 издания. Тем не менее в совокупности периодические издания содержат большой и разносторонний материал по социально-экономической и политической истории края. Изменение общего правового положения печати в России после 1905 г. значительно расширили возможности публикации материалов о положении рабочих, стачечной борьбе, рабочих организациях и т.д. Рабочий вопрос стал более широко освещаться и на страницах сибирских газет.

Вопросы состояния и развития местной промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли занимали видное место в периодике Сибири. Чаще всего в связи с ними поднимались проблемы рабочего класса. С 1905 г. публицисты все более обращают внимание на социальное содержание проблемы пролетариата в России и в связи с этим на страницах газет появляются статьи о местном пролетариате, его классовом облике, роли в общественной жизни, условиях его роста в Сибири и т.д.

Однако таких статей было немного сравнительно с публикациями

1) Первая попытка составления библиографического обзора периодической печати Сибири в советское время была предпринята составителями Сибирской Советской Энциклопедии (А.Турунов, Газеты, Период дореволюционный (1857—1916). СССР, т.1, Новосибирск, 1929; С.Дурмин, П.Лазаринов, А.Киржич, З.Матвеев, А.Милютин, М.Слабодской. Журналы и временники. Там же). Частичный обзор дореволюционной печати дан в третьем томе "Истории Сибири" (Л., 1968). Наиболее полный каталог сибирских изданий имеется в книгах: Н.М.Лисовский. Русская периодическая печать 1703—1900 гг. Пб., 1915; Л.Н.Беллева, М.И.Зиновьева, М.И.Никифоров. Библиография периодических изданий России. 1901—1916 гг., тт. I—IV. Л., 1958—1961.

2) Наиболее полно представлена сибирская печать в Газетном фонде Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина и в библиотеке Ленинградского отделения АН СССР, но и там многие комплекты не полны, а многие отсутствуют.

на экономические темы. Общий взгляд либерально-народнической, а затем и кадетско-областнической публицистики на классовый состав сибирского населения как на сравнительно-однородный, в котором рабочие в своей основной массе представляют не пролетариат, а местных и пришлых крестьян, препятствовал серьезному и регулярному обсуждению рабочего вопроса на страницах печати, препятствовал в немалой степени и объективности в оценке тех или иных его проявлений в Сибири. Большая часть публикаций по рабочей тематике — это корреспонденции, репортерские отчеты, хроникальные заметки, перепечатки из российских изданий.

В количественном выражении основную часть материалов о рабочих помещала на своих страницах мелкобуржуазно-демократическая печать. Интерес либерально-буржуазной прессы к местным рабочим заметно повышался дважды: в 1905—1906 и 1910—1914 годах. Нет надобности пояснять первый период; второй же имел в основе общие с ним причины. Буржуазная печать тогда демонстрировала свой демократизм и прогрессивность, стремясь привлечь на свою сторону низы сибирского населения. Отмечая этот факт, томская газета "Сибирское слово" в 1911 г. писала: "За последнее время появилось много прогрессивных газет в кавычках, которым в сущности до всех высоких принципов столько же дела, сколько до прошлогоднего снега" ¹⁾.

Вплоть до начала XX в. вопросы состояния сибирской промышленности и наемного труда освещались преимущественно в наиболее крупных газетах Сибири и специальных журналах. Такими газетами были "Сибирь", "Сибирская газета", "Восточное обозрение", "Степной край", "Сибирская жизнь" ²⁾. Очерки, статьи и служебные отчеты по тем же вопросам печатались в таких изданиях журнального типа, как "Сибирский сборник", "Вестник золотопромышленности" и горного дела вообще, "Известия Томского городского общественного управления" и некото-

1) "Сибирское слово", 23 июля 1911 г. Статья "Очерки трудовой жизни в Сибири" за подписью "Володарь". Газета выходила в 1910—1911 гг. Издавал М.И. Преловский, редактировал В.Д. Маракулин. Сотрудничали социал-демократы и эсеры.

2) "Сибирь" выходила в Иркутске в 1875—1882 гг. Первым редактором был В.И. Вагин. "Сибирскую газету" в 1881—1888 гг. издавал в Томске П.И. Макушин. "Восточное обозрение" в 1882 г. основал А.М. Ядринцев, перенесший в 1888 г. издание в Иркутск. Редакторами газет в Сибири последовательно были: В. Омурков, Д. Клеменц, А. Ушаков, И. Шешунов, В. Демьяновский, И. Попов. Газета была закрыта в январе 1906 г. "Степной край" издавался в Омске с 1895 по 1905 г. Первым редактором был Т. Чермак. Позже А. Демин, И. Усов, Г. Данилов. Газета закрыта, как и "Восточное обозрение" по административному распоряжению, "Сибирскую жизнь" (1897—1916 с перебивками). Изд. П.И. Макушин (со сред. 1902 по осень 1905 г.), И.А. Малиновский и М.Н. Соболев. В 1906—1907 гг. газета выходила под названием "Си-

рых других ¹⁾.

По своему характеру это были преимущественно либерально-на-роднические издания. Эволюция большинства из них к буржуазному либерализму началась лишь в конце 90-х - начале 900-х гг. и не завершилась к Первой русской революции. Поэтому резко-критический тон был присущ большинству публикаций об условиях наемного труда в Сибири. Авторами основной массы статей и заметок в названных газетах были политические ссыльные: А.П. Шапов, Д. Клеменц, С. Чудновский, С. Швецов, П. Голубев, Л. Чермак, А. Буланов, И. Зобнин, И. Гурвич, Л. Красин, А. Беляков, Ф. Ленгник, П. Лепешинский и другие. На тон и идейное содержание ряда статей о рабочих в Сибири в таких газетах, как "Сибирь", "Сибирская газета", "Восточное обозрение" оказали заметное влияние областники, имевшие крепкие позиции в сибирской печати на всем протяжении ее дореволюционной истории.

Принадлежность большей части газетных публикаций о рабочих в 70-90-е гг. политическим ссыльным, а не сибирским патриотам (каковыми называли себя областники) поясняет многое. Областная интеллигенция не считала тогда рабочий вопрос актуальной проблемой сибирской жизни и соответственно относилась к нему. Ссыльные народники подходили к нему с общедемократических, но не с классовых позиций и не могли связать наблюдаемую ими эксплуатацию рабочих с приходом в Сибирь капиталистического производства. Отсюда в печати констатация возмутительных фактов без объяснения их исторической и социально-экономической природы. Возмущение дикими нравами на приисках Сибири, сопровождаемое сетованиями на бескультурие и хищничество предпринимателей.

А с другой стороны, если представители местной интеллигенции, сотрудничавшие в печати, имели возможность собрать значительный материал о промышленности и рабочих, но редко пользовались им, то ссыльные чаще всего располагали информацией отрывочной и не из первых рук. Последнее сказывалось на качестве их корреспонденций

бирская мысль", редактировали М.Р. Бейлин и В.А. Обручев. С 1908 г. редакторами были Бейлин, В.Л. Малеев, Г.Б. Байтов, А.П. Таловский, Т.В. Каплин.

1) "Сибирский сборник" выходил в Иркутске как научно-литературное периодическое издание с 1885 по 1905 г. Издавался редакцией "Восточное обозрение" как приложение к газете. "Вестник золотопромышленности и горного дела вообще" издавался в Томске с 1892 по 1903 г. Ред.-издатель горн. инженер В.С. Реутовский (с 1900 г. - Э.К. Фрейман). В 1904 г. издание перенесено в Петербург, а с 1907 до 1918 г. продолжено под новым названием - "Золото и платина". "Известия Том. город. общ. управления" (1886-1913 гг.) издавались как отчеты Городской Думы. Аналогичны "Известия Иркутской Думы" (1886-1913), "Обзоры хозяйства г. Красноярска (1902-1913) и

и на конкретно-фактической основе их публицистических выступлений в печати ¹⁾. Нередко точность их сведений была очень относительной.

Вплоть до начала 90-х гг. публикации о рабочих в сибирской печати редко выходили за рамки золотопромышленности. Преобладали корреспонденции и очерки условий труда, найма, быта рабочих отдельных приисков в разных местах Сибири. Чаще других рабочая тема освещалась на страницах "Сибири" и "Восточного обозрения". Со середины 90-х гг. рабочая тематика расширяется: появляются статьи и хроникальные заметки о строителях, железнодорожниках, кожевниках, слесарях, приказчиках и т.д. ²⁾ Одновременно газеты начинают интересоваться причинами обострения рабочего вопроса в России. Появляются статьи о рабочем движении на Западе, обзоры социалистической и политико-экономической литературы, выходящей в России и за рубежом.

Из периодики названного периода больше других материалы о горнорабочих Сибири публиковал журнал "Вестник золотопромышленности и горного дела вообще". Только в 1892-1900 гг. в нем было опубликовано около 30 публицистических и исследовательских статей. В отделе "Хроника" регулярно печатались известия о побегах рабочих, стачках, несчастных случаях, нарушениях правил о найме и т.д. Поскольку авторами и корреспондентами обычно выступали в нем горные инженеры и служащие горных округов, т.е. лица, располагавшие специальными знаниями и солидной информацией официального и неофициального характера, их публикации чаще всего содержали факты, в своей основе соответствовавшие действительности.

Значительная часть статей журнала была посвящена обсуждению закона 1895 г. о найме рабочих на прииски. В связи с этим экскурсы в прошлое, комментарии существующих отношений между рабочим и нанимателем, обсуждение мер наблюдения за исполнением Закона,

другие. Ценность этих источников для разработки истории промышленности и рабочего класса невелика.

1) В данном случае не имеютя специально-исследовательские статьи А.Буланова, С.Швецова, П.Голубева, Н.Зобнина и других в "Сибирском сборнике", "Восточном обозрении", "Сибирской жизни".

2) Например: Из суда "Стелной край", 20 августа 1895 г.; Из жизни приказчиков. "Восточное обозрение", 17 июля 1896 г.; Живой Веракот. Столяры и экипажники. Там же, 19 октября 1897 г. Продолжение его заметок о сапожниках, кожевниках, слесарях, кузнецах, портных и других публиковалось 31 октября, 12 и 28 ноября в той же газете; *Воляна*. Подсмение труда в промышленных заведениях г. Томска. Там же, 9 марта 1900 г.; Его же. Кожевенные заводы г. Томска. Там же, 9 августа 1900 г.; Каменотес. С восточного участка Кругобайкальской железной дороги. Там же, 26 мая 1900 г.; *Ми. Бийский*. Личный состав Сибирской железной дороги. "Сибирская жизнь", 28 октября 1902 г.

публиковавшиеся в журнале, даёт большой материал как по истории приисковых рабочих, так и взглядам технической интеллигенции и чиновников горного ведомства на проблему.

Редакция стояла на либеральных позициях, ее идеалом был "культурный", регулируемый правительством капитализм. Отсюда предложение попечительской политики относительно рабочих и критическое отношение к "азиатскому" старокупеческому методу эксплуатации рабочих золотопромышленниками¹⁾. Такой подход обусловил появление в печати значительного количества фактов, разоблачающих хищническое отношение к наемному труду в Сибири. Важным источником служат особенно издававшиеся в приложениях к журналу отчеты Уральской, Томской и Иркутской горных областей²⁾.

В периодических изданиях второй половины XIX в. и начала 900-х гг. бесполезно искать обобщающие статистические данные о размерах наемного труда в Сибири или ее отдельных районах. Точно также — о социальном происхождении рабочих и продолжительности работы по найму! Печать этого времени в совокупности даёт главным образом иллюстративно-описательный материал о золотых приисках, техническом состоянии заводов (Перовский, Абаканский, Гурьевский); об условиях труда рабочих и ремесленников в отдельных заведениях, на строительстве железной дороги; о быте и социально-психологических чертах формирующейся рабочей массы и т.д. По этим материалам нельзя составить сколько-нибудь полное представление о процессе формирования капиталистического производства и армии наемных рабочих. Но они незаменимы как свидетельства современников и наблюдателей, оставивших не только факты, а свое понимание и свое отношение к ним³⁾.

Социально-экономическая тематика выходит на первый план в сибирской периодике в годы Первой русской революции. Борьба российского пролетариата и местных рабочих поворачивает буржуазную прессу к проблемам рабочего класса. Наибольшее внимание обращает

1) Попадали на страницы журнала статьи и иного характера. Так, инженер Кулибин основные беды сибирской золотодобычи объяснял непригодностью рабочего (лодырь, пьяница, бродяга, не понимающий обязанностей перед хозяином и законом) и лишь в расширении власти промышленника над ним видел выход. (Наша золотопромышленность. Рабочий вопрос. "Вестник золотопромышленности..."; 1894, № I, II, V, VII). За весь период существования идейные позиции журнала заметно сместились от народнического либерализма к буржуазному.

2) По последней публиковались нерегулярно.

3) Кроме сибирских изданий отдельные статьи публицистического и научного характера, затрагивающие вопросы положения рабочих в Сибири или специально посвященные им, публиковались изредка в

на рабочее движение печать мелкобуржуазная по социальному содержанию и демократическая по своему характеру. Заметно сдвинулась влево в 1905 - нач. 1906 г. часть либерально-буржуазных изданий.

Жизнь и борьба сибирских рабочих в этот период наиболее подробно освещалась в газетах "Сибирский вестник" (Томск), "Забайкалье" (Чита), "Народная летопись" (Новоиколаевск), "Голос Сибири" (Красноярск), "Сибирское слово" (Верхнеудинск), "Сибирская мысль" (Томск), "Степной голос", "Степной пионер", "Сибирский приказчик" (Омск)¹). Регулярно публиковал материалы о горнорабочих журнал "Горные и золотопромышленные известия", имевший общесибирский характер²). Все эти органы печати, за исключением последнего, представляли тогда демократическую прессу Сибири, отличаясь друг от друга в тех же пределах, в каких отличался революционный демократизм от мелкобуржуазного реформизма.

Во многих случаях их классово-политические позиции не были четко определенными, являя смешение пролетарского и мелкобуржуазного демократизма. Однако от других направлений сибирской печати периода революции почти всех их отделяет не только последова-

литературных и специальных журналах Петербурга, таких как "Вестник Европы", "Северный вестник", "Русское богатство": "Право", "Вестник финансов, промышленности и торговли" и др. Поскольку они не имели принципиального отличия от местных публикаций в печати, нет смысла их рассматривать отдельно. Важнейшие из них указаны в историческом очерке.

1) "Сибирский вестник" (1885-1905) до 1902 г. был почти единственным в Сибири официально-монархическим изданием среди неофициальных газет. С середины 1903 г. с участием сильных газета приобретает народнически-эсеровский характер. Редактором с 1902 г. был Н.Н. Соин. С осени 1905 г. приобрела революционно-демократический характер, пропагандировала лозунги вооруженного восстания, бойкота Думы и Учредительного собрания. Закрывается 1 янв. 1906 г. "Забайкалье" (1901-1906) редактировали А.Г. Солдатов, А.Ф. Перегудова, П.М. Мартынов. В 1905-1906 гг. (закрывается в феврале) народнически-эсеровский орган. "Народную летопись" (апрель-июль 1906 г.) издавал Н.П. Литвинов. Газета революционно-демократического характера с очень сильным влиянием большевиков перед закрытием. "Голос Сибири" (ноябрь 1905-июль 1906 г.) редактировал Вс. Крутовский. Левокадетская вначале газета эволюционировала к революционному демократизму. "Сибирское слово" (август-октябрь 1906 г.) - издание эсеров. "Сибирская мысль" (окт. 1906-1907). Редактор-издатель М.Р. Бейлин, затем Бейлин и В.А. Обручев. Левокадетская вначале с сильным влиянием эсеров. С весны 1907 г. - кадетская. "Степной голос" (май-июль 1906 г.) издавал и редактировал А.И. Корнеев. После закрытия газета стала выходить под названием "Степной пионер" (июль-октябрь 1906 г.) под официальным редакторством Н.В. Бурдиной. Большинство публицистических статей принадлежало социал-демократам. "Сибирский приказчик" (июль-окт. 1906 г.) редактировал Т.Г. Эфимов. Профсоюзное издание с линией на беспартийность. Последние номера имеют явную социал-демократическую окраску.

2) Журнал наследовал структуру и идейные принципы "Вестника

тельная солидарность с борющимися пролетариатом, но и явное стремление пропагандировать непримиримость к самодержавию. Последнее, правда, не мешало мелкобуржуазным демократам временами сочувственно относиться к либералам и преувеличивать демократизм областников¹⁾. Не мешало и иногда высказывать надежды на разум и мудрость правительства²⁾.

Газеты печатали большой и разносторонний материал: о положении рабочих, о стачках, демонстрациях, собраниях и митингах; о профессиональных и других рабочих организациях, возникавших в ходе революции; помещали резолюции комитетов РСДРП, решения стачечных комитетов, резолюции эсеровских организаций и отчеты с собраний; сведения об арестованных, казненных и осужденных, уволенных с работы и высланных; отзывы и рецензии на партийные издания; разоблачающие статьи о кадетях, октябристах, черносотенцах; резко обличительные заметки о царских карателях в Сибири и карательных мерах местной администрации; разъяснения думской тактики левых партий и призывы голосовать за их представителей. Отдельные номера "Голоса Сибири", "Народной летописи", "Забайкалья" по идейно-политическим принципам вполне можно отнести к легальным большевистским изданиям.

Таков № 46 "Голоса Сибири" (14 июня), где была посвящена специальная статья Меллеру-Закомельскому и Ренненкампу, едко высмеивающая их "победы", приводившая статистику убитых ими рабочих в Забайкалье и выражавшая надежду на память истории. "Народная летопись" № 5 (14 апреля) поместила рецензию на "Дневник социал-демократа" № 4, издаваемый Г.В.Плехановым, в которой автор (подпись "И.П.") рассматривал плехановские оценки неудач русской со-

золотопромышленности и горного дела вообще", сибирским продолжением которого он фактически и являлся. Выходил в 1904-1915 гг. Редакторы-издатели последовательно Э.К.Фрейман, А.А.Сборовский, И.П.Бересневич. Гораздо меньший и узко-специальный материал публиковал другой ведомственный журнал - "Вестник Сибирской железной дороги" (1902-1907), издававшийся управлением названной дороги. Здесь печатались циркуляры МПС и выписки из журналов Совета Управления дороги, обзоры технико-финансовой деятельности и т.п. За 1905-1907 гг. в журнале отразились и некоторые события рабочего движения железнодорожников.

1) См., например, статью "У гроба С.Н.Трубецкого" (без подписи) и выступление С.П.Швецова в защиту Н.Г.Потанина в "Сибирском вестнике", 11 октября 1905 г.

2) Адмиралов. О последнем правительственном сообщении. Там же, 1 декабря 1905 г. За редким исключением, все статьи и корреспонденции в газетах всех направлений публиковались без подписей или под псевдонимами.

циал-демократии в 1905 г. По мнению рецензента, Плеханов забл., что он живет в полицейско-самодержавном государстве, а советует тактику, пригодную для Франции, но не для России.

В следующем номере, 16 апреля, газета поместила статью о Барнаульском обществе "Взаимной помощи личного труда", где с глубоким марксистским анализом рассмотрела идеи сотрудничества владельцев и служащих в одном кооперативе.

В том же духе были выдержаны в газетах корреспонденции с мест и хроника.

Все названные газеты стремились быть общесибирскими информаторами. "Забайкалье" печатало подробные сведения о красноярском восстании, профсоюзном съезде в Томске, расстреле рабочих на ст. Иланская и т.д. "Степной пионер" помимо местных событий откликался на стачку в Каинске, собрание приказчиков в Красноярске, запрет "Народной летописи" в Новониколаевске, на митинги и массовые аресты в Томске. "Сибирское слово" помещало корреспонденции о кассах взаимопомощи рабочих и служащих на станциях Иркутск и Мысовая, о безработных в Чите, о стачке приказчиков в Омске и т.д. "Сибирская мысль" сообщала о безработице в Иркутске и массовых увольнениях рабочих с Сибирской и Забайкальской железных дорог, о забастовке шахтеров Анжерских копей, о создании Совета безработных в Чите.

"Сибирский вестник" помимо хроники, широко освещавшей рабочее движение, имел отдел "Среди союзных организаций", постоянно информировавший о жизни профессиональных организаций Сибири. Стабильным был отдел "Сибирь. Хроника" в "Народной летописи", отражавший все проявления классовой борьбы в Сибири.

Естественно, публикация столь острых и злободневных материалов постоянно преследовалась администрацией Сибири, в борьбе с которой демократическая печать пользовалась довольно гибкой тактикой. Газеты большим публицистическим статьям, излагавшим редакционное "кредо", обычно предпочитали корреспонденции и письма, через которые проводили свои линии, но уже не от имени редакции. Часто прибегали к перепечаткам из других газет, более лояльных к правительству, выдавая подчас за перепечатанные свои редакционные статьи. Поясняя причины закрытия той или иной газеты местными властями редакции почти дословно и полностью пересказывали содержание статей, вызвавших репрессии.

Например, 15 декабря 1905 г. был закрыт Тобольский "Сибирский листок"; редактор (М.Н. Костырина) привлечена к суду за публика-

ция статьи "Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом" и речи сельского писаря против Манифеста 17 октября. В заметке о судебном процессе в Тобольске "Степной пионер" так цитирует эти статьи, что передает оригинал полностью (22 июля 1906 г.).

Даже столь общий обзор названных изданий в состоянии дать представление об их значимости как источников при разработке истории рабочего класса Сибири. Особенно для изучения социально-политической истории местного пролетариата периода революции. Отнесение к этой группе "Горных и золотопромышленных известий" связано с тем, что его публикации о рабочих, написанные преимущественно в специально-техническом ракурсе, носят в своем большинстве научно-объективный характер, а выводы далеко не всегда подчинены кадетской политической доктрине¹⁾. Кроме того, по концентрации материалов о рабочих на своих страницах журнал примыкает к группе мелкобуржуазной демократической печати.

Конечно, факты, характеристики событий и ситуаций, нашедшие место на страницах этого направления неофициальной печати, как и в других случаях, не являются фотографиями исторической действительности. Во-первых, потому что газеты часто не располагали первоисточниками. Во-вторых, нередко они не могли из соображений самосохранения публиковать факт так, как он имел место. В-третьих, представители разных партийных и социологических воззрений, сотрудничавшие в одних и тех же газетах, должны были считаться друг с другом во имя общих интересов. А кроме того, они в одном и том же факте замечали и выделяли обычно разные черты и проявления разных тенденций.

Так, например, большевики видели в профсоюзах прежде всего рост организованности рабочего класса, меньшевики — проявление закономерностей европейского рабочего движения, эсеры — возможность объединения людей с разными политическими убеждениями, а кадеты — начало культурности и легальности в движении пролетариата. В соответствии с этим концентрировалось внимание редакторов и корреспондентов, и один и тот же факт представлял по-разному. К субъективности восприятия добавлялся субъективизм, обусловленный отражением действительности сквозь призму классово-партийных интересов.

Различными по происхождению и характеру были ошибочные сведе-

1) Речь идет о 1904—1907 гг. В журнале обсуждались тогда вопросы техники безопасности работ, социального обеспечения рабочих, формирования постоянных кадров, сведения о стачках и т.д.

ния в газетах. Чаще всего они были результатом недостаточной осведомленности редакций и корреспондентов. Реже - следствием тенденциозного изложения факта. Так, корреспондент из Омска включил массу крестьян-переселенцев в число местных безработных, требующих пособия от "казны". Покорные переселенцы выглядели у него борцами с местными властями ¹⁾. "Со всех концов Сибирской железной дороги, - констатировал "Сибирский вестник", - поступают к нам жалобы на пьяные разгулы солдат, на насилия их, на вмешательство их в распоряжения заведывающих передвижением" ²⁾. Умалчивая о революционных выступлениях солдат в Красноярске, Чите, Иркутске, о их помощи рабочим, газета создавала одностороннее представление о солдатской массе.

В статье "Красноярская республика", в основном верно излагающей события восстания в Красноярске, газета "Народная летопись" значительно преувеличивала размах и силу движения, рассказывая о регулярных 10-тысячных митингах в мастерских в октябре 1905 г., об аресте дружинниками офицеров 2-х воинских эшелонов и суда над ними и т.д. ³⁾ В одном из следующих номеров сообщалось о стачке рабочих фабрики Перевалова (Иркутская губ.), начавшейся 29 мая, тогда как стачка началась 26-го и закончилась 28 мая ⁴⁾.

Подобные фактические ошибки, как и проявления тенденциозности, субъективизма в освещении событий, говорят о необходимости критического анализа источников этой группы.

В меньшей мере, более односторонний и более сложный с точки зрения источниковедческого анализа материал о сибирских рабочих содержат периодические издания либерально-буржуазного и монархического характера. Если демократическая печать фактически была разгромлена в Сибири в 1907-1908 гг. и стала отвоевывать свое место лишь в 1910-1912 гг., то либеральная и монархическая, выделившись в классово-партийные направления в 1905-1906 гг., непрерывно укрепляла свои позиции. В особенности, - либерально-буржуазная, преимущественно кадетская по своему характеру.

Наиболее регулярно проблемы социально-экономической жизни Сибири, в том числе рабочий вопрос, привлекали внимание таких либе-

1) "Голос Сибири", 18 июня 1906 г.

2) "Сибирский вестник", 21 декабря 1905 г.

3) "Народная летопись", 21 мая 1906 г. Статья эта публиковалась как перепечатка из "Сибирской торговой газеты". В действительности октябристская по своему характеру тюменская газета не публиковала этой статьи.

4) "Народная летопись", 9 июля 1906 г.

ральных газет, как ранее отмеченная "Сибирская жизнь"; "Сибирское обозрение" и "Сибирская речь", вышедшие как продолжение закрытого "Восточного обозрения" (Иркутск); "Иртыш" и "Степная речь" (Омск); "Сибирь", издаваемая в Красноярске в 1906-1907 гг. (редактор-издатель Ф.Ф. Филимонов) и "Сибирь", издаваемая в Иркутске; "Забайкальская новь" (Чита) ¹⁾. Из общественно-политических журналов чаще и полнее других идеологическая и классово-политическая борьба в Сибири отражалась на страницах "Сибирских вопросов" ²⁾.

Либеральная печать достаточно ярко раскрывает характер своего "сочувствия" народу, свое отношение к революции, рабочему движению и местным организациям РСДРП. До Манифеста 17 октября либералы подробно писали о рабочем движении, обосновывая право рабочих на стачки, профсоюзы, собрания. Восторг по поводу превращения России в "свободное парламентарное государство"; "вошедшее в семью передовых наций Европы", наиболее образно выразила 22 октября "Сибирская жизнь", здесь же заявив: хватит междоусобицы, довольно кровопролития. Тон либеральных газет и соответственно отношение к классовой борьбе рабочих резко изменились. На собрании Томского отдела кадетской партии профессор М.Соболев заявил: "Забастовки губительно отражаются на всем государстве и по отношению к ним допустимы все меры" ³⁾.

Позиция Соболева не разделялась всеми либералами Сибири, но стремление ввести борьбу рабочих в русло законности и порядка определило позиции их печати от октября 1905 г. и до конца революции: "Сибирское обозрение" развернуло травлю "Летучего листка" - нелегального органа Иркутского комитета РСДРП; Красноярская "Сибирь" осудила действия рабочих-железнодорожников; "Забайкальская новь" противопоставляла революции реформы как средство ликвидации безработицы и т.д. Редакционные передовицы и авторские публицисти-

1) "Сибирское обозрение" возглавлял В.С.Ефремов, а "Сибирскую речь" (1906 г.) редактировал И.Ф.Черниковский. Он же был первым редактором "Сибири" (1906-1916), в которой первоначально (1906-1907 гг.) было сильным влияние эсеров (сотрудничали Р.Гоц, Е.Тимофеев и другие). Позже газету редактировали: П.И.Ткаченко, Г.Г.Сотовский-Гневский (1907 г.), А.К.Бингер, С.М.Соколов (1908 г.) и др. "Иртыш" (1906) редактировал И.А.Позаренных; вышло 92 номера. "Степная речь" (1907) издавалась и редактировалась Е.Б.Кипарисовой. "Забайкальская новь" (1907-1915) первоначально издавалась с участием эсеров. С конца 1914 г. приобрела социал-демократический характер (участвовали большевики и меньшевики).

2) "Сибирские вопросы" (1905-1913) в Петербурге издавал В.П.Сукачев. Редактор П.М.Головачев, а с 1909 г. - А.И.Иванчин-Писарев. Официально "независимый прогрессивный журнал, посвященный защите областных интересов Сибири". Фактически кадетско-областническое издание, рупор сибирской кадетской группы в Государственной Думе.

3) "Сибирский вестник", 23 декабря 1905 г.

ческие статьи кадетско-областных газет - красноречивый источник по идеологии и тактике сибирских либералов ¹⁾.

Пропагандистская позиция либеральной периодики заключалась в следующем: в Сибири нет ни пролетариата, ни почвы для классовой борьбы; в 1905 году против самодержавия выступили все демократические силы и их сплочение под лозунгом полновластной Думы - главное условие победы демократии над самодержавием. Объединение и сотрудничество классов и партий - вот путь борьбы за народные и сибирские интересы.

Эту "надклассовую" буржуазную линию, "всецело направленную к обновлению России и устранению произвола" ²⁾, либеральная пресса проводила довольно гибко, демонстрируя внешнюю объективность и не опускаясь до преднамеренного извращения фактов. На ее страницах сравнительно часто находили место статьи о положении рабочих, отчеты о митингах и собраниях, заметки о рабочих организациях, велась хроника стачек и т.д. При публикации таких материалов газеты обычно не комментировали факты и события, предоставляя это делать читателям.

Но публикации о рабочих ³⁾ говорят и о другом. Революционная обстановка вынуждала не столь редко идти дальше, чем этого хотелось бы буржуазным политикам. Да и не наступило еще, очевидно, тогда в Сибири их полное размежевание с мелкобуржуазным демократизмом. Поэтому в тех случаях, когда оценки фактов нельзя было избежать, корреспонденты и хроникеры не только проявляли непоследовательность, а и порой противоречили общему тону изданий, следуя оценкам демократической печати.

Наиболее часто помещали материалы о рабочих "Восточное обозрение", "Сибирская жизнь", "Сибирь" (Иркутск), "Сибирская речь" и "Степная речь". По преимуществу - это краткие хроникальные за-

1) В данном случае подразделять либеральную печать на кадетскую и областническую не имеет смысла: принципиальных расхождений между теми и другими по рабочему вопросу в Сибири не было. Да и сам характер периодических изданий делает такое подразделение почти невозможным.

2) "Сибирская речь", 5 июля 1906 г. (Иркутск).

3) П. В. Вологодский. Из хроники освободительного движения в Сибири. "Сибирские вопросы", 1906, № 2; А. Б. В. Нуды приказчиков. "Сибирская жизнь", 1 марта 1905 г.; И. Мордвинов. Знаменский стекольный завод... (в положении рабочего в Сибири). "Восточное обозрение", 29 декабря 1905 г.; Волдо. Черемхово. (В коях). "Сибирь", 26 ноября и 16 декабря 1906 г., 9 и 15 января, 20 февраля 1907 г.

метки о положении рабочих на отдельных предприятиях, о стачках и требованиях рабочих, о профессиональных организациях и т.д. Публицистические статьи и исторические очерки - основной вид публикаций "Сибирских вопросов". В журнале кроме кадетско-областнических статей было опубликовано около двадцати выступлений социал-демократов и социалистов-революционеров, посвященных рабочему движению и революционным событиям в Сибири в 1905-1907 гг. ¹⁾ Журнал, кроме того, может служить источником для изучения исторических взглядов сибирских кадетов, областников и представителей мелкобуржуазного реформизма. Недостигаемый для местных властей и широко пользовавшийся поддержкой сибирских депутатов Государственной Думы этот орган печати проявлял наибольшую смелость в критике правительственной политики в Сибири.

Если либеральные издания периода революции были в Сибири в значительной своей части левее кадетских и совершенно не случайно разделяли участь мелкобуржуазной печати, то немногочисленные издания октябристского характера, наоборот, были правее своих российских собратьев и в рабочем вопросе их трудно отличить от газет черносотенцев ²⁾. Последние также не имели широкой аудитории в Сибири и большая часть их периодических изданий, несмотря на поддержку сибирской администрации, скончалась вскоре после рождения. Только в Томске и Красноярске отделы "Союза русского народа" издавали свои газеты продолжительное время ³⁾.

Те и другие публиковали периодически отдельные статьи и обзоры по отдельным отраслям местного хозяйства, особенно по торговле. О рабочих же писали редко и крайне тенденциозно, не стесняясь фальсификаций и клеветы. Московское восстание, например, омская "Стель" изображала следующим образом: "Шайки революционеров бродят

1) Д. Романов. Красноярская республика. "Сибирские вопросы", 1907, № 2; М. В. Профессиональные и политические организации в Забайкальской области, 1907, №№ 15-17; М. Иванов. Революционные дни на Востоке. 1907, №№ 35-39; И. Серебренников. "Красные" дни в Иркутске". 1907, №№ 20, 26-28; И. Майский. Рабочий вопрос на разных промыслах Тобольской губернии. 1906, №№ 19-20, 21-22; И. С. Почтово-телеграфная забастовка в Сибири в 1905 г. 1910, №№ 48-49, 50-52; Очерки сибирской жизни (редакционная статья о ленской стачке, рабочем законодательстве в Сибири и т.д. - Н. Б.). 1912, № 13, Д. С. О положении рабочих в Сибири. 1911, № 34 и др.

2) Большую часть своего существования разделяла октябристские взгляды тюменская "Сибирская торговая газета" (1897-1916). В Томске органом отдела "Союза 17 октября" в 1906-1907 гг. была газета "Время" (ред.-издатель И. А. Базанов, затем Е. Ф. Кудрявцев). В Чите аналогичное издание - "Даурский вестник" (1906 г., ред. А. Васильевский, затем Н. Бадмаев). В Омске непродолжительное время (с дек. 1905 по апрель 1906 г.) выходила "Стель" (изд. И. С. Чекановский, редактор А. И. Касаткин).

3) В Томске с осени 1905 г. - "Сибирские известия", а позже

по городу, воздвигая на улицах баррикады, вступая в бой с войсками и полицией и наводя ужас на мирных жителей древней столицы"¹⁾. В корреспонденции "Жертва жестокости железнодорожных забастовщиков" та же газета, совершенно исказив факты, рассказывала о челябинских железнодорожниках, не пропустивших в Самару большую женщину²⁾. В том же духе открытой ненависти к рабочему движению, спекуляции на обывательских настроениях были выдержаны другие публикации в октябристской и черносотенной печати.

Издания этого направления — один из лучших источников для выяснения взглядов реакционно-монархической буржуазии Сибири на пролетариат и рабочее движение. По самой же истории сибирских рабочих они дают ничтожно малый материал.

От 1907 г.³⁾ и далее количество публицистических статей и конкретно-фактических сообщений, способных служить материалом для разработки истории рабочего класса в Сибири, заметно сокращается как в демократической, так и в либерально-буржуазной печати. В органах печати на передний план выдвигается идеологическая борьба между представителями либерализма и революционного демократизма, в которой уточнялось отношение тех и других к пролетариату России, высказывались суждения о возможном влиянии его на будущее самодержавия, но местные рабочие не были при этом объектом внимания. Лишь в статьях, написанных с большевистских позиций, постоянно подчеркивалась опасность для рабочих пропагандируемой сибирскими либералами идеи бесклассовой демократии.

Из газет демократического направления более других материалы о рабочих публиковали "Сибирская мысль" (Иркутск), "Сибирское слово" (Томск), "Степная речь" (Омск)⁴⁾. В защиту классово-политики пролетариата периодически выступала томская газета "Утро Сибири"⁴⁾. Откликаясь на важнейшие события политической жизни России,

(1908-1915) — "Сибирская правда". Редактировали одновременно: Н.А.Лалетин, И.П.Трусов, В.А.Залесский. В Красноярске — "Православный сибирик" (1906), "Сусанин" (1910-1914). В Иркутске (1906г.) — "Сибирик".

1) "Степь", 21 декабря 1905 г.

2) Там же, 1 января 1906 г.

3) "Сибирская мысль" (1910-1911) официально редактировали В.М.Ровинский и П.И.Ченцов. "Сибирское слово" (1910-1911) издавал М.И.Преловский, редактировал В.Я.Маракулин. В газете было сильное влияние социал-демократов. "Степная речь" (1911), судя по характеру газеты, издавали социал-демократы и эсеры. Редактировал Л.С.Опрокидывнев.

4) Издавалась в 1911-1916 гг. Редактировал В.Е. Вологанин (с 1915 г. — А.Н. Морачевский). В газете нередко печатались серьезные публицистические статьи о пролетарской литературе, рабочем движении за границей, а иногда и на внутривластные темы.

эти газеты постоянно указывали на единство действий правительства и буржуазии против народа, раскрывали тактику октябристов и вождей кадетской партии в Государственной Думе, резко-критически разбирали проекты законов о рабочих и т.д.

Например, "Сибирское слово" в редакционной статье 27 февраля 1911 г. сообщало о внесении трудовиками в повестку дня Государственной Думы законопроекта о всеобщем избирательном праве. Приветствуя этот шаг трудовой группы, как привлечение внимания к острой проблеме общественной жизни России, газета уверенно предсказывала его провал, поскольку классовый состав Думы реакционно-буржуазный и "между ней и народом существует дистанция огромного размера".

В "Степной речи" был специальный отдел "Рабочая жизнь", в котором из номера в номер шли сообщения и статьи: "Забитый вопрос" (о рабочем законодательстве), "Рабочий вопрос и октябристы", "Ребенок в современной промышленности", "Совзны" (в защиту рабочих профсоюзов) и т.д. ¹⁾ Среди материалов о сибирских рабочих преобладали краткие заметки о положении приказчиков, о труде маляров в Омске, о безработице в Новониколаевске и т.д. В основном все отклики на рабочую тему были перепечатками из других изданий или редакционными подборками. Нередко по своему характеру это были марксистские публикации. Например, в статье "Забитый вопрос" появление рабочего законодательства редакция объясняла классовой борьбой пролетариата. В частности, революция заставила правительство что-то дать, а еще больше - обещать. Прошла буря - обещания забыли ²⁾.

Материалы газет этого направления достаточно хорошо раскрывают их идейно-политическую позицию относительно пролетариата и его партии, но информация о сибирских рабочих в них невелика. Демократические газеты в эти годы, как и ранее, испытывали постоянные преследования и не успевали окрепнуть. Они не располагали ни достаточными материальными средствами, ни сетью корреспондентов для сбора и обработки солидного фактического материала.

Иными были возможности крупнотиражных либеральных газет, таких как "Сибирская жизнь" и "Сибирь", пользовавшихся широкой поддержкой сибирской интеллигенции ³⁾ и располагавших средствами для

1) "Степная речь", 5, 14, 15, 17 апреля 1911 г.

2) Там же, 5 апреля.

3) Кроме этих газет рабочий вопрос в различных аспектах находил отражение и в других либерально-буржуазных изданиях. Например, ранее упомянутый "Голос Сибири", выходивший в Иркутске в 1910-1913 гг., опубликовал ряд статей о местной промышленности и рабочих. "Забайкальская новь" напечатала ряд статей на эту тему

привлечения сотрудников из различных сфер общественной и хозяйственной жизни. Та и другая сравнительно часто обращались к социально-экономической тематике. Первая периодически печатала обзоры и специальные статьи о горнозаводской, обрабатывающей промышленности Сибири, о железнодорожном транспорте, о банках, кредите, иностранном капитале; помещала корреспонденции о продолжительности рабочего дня железнодорожников, шаутеров, приказчиков и др. 1) "Сибирь" часто сообщала об эпизодах прискового труда рабочих, о шахтерах, о пришедших на заработки из России, о стачках и т.д.

Кроме того, публикации различного характера, способные в той или иной мере оказать помощь в разработке фактологической основы истории сибирских рабочих, помещались в литературных и специальных журналах, издававшихся в этот период: "Журнал общества сибирских инженеров" (1909-1915) 2), "Молодая Сибирь" 3), "Известия Томского округа путей сообщения" (1912-1917), "Горнопромышленный листок" (1914), "Алтайский крестьянин" (1912-1916) 4), "Сибирская деревня" (1913-1916) 5) и др. В одном случае - это сведения о количестве и мощности паровых котлов, в другом - очерки рабочего быта, в третьем - материалы о заработках переселенцев и оплате наемного труда в сибирской деревне.

Помещались, конечно, в этот период статьи и корреспонденции (исследовательского и публицистического характера) в центральных ведомственных и частных периодических изданиях. Например, в журналах "Вестник финансов, промышленности и торговли", "Железнодорожное дело", "Горный журнал", "Железнодорожник", "Вопросы колонизации", "Право" и других были напечатаны статьи о рабочем рынке Забайкалья, о женщинах на Сибирской железной дороге, о заработной плате в обрабатывающей промышленности, о крестьянах и ра-

("Фабрично-заводская промышленность Забайкалья в 1909 году" - 11 марта 1910 г., "Безработица" - 12 марта 1911 г.; "Расстрел рабочих" - 9 февраля 1914 г. и др.). "Курганский вестник" (1909-1915) изредка отдикала заметками о положении рабочих и т.д.

1) Например: И. Киселев. "Рабочий день на железных дорогах" - 28 января 1909 г.; "Горнозаводская промышленность Сибири" - 8 января 1911 г.; "Иностраный капитал в Сибири" - 1 августа 1912 г.; "Копи Анжерские и Михельсона" - 4 мая 1914 г.; "Безработица" - 8 августа 1914 г. и др.

2) С 1916 г. - "Вестник сибирских инженеров".

3) Литературный журнал, в 1910 г. была попытка продолжить издание под названием "Сибирская новь" (Г. Гребенщиков, Г. Вяткин, И. Тацалов, В. Шихов).

4) Издание Алтайского Союза кредитных и ссудосберегательных товариществ. До 1916 г. редактор М. О. Курский (Барнаул).

5) Орган Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли. Выходил в Красноярске, редактор А. П. Кузнецов (с 1915 г. - А. Ф. Тарасов).

бочих, пришедших в Сибирь на заработки ¹⁾ и другие.

Большая часть статей, опубликованных в ведомственных и неофициальных местных журналах, представляла собой попытки характеризовать те или иные явления на сибирском рынке наемного труда, опираясь на данные статистики. Однако почти всегда документальная основа таких попыток была недостаточной для научных обобщений и авторы вынуждались прибегать к публицистическим приемам в раскрытии темы. Кроме того, публицистичность присутствовала в творческом методе в силу самой специфики предмета: любой аспект проблемы рабочего класса был тогда политически злободневным. Как и в буржуазных газетах, фактическая достоверность и обобщения журнальных публикаций зависели не только (подчас и не столько) от качества первичного источника, а и от классово-партийных позиций авторов и изданий в целом.

А позиции эти не были однородными. "Молодая Сибирь" и "Сибирская новь" представляли демократическое направление в послереволюционной журналистике. В том же характере была написана часть статей и корреспонденций в "Алтайском крестьянине", "Сибирской деревне", "Вопросы колонизации". Буржуазный либерализм определял лицо "Вестника сибирских инженеров" и "Железнодорожного дела". Остальные из названных придерживались официально-правительственной линии поведения.

В период революционного подъема и в годы мировой войны многие проблемы социально-экономической жизни Сибири широко обсуждались в либерально-буржуазной периодической печати. Оппозиционность самодержавию лежала в основе извлечения обличительных материалов и критических выводов. Она же по существу питала критику бескультурного, "азиатского", хищнического способа хозяйствования и эксплуатации рабочего сибирским промышленником. Признавая за рабочим право на защиту от такой эксплуатации либерально-буржуазная печать поместила на своих страницах немало фактов о положении рабочих и их выступлениях.

С другой стороны, эта печать не только отразила страх либералов перед классово-политической самостоятельностью пролетариата в общественном движении, но и тенденции не допустить такой самостоятельности в Сибири: социал-демократия объявлялась чужеродным телом, движение рабочих - чисто экономическим, уровень их сознания - далеким от зрелого и т.д. По идеологии рабочего класса, по

¹⁾ "Вестник финансов..." 1908, № 32 и 1911, № 28; "Железнодорожное дело", 1908, № 46 и 1912, № 35; "Вопросы колонизации", 1908, № 2 и 1915, № 17; "Горный журнал", 1912, т. I.

истории организации РСДРП либерально-буржуазная печать Сибири очень скудный и не менее тенденциозный источник.

Более сложный, особенно по истории идеологической борьбы в Сибири, источник представляет собой мелкобуржуазная периодическая печать. Ранее обращалось внимание на ее структуру. В 1910-1916 гг. как и в конце XIX в., большая часть публицистических, критических и научно-исторических статей в изданиях этого направления была написана политическими ссыльными. Собственно, преимущественно они и превратили сибирскую мелкобуржуазную прессу в демократическую и революционно-демократическую. Но к борьбе с местным либерализмом и областничеством, как и к пониманию своих партийных задач в Сибири, авторы подходили не с одинаковых идейно-политических позиций. В равной мере большевики, меньшевики, эсеры и трудовики неодинаково представляли себе возможную в Сибири комбинацию классовых сил против самодержавия и место рабочих среди них.

Источники показывают это различие идейных взглядов и мнений, хотя они часто приглушены авторами или редакторами. Уточнить же последнее обстоятельство трудно не только потому, что статьи не имеют подписей или подписаны псевдонимами. Почти все официальные редакторы демократических изданий не являлись таковыми и не влияли на их лицо ¹⁾. А архивы редакций не сохранились.

Поэтому, если по истории идейно-политической борьбы в Сибири демократическая периодика источник совершенно необходимый, если он раскрывает взгляды представителей мелкобуржуазной политической мысли на сибирских рабочих, то для разработки конкретной истории последних возможности этого источника сравнительно скромные.

Иной должна быть итоговая оценка сибирской неофициальной периодической печати как источника по истории рабочего класса в эпоху капитализма. Отразив на своих страницах важнейшие события социально-экономического развития огромного района России, регулярно обращаясь к теме положения рабочих в Сибири, публикуя факты их классовой борьбы и организации, как и обширный круг сведений по смежным темам, печать оставила исследователям большой материал, необходимый для восстановления истории местного и российского пролетариата. При всей его разрозненности, фрагментарности, относительной достоверности многих данных, при неизбежной тенденциозности буржуазных изданий этот фактический материал во многих слу-

1) Так было с "Сибирским словом", "Степной речью", "Сибирской мыслью", "Омским вестником", "Обской жизнью" и др.

чаях — единственный информатор о жизни рабочих в Сибири в капиталистическую эпоху.

Источниковедческое освоение сибирской периодической печати вообще и разработка ее содержания для социально-экономической истории пролетариата, в частности, — одна из актуальных задач историографии Сибири.

* * *

*

Дореволюционная историография рабочего класса Сибири благодаря преимущественно трудам В.И.Семевского и политических ссыльных уже к концу XIX в. заняла видное место в изучении региональной истории и современности. Ее основные заслуги в накоплении исторических знаний, в решении вопроса о направлении и характере развития местного хозяйства, в сосредоточении внимания на основных проявлениях социальной обособленности рабочего класса в Сибири.

В силу сложившихся условий историография рабочего класса на протяжении всего дореволюционного периода была не столько отраслью профессионально-научных знаний, сколько ареной общественно-политической борьбы демократических сил с царской администрацией и хищничеством буржуазии в эксплуатации наемного труда. Поэтому современность стала основным объектом внимания авторов, а публицистичность — характерной чертой литературы о рабочих.

Дореволюционная историография почти не оставила обобщающих трудов о наемном труде в Сибири. Имевшиеся выполнены с позиций народнической социологии. Но она выполнила большую работу по формированию источников, по их первичной обработке. При отсутствии в Сибири сколько-нибудь удовлетворительной экономической и социальной статистики труда эту деятельность исследователей и публицистов, как бы не были скромны ее результаты, также следует считать их заслугой.

По своему содержанию это был в значительной мере начальный этап источниковедческой работы, без которой нельзя было двигаться к обобщенным представлениям по наблюдаемым историческим явлениям. Однако до обобщенного анализа групп источников, т.е. до собственно-источниковедческих исследований, дело не дошло.

Не обогатилось серьезными специальными трудами источниковедение рабочего класса Сибири и за годы советской историографии.

Высказанные в литературе мнения об отдельных видах источников, в которых отразились преимущественно эпизоды социальной истории сибирских рабочих, — первые шаги в решении задачи, но далеко не само решение.

Предпринятая попытка обобщенного анализа нескольких основных групп источников, способных служить научной разработке истории пролетариата в Сибири, убеждает в том, что их возможности для формирования эмпирико-фактической базы исследования проблемы использованы историографией пока лишь частично. Учет всей совокупности их информации вполне в состоянии расширить имеющиеся знания, а одновременно и внести некоторые поправки в сложившиеся представления.

Главный же вывод, к которому приводит выполненная работа, заключается в другом: от предпочтительного сосредоточения творческого труда специалистов на источниковедческом аспекте проблемы прежде всего зависит плодотворность ее разработки в целом.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Дворянско-октябристское направление	8
Либерально-буржуазное направление	15
Мелкобуржуазное направление	34
Марксистское направление	55
Источники по истории рабочего класса дореволюционной Сибири	75

Николай Васильевич Блинов

ОЧЕРКИ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
РАБОЧЕГО КЛАССА СИБИРИ

Редактор издательства Р.М.Боженко

КЗ 05160 Подписано к печати 14 июня 1974 г.

Формат 60 x 90^I/₁₆ . Печ. л. 9,9; уч.-изд. л. 8,3.

Заказ 1317 Тираж 400. Цена 64 коп.

Издательство ТГУ, Томск-29, ул. Никитина, 17.

Ротапринт ТГУ, Томск-29, ул. Никитина, 17.

1-179000
Digital Library (Repository)
of Tomsk State University
<http://vital.lib.tsu.ru>

Томский государственный университет 1878

Научная библиотека 01013543